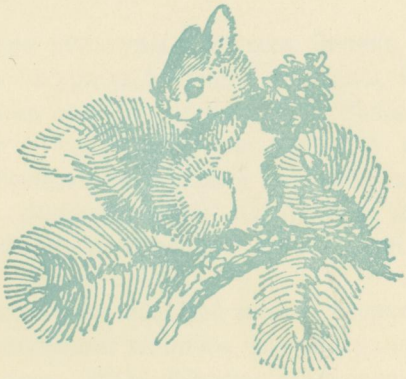
ФИЛЬМЫ-СКАЗКИ

ГОСКИНОИЗДАТ · 1952

ФИЛЬМЫ-СКАЗКИ

Сценарии рисованных фильмов



ГОСКИНОИЗДАТ
Москва · 1952

Составитель
Б. ВОРОНОВ

Оформление
художников
Н. СТРОГАНОВОЙ и Л. МИЛЬЧИНА

Друзья-товарищи

ЛЕВ КАССИЛЬ

Детский парк культуры и отдыха. Зелень, цветы. Затейливые павильоны, ажурные башенки, фонтаны. Веселая грациозная музыка. Ветер полощет яркие флаги, качает цветные фонарики. Взлетают к небу качели с радостно повизгивающими ребятишками. Вращается похожее на огромные крылья ветряной мельницы крестообразное сооружение с корзинами на концах крестовины. В корзинах сидят дети — и малыши и пионеры.

Пройдя сквозь этот веселый мирок, сверкающий пестрыми красками под июльским солнцем, мы задерживаемся на аллее пушкинских сказок, около фигуры «Царевна-Лебедь». Рядом с ней указатель, на котором целым кустом торчат в разных направлениях дощечки — стрелки с надписями...

Около указателя стоит школьница Зина, плотная, но маленькая для своих одиннадцати-двенадцати лет девочка. На ней белый передничек с крылышками, которые топорщатся в разные стороны. На голове замысловато сплетенные косички.

На макушке огромный бант. В руке изящный чемоданчик, какой носят спортсменки и актрисы.

Девочка, быстро бормоча, читает надписи:

Аллея сказок... Цирк... Полет... *

И, наконец, обнаруживает то, что ей нужно:

Смотр юных дарований! Вот!

Девочка становится точно под самой стрелкой и, определив таким образом направление, поспешно устремляется в ту сторону, куда указывает стрелка.

На перекрестке Зина озирается, не зная, куда дальше итти. Доносится веселая музыка. Зина оборачивается, смотрит вдаль...

А перед нами появляется нарядная парусная лодка. На корму ее, занимая место у румпеля, ловко вскакивает нахимовец:

Как бы шквал ни бушевал,
Удержу в руках штурвал.

Мальчуган в летней форме суворовца держит под уздцы застывшего в полупрыжке горячего коня. У мальчугана подчеркнуто строевая выправка, четкость движений, бравый вид. Сразу видно: военная косточка! Он легко вскакивает в седло:

Смело шпоры дам коню
И помчусь во весь опор.

Появляется маленький ярко окрашенный автомобильчик. Вокруг него деловито похаживает паренек с рыжеватыми вихрами, которые торчат из-под черной фуражки с молоточками и буквами «РУ». Он со знающим видом оглядывает машину, что-то измеряет на ней вынутой из кармана металлической линеечкой, занимает место в автомобиле:

Берегитесь, догоню.
Уберите светофор!

Автомобиль, лодка, конь неожиданно сдвинулись с места. И теперь мы видим, что все три паренька сидят на карусели. Играет музыка. Проносятся автомобиль, лодка, конь. Но на

---

* *Стихи Л. Позднеева.*

прасно юный ремесленник вертит баранку своего автомобиля и нажимает грушу гудка, издающего крякающий звук. Тщетно нахимовец лихо правит парусом, а суворовец пришпоривает коня. Никто из них не может ни догнать, ни перегнать, ни уйти друг от друга. И несутся за ними вереницей огромные гуси, сани, самолеты и другие фигуры карусели, на которых сидят ребята всех возрастов.

Появляется Зина. Она останавливается около карусели и, озираясь, ищет, куда же ей дальше итти.

Нахимовец, проезжая мимо:

Опоздали? Не беда!
Забирайтесь к нам сюда.

Суворовец.

Самый лучший самолет
На крыле вас повезет.

Ремесленник.

Ну же, прыгайте смелее.

Зина.

Не поеду на крыле я.

Карусель ускоряет движение.

Нахимовец на ходу обращается к Зине:

Не стесняйтесь, здесь, как дома...

Зина невольно вовлечена в разговор:

Я же с вами незнакома.

Суворовец.

Вот, подумаешь, причина.

Ремесленник.

Вас как звать, скажите?

Зина *(быстро)*.

Зина.

Нахимовец *(вежливо козыряя)*.

А меня зовут Чижов.

Суворовец.

Я Пыжов.

Ремесленник.

А я Рыжов!
Не запомнить мудрено.

Зина *(звонко смеясь)*.

Чижик, Пыжик. Как смешно...

Карусель замедляет движение. Из подплывшей лодки выскакивает нахимовец:

Я смешного тут не вижу!

Соскакивает с коня суворовец:

И причем тут Чижик-Пыжик?

Задетые за живое, мальчики подходят к Зине.

Нахимовец.

Я не Чижик, а Чижов!

Суворовец.

Я не Пыжик, а Пыжов!

Зина говорит чуть пренебрежительно:

Это, в общем, безразлично.

Нахимовец гордо выпрямляется:

Извините, я вот лично... —

привычной скороговоркой рапорта продолжает:

...Ленинградского Нахимовского...
Буду офицером флота.

Суворовец вытягивается в струнку:

Я отличник пятой роты... —

бравой скороговоркой чеканит:

Казанского Суворовского...

Ремесленник выходит из автомобиля, снимает фуражку, приглаживает вихры расческой:

Ну, а я вот, например...
Ярославского ремесленного...
По слесарной части мастер,
А глядишь — и инженер...

В словах мальчиков звучит гордость за свои училища, за свои мундиры. И с такой же гордостью девочка отвечает им:

Да? А я в двадцатой школе.
Но учиться столько лет...
Я хочу итти в балет
На ответственные роли.

Ремесленник спрашивает с еле заметной усмешкой:

Значит, есть талант?

Зина совершенно спокойно отвечает:

Еще бы.

Тогда Рыжик, поднявшись на ступеньку, бросает Зине:

Ну, а как насчет учебы?

Зина, тряхнув бантом, отворачивается:

Понимаю, вы зубрилки.

Ребята возмущены. Они взбегают на ступеньки и преграждают дорогу Зине.

Ремесленник.

Что?..

Нахимовец.

А ну-ка, повтори!

Суворовец.

Кто зубрилки? Говори!

Ремесленник.

Кукла с бантом на затылке.

И неизвестно, до чего дошло бы это столкновение, если бы не раздался голос из радиорепродуктора: «Смотр юных дарований происходит на открытой сцене в детском городке. Сегодня последний день смотра».

Зина говорит спокойным важным тоном:

Дайте мне пройти, однако, —
Я спешу на смотр.

Ремесленник отодвигается.

А когда Зина гордо ушла, суворовец тихо говорит:

Кривляка...

Нахимовец неожиданно предлагает:

Что, а если нам втроем
Тоже выступить?.. Идем!

Все трое одинаковым жестом поправили гимнастерки и двинулись следом за Зиной.

Зина идет по дорожке, ведущей к эстраде, задерживается на мгновение около статуи «Балерина» и затем отправляется дальше, двигаясь балетными па и танцевальными прыжками.

Пробегая вдоль огороженной площадки с эстрадой, слышит музыку, аплодисменты и, крайне заинтересованная, забирается на нижний выступ ограды.

Кусты мешают Зине смотреть, но вот она находит удобную позицию и... видит закулисную часть эстрады.

Тут царит оживление. То вбегают, то выбегают дети, исполняющие, повидимому, какой-то танец. Слышен веселый топот ног, аплодисменты...

Через ограду смотрит с восхищением Зина. Несколько поодаль от нее все трое мальчиков. За кадром новый взрыв аплодисментов. Зина тоже аплодирует.

Суворовец говорит, не обращаясь к Зине, но с явным желанием, чтобы она слышала:

Что ж, и мы не хуже можем.

Нахимовец.

И сыграем, что угодно...

Ремесленник.

«Светит месяц»... Марш походный...

Привычным жестом он проводит своей расческой по волосам. Заметив это, Зина небрежно бросает через плечо:

На гребенке?

Ремесленник уязвлен, но не желает сдаваться:

Предположим!

Спрыгивает решительно с ограды, оба его приятеля следуют за ним.

Зина продолжает стоять на ограде и через плечо посматривает на мальчиков.

Рыжик срывает листок и мигом прилаживает его к своей расческе.

Чижов и Пыжов становятся в лихие танцевальные позы.

Нахимовец.

Нам и твой балет не страшен.

Суворовец.

Если надо, тоже спляшем.

Зина резко поворачивается, бросает на мальчиков презрительный взгляд, спрыгивает и быстро уходит, важно задрав носик.

Мальчики разобижены до крайности. Чижов и Пыжов резко отворачиваются. А Рыжов, продолжая, озадаченно смотрит вслед Зине, говорит тихо и протяжно:

Вот так Зина-балерина...

Зина входит через калитку внутрь ограды. Оглянулась и торопливо пошла в левую сторону. Тогда справа раздался голос:

Что ты хочешь? Записаться?

Зина слегка вздрогнула и обернулась со словами:

Танец разучила я...

Зина пошла в ту сторону, откуда прозвучал вопрос.

Над столом плакат: «Запись участников». За столом сидит пионерка чуть постарше Зины, очень, повидимому, строгая и деловитая. Она спрашивает, открывая папку записавшихся:

Сколько лет тебе?

Зина.

Двенадцать.

Пионерка.

Как твоя фамилия?

Зина.

Зина Жукова... Вписала?
Первомайская, дом девять...

Зина торопливо наклоняется к чемоданчику:

Я недавно танцевала...
Я была Царевна-Лебедь,

Волнуясь, Зина вытаскивает из чемоданчика крылышки и, в спешке надевая их «вверх ногами», говорит:

Даже главный музыкант
Мне сказал: «У вас талант,
И талант довольно редкий»...

Вытаскивая крылышки, Зина выронила на землю свой ученический табель. Пионерка говорит:

Браво, Жукова! А ну-ка,
Покажи свои отметки...

Зина сразу поникла. Крылышки смешно торчат у нее за спиной. Она неохотно открывает табель:

Я исправлю...

Крупно страничка табеля.

Пионерка.

Нет, постой-ка,
Тройка... тройка... даже двойка...

Медленно приоткрываясь, страничка открывает годовые отметки: *4... 3... 3... 2...*

Пионерка возвращает табель Зине:

Зина? Целых три предмета?!
Вот послушайся совета:
Подтянись-ка ты за лето...

Мальчики, выглядывая из-за ограды, с интересом слушают слова пионерки.

Чтоб тебе исправили
Три отметки в табеле.

Расстроенная Зина берет табель и начинает укладывать свои вещи в чемоданчик, а пионерка дружески успокаивает ее:

Ничего, не вешай носа.
Ни к чему твоя обида...
Запишу тебя на осень...

Зина медленно бредет к калитке.

А пионерка, записав Зину в другой список, говорит вслед огорченной девочке:

До свиданья, Зинаида...

С внешней стороны палисада. Спины трех приятелей. Мальчики, видимо, наблюдали всю сцену между Зиной и пионеркой и теперь испытывают некоторое удовлетворение, что зазнавшаяся девочка потерпела такой крах. Спускаясь с ограды, они еле сдерживают смех.

Суворовец.

Плохо дело!

Ремесленник.

Да, заело!

И затихают, услышав скрип калитки.

Выйдя из калитки, Зина мимоходом взглядывает на скульптуру «Балерина», совсем расстраивается и, опустив голову, бредет по аллее мимо мальчиков.

Три приятеля глядят ей вслед.

Зина проходит мимо вогнутых, кривых и волнистых зеркал на «аллее смеха» и внезапно видит себя в одном из них. Отшатывается, с испугом «ойкнув». Натыкается на второе и третье. Увидев себя в подчеркнуто-смешном виде, бедняжка совсем разревелась, бросилась бежать и скрылась на одной из боковых дорожек.

Мальчики попрежнему сидят на скамеечке, но настроение их уже изменилось: они сейчас полны сочувствия к своей недавней обидчице.

Суворовец.

Жаль!

Нахимовец.

Конечно! Даже очень!

Суворовец.

Братцы, надо ей помочь!

Вскакивают один за другим со скамейки и устремляются за Зиной.

Мальчики пулей несутся по аллее. Внезапно суворовец и нахимовец останавливаются, подтягиваются и переходят на четкий строевой шаг: на аллее стоит офицер со своим малышом.

Миновав офицера, откозыряв ему по всем правилам, мальчики осторожно оглядываются и, убедившись, что тот ушел, пускаются во всю прыть, наверстывая время.

Выбежав на берег пруда, суворовец замечает Зину на другом берегу:

Вот она! Пошли кругом!

Но на ходу мальчики меняют свой план. С восклицаниями:

Самый полный!
Ма-арш!
Бегом!

они взбегают на помост, возвышающийся тут же на берегу.

Нахимовец, ловко сев в петлю, скользит по тросу, перекинутому через пруд.

Рыжов и Пыжов за ним...

Очутившись на другом берегу, ребята находят Зину в слезах на скамеечке, затерявшейся между оградой пруда и тиром для стрельбы.

Нахимовец обращается к девочке осторожно и тихо:

Зина, мы тебе поможем...

Зина спрашивает, не поднимая головы:

Чем поможете?

Суворовец.

Чем можем!

Нахимовец.

Мы с тобой за это лето
Подготовим три предмета.

Ремесленник говорит с улыбкой, повторяя интонацию пионерки:

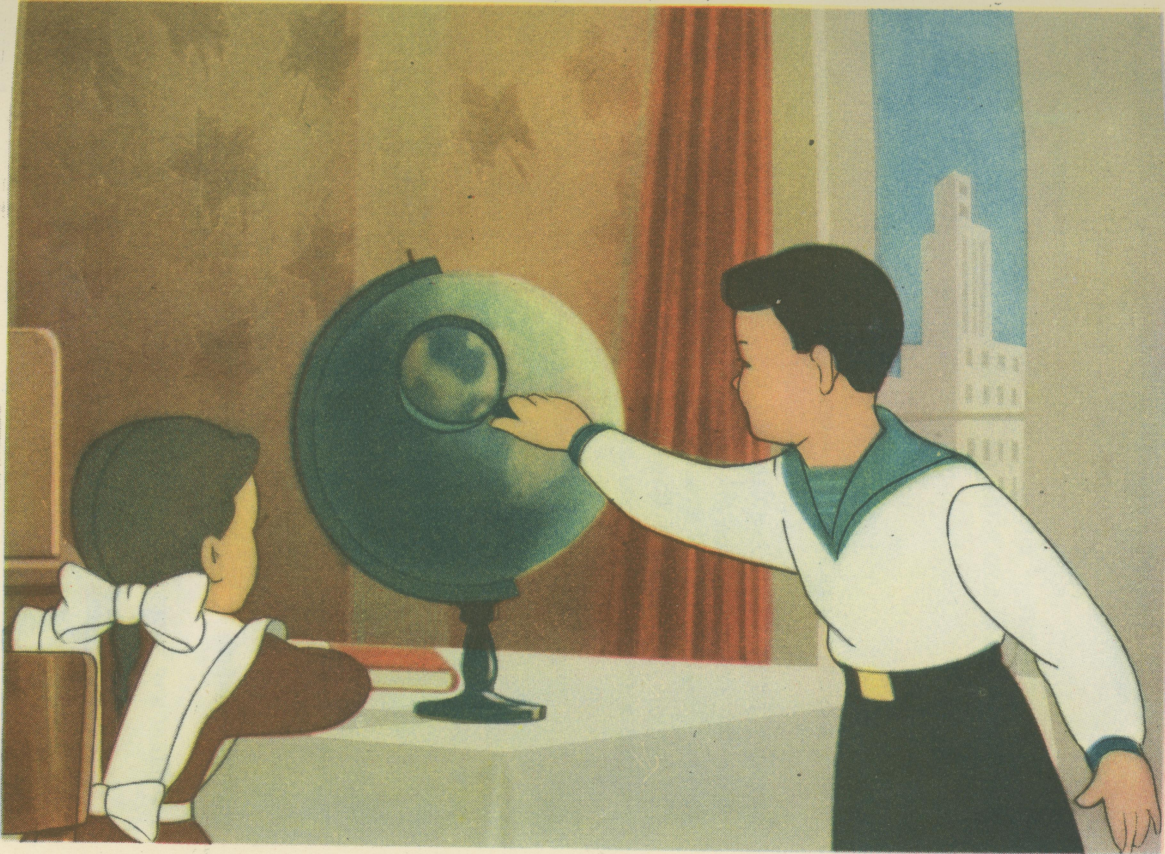
Чтоб тебе исправили
Три отметки в табеле.

Ремесленник подходит к Зине и протягивает ей руку.

Зина смущенно медлит, затем решительно протягивает руку Рыжику.

Краткое рукопожатие. Рыжик очень доволен:

Вот и все! Давно бы нужно —
И дела у нас пойдут.



Суворовец звонко объявляет:

А теперь в честь нашей дружбы
Предлагаю дать салют, —

и устремляется к тиру.

Выстрел. Суворовец стоит у барьера в тире с ружьем в руке. Рядом с ним Рыжик, он в восторге от первого выстрела:

Во-как! Прямо в пятачок!

Суворовец.

Я в стрельбе не новичок.

Он щелкает затвором, сноровисто прикладывается к ложу. Целится.

Ряд мишеней. Номер 1-й уже выбит: крутится на турнике металлический спортсмен. Мишень № 2 изображает семафор. Выстрел. Семафор поднимается. Свистя и пуская пары, мчится из одного тоннеля в другой красивый игрушечный поезд.

Заинтересованная Зина делает несколько шагов в сторону тира.

За третьей мишенью красивый, расписной ларец. Его держит в лапах смешной медведь. Выстрел. Ларец со звоном открывается. Мишка шлепается, как бы от испуга. Из ларца показывается яркий воздушный шар. Секунда — и он уже летит над парком.

Суворовец вскидывает винтовку.

Выстрел. Шар в небе лопается с треском. Раскрывается маленький парашютик, к которому привязана плитка шоколада.

Видна крупная надпись: «Шоколад Гвардейский».

Зина в восторге аплодирует. Мимо нее в сторону пруда спускается парашютик.

Зина тянется, подхватывает плитку и задевает чемоданчик, стоящий на барьере.

Чемодан падает в воду. Зина всплескивает руками:

— Ой!..

Чемоданчик, упав в воду, вспугивает стайку рыб и погружается.

Нахимовец решительно отстраняет своих товарищей, шагает к пруду. И тотчас в руки друзьям начинает лететь одежда

нахимовца, которую приятели бережно складывают. Чижик, одним прыжком вскочив на барьер, ограждающий пруд, сделал ловкий округлый бросок, нырнув в воду...

Зина со страхом всматривается в поверхность пруда, даже влезает на барьер, перевешивается.

Ой, ведь он пойдет на дно...
Здесь большая глубина?

Ширятся круги по воде. Чижика нет. Вот уже совсем разошлись круги.

Мальчики тоже обеспокоены.

Суворовец.

Непонятно.

Ремесленник.

Да, чудно.

Суворовец.

Раздевайся, старина.

Рыжик и Пыжик решительно садятся у воды и быстро, четко начинают разуваться. Но тут слышится голос:

Эй!.. Ау-у!.. На берегу-у...

Отфыркиваясь и держа над головой полураскрывшийся, размокший чемоданчик, Чижик выбирается на берег:

Все сюда!

Мальчики устремляются к другу.

Суворовец.

Иду!

Ремесленник.

Бегу!

Зина тоже радостно бежит по берегу пруда к Чижику.

Чижик подносит Зине спасенный чемоданчик, предварительно вынув из него заплутавшуюся рыбешку и швырнув ее в пруд:

Вот он, цел и невредим!

Зина смущенно принимает чемодан, из которого потоком выливается вода. Зина кое-как запирает чемоданчик и, кивнув

еще раз Чижику, хочет итти. Но едва она делает один шаг, как ручка отрывается, и размокший чемоданчик падает на землю.

Ремесленник подходит, усмехается:

Невредим? Да! Поглядим...

Зина вынимает из чемоданчика свои вещи. Из туфелек еще течет вода. А во что превратились крылышки!..

Рыжик немедля присаживается тут же поблизости, энергично поворачивает фуражку козырьком назад. Напевая себе под нос какую-то песенку без слов, хозяйственно роется в своих бездонных карманах, вынимает молоточек, плоскогубцы, гвоздики, и в золотых руках маленького мастера-умельца, в сноровистых ловких его пальцах чемоданчик на глазах у всех восстанавливается.

Все это совершается ритмично, скупыми точными движениями, не лишенными изящества.

Зина и приятели с восторгом наблюдают, как мастерски справляется с работой Рыжик. Они настолько восхищены, что даже Чижик, надевающий ботинки, делает это, не отрывая глаз от товарища.

Вот уже чемодан совсем готов, но он не запирается. Рыжик ловко подтачивает один ключик, другой, привязывает их веревочкой к ручке и торжественно преподносит чемоданчик Зине.

Стал, как новый! Получи!

Зина не знает, как выразить свой восторг:

На веревочке ключи!

Зина взглядывает на шоколадку, которую она все это время держала в руке, снимает обертку с плитки и хочет поделить шоколад. Она тычет пальцем на себя, а потом в направлении мальчиков, как при «считалочке». Всего четверо, а в плитке пять долек. Зина в затруднении. Рыжик подходит к ней.

Что? Не делится? Смотри:
Мы поделим шоколадку
На четыре без остатка...

Берет плитку, ловко измеряет ее штангелем и делит на четыре дольки, отдает одну Зине, а две — приятелям:

На... Пожалуйста... Бери...

Зина очень удивлена — как быстро Рыжик справился с этой задачей.

Слышен веселый голос ремесленника:

Ну, зубрилы, сядем рядом
И займемся... шоколадом!

И вот уже все четверо сидят рядом, как воробышки, на скамейке и уплетают шоколад.

Зина сконфуженно и почти нежно говорит:

И совсем вы не зубрилы,
Это зря я говорила.
Это просто болтовня,
Не сердитесь на меня...

Ремесленник великодушно спешит прервать признание:

Ладно, мы не помним зла...

Нахимовец.

А теперь за дело, братцы.

Суворовец.

И с двадцатого числа
Начинаем заниматься...

Ребята встают со скамейки и идут по аллее цветов.

Тянутся длинные гряды анютиных глазок и левкоев. Пышные клумбы. Фонари в виде ландышей и колокольчиков. Звучит песня:

Мы друзья в часы досуга,
И в труде — в одном ряду!
Мы всегда поможем другу,
Если друг попал в беду —

И в учебе, и в труде,
И на суше, и в воде.

Дружной четверкой удаляются по аллее ребята.

Цветы парка медленно становятся другими, и мы видим, что это цветы на окне в комнате Зины.

У стола суворовец и Зина.

Пыжик смотрит тетрадки Зины, откладывает их и начинает:

Хорошо... Итак, я начинаю
То, о чем еще не говорил...
На высоком берегу Дуная
Возвышалась крепость боевая
Гордый, неприступный Измаил...

При этих словах Пыжик открывает книгу с иллюстрациями. Мы видим изображение крепости ночью. А Пыжик продолжает:

Вот он, Измаил! Смотри, во всю
страницу!
Только Измаилу в эту ночь не
спится...

Пыжик подходит к окну, берет учебное пособие — альбом исторических картин — и продолжает свой рассказ:

Два часа осталось до рассвета.
Тишина таинственно глуха...

С напряженным вниманием слушает Зина Пыжика.

Вдруг сигнал: по крику петуха
Осветила небо яркая ракета...

Подойдя к столу, Пыжик открывает альбом. На картине героический штурм Измаила. Пыжик говорит негромко, но очень темпераментно:

Загремела и завыла канонада.
Задрожала под ударами ограда.
А в ответ с ограды Иль-Алла
Из котла кипящая смола...
Ну-ка, братцы, раз-два, дружно!
Вот уж первые ряды обезоружены.
И на стены, как могучая гора,
Навалилось богатырское «ура»...

Картина штурма, выделяются на экране отдельные моменты боя. И вот перед нами проступает на странице большой портрет Суворова.

Голос Пыжика за кадром:

Потекли знамена к площади!
Сам Суворов здесь на лошади!

Портрет Суворова в книге, которую держит Пыжик, вдохновенно заканчивающий рассказ:

Он кричит: Спасибо, братцы!
Так и впредь мы будем драться.
Пали каменные стены.
Измаил у ваших ног.
Молодцы!.. Помилуй бог!

И вдруг, переменив тон, Пыжик, захлопывая книгу, по привычке командует Зине:

Разойдись на перемену!

Стенные часы. На них без четверти час... А вот уже и ровно час. Нахимовец у глобуса ведет урок географии. В руках у него большая лупа. Он говорит с увлечением:

Ну, не будем тратить время,
Переходим к новой теме:
О морях больших и малых,
О плотинах, о каналах...

Он проводит лупой по глобусу:

Вот смотри!

Зина.

А где же море?

Чижик.

Море? В том-то все и горе,
Что песчаное здесь море!..

Под лупой виден сильно увеличенный кусок глобуса...

И вот под блестящим стеклом лупы карту сменяет безрадостный пейзаж песков, над которыми несется ветер:

Но когда пройдут года
(Раньше, чем ты кончишь школу),
На простор пустыни голой
Хлынет светлая вода.

За водяным потоком, как за шторой, открываются картины сказочного изобилия и красоты, возникающие на месте пустыни:

И покроется пустыня
Хлопком, рощами густыми,
И полями, и стадами,
И фруктовыми садами...,

Нахимовец продолжает с широким жестом:

И пошлет Аму-Дарья
Корабли во все моря...

Он снова прикладывает лупу к глобусу. Зина приподнимается, смотрит с большим интересом.

Лупа скользит по глобусу. На карте проступают светлые струящиеся линии каналов и рек, соединяя моря Европейской части СССР.

Удивляя всех длиной,
Ляжет водный путь сплошной...
Воды севера и юга
Станут близкими друг другу.

Канал Волго-Дон! Берега в цветущих садах. Скользит ослепительно белый пароход:

Волга — Дон, сестра и брат,
Дружбой свяжутся навеки.
Край, где слились эти реки,
Будет сказочно богат:
Сколько фруктов, винограда
Здесь повсюду уродится!..
Степи, вплоть до Сталинграда,
Сплошь покроются пшеницей!

Сменяются картины гор из фруктов и бескрайных хлебных полей...

При закатном освещении — силуэты огромных плотин:

Перекинутся плотины
Через Волгу поперек.
Небывалые турбины
Повернет речной поток.
Все поля и города
Опояшут провода.
В самый дальний уголок
Побежит электроток...

Вечерний пейзаж начинает блистать множеством огней. Зина к нам лицом, Чижов — спиной, он говорит:

Солнце, глядя на планету,
Будет жмуриться от света!

Чижик, повидимому, очень смешно изобразил солнце, так как Зина смеется, аплодирует.

Слышен звонок в передней. Чижик передает лупу Зине.

Все пока на этот раз!
Мы продолжим завтра в час.

В передней снова трещит звонок, мигая своей лампочкой. Зина бежит открывать дверь крича:

Мама, я сама открою...

В передней слышны голоса Зины и ремесленника:

Здравствуй, Рыжик.
Как здоровье?

Нахимовец проверяет свои ручные часы по стенным часам...

...На стенных часах уже без четверти два...

Зина торопливо пишет что-то в тетрадке... Это тетрадь по арифметике. Рядом задачник, Зина перелистывает его, заглядывает в ответы...

Входит Рыжик, проводит расчесочкой по волосам, хозяйственно осматривает небольшую доску, укрепленную на стене.

Все на месте, все в порядке.

Обернулся к Зине:

Что ты пишешь там в тетрадке?

И направился к ней своей солидной походкой.

Зина смущенно прикрывает страничку с «ответами»:

Два примера не успела...

Рыжик.

А вот это уж не дело.

Усмехается, берет тетрадь Зины:

Я твою тетрадку спрячу,
Ты пока реши задачу.

Подведя Зину к доске, Рыжик берет мел и со словами:

Номер можешь не писать.
Некто... школьник, так сказать...

Быстро рисует в верхнем углу доски смешную фигуру мальчика. Затем передает мел Зине и продолжает диктовать:

Днем пришел из школы в час...

Зина ставит на доске цифру *1*.

На обед потратил час...

Зина ставит еще одну единицу...

И вот мы видим крупным планом фигуру нарисованного школьника. Рисунок оживает и комически проделывает то, что о нем рассказывает Рыжик:

Соблюдая мертвый час,
Отдохнуть прилег на час...
Два часа проспав почти,
Встал он около пяти...
Даже не убрав кровать,
Ровно в пять ушел гулять...
В семь заехал на часок
Покататься на каток,
Проторчал до девяти там.
А покушав с аппетитом
И забывши про урок,
Ровно в десять спать залег...

Зина торопливо начинает складывать все записанные ею цифры, но Рыжик отстраняет ее:

Ладно, нечего считать.
Я отвечу сам:
Кто живет не по часам,
Кто напрасно время тратит, —
Тот получит в результате
Да и то едва-едва... два.

Тряпкой ловко, одним махом, стирает все цифры, кроме одной: на доске остается только жирная двойка да школьник в той позе, как его нарисовал Рыжик. Часы бьют два.

Рыжик деловито подходит к столу. Зина следует за ним.

А теперь от шуток к делу.
Руки отряхни от мела,
Время попусту не трать,
Приготовь свою тетрадь, сядь.

Тетрадка со страничкой, полной цифр в кляксах. Зинина рука, еще измазанная мелом, пишет арифметический столбик под крупным заголовком:

23 июля. Задача № 36

Страничка тетради в клетку.

Рука Зины пишет задачу на дроби под заголовком:

2 августа. Задача № 364. По географии страницы 155—160. По истории — § 65.

Завтра в 11 часов экзамен.

Появляется вывеска на воротах школы: «Средняя школа № 20».

Около ограды видны прильнувшие к ней трое приятелей. Они взволнованно ждут. Ремесленник даже влезает на ограду.

Нахимовец.

Что, волнуешься?

Ремесленник.

А сами?
Шутка, что ли, сдать экзамен?!

Открывается дверь, и на крыльцо школы выходит Зина. Она трижды поднимает руку, растопырив пять пальцев.

Друзья бегут навстречу Зине. Зина показывает отметки.

Мы видим табель, в котором стоят три пятерки.

Нахимовец.

Все пятерки, видишь?

Суворовец.

Вижу!

Ремесленник.

Вот тебе и Чижик-Пыжик!..

Страница переворачивается и открывает... наших героев.

Рыжик срывает листок и хочет начать играть на гребенке, а Пыжов и Чижов готовы пуститься в пляс.

Зина смеется и машет руками.

Афиша: «Ансамбль «Дружба» в составе Чижова, Пыжова, Рыжова и Жуковой».

На сцене перед переполненными рядами летнего театра стремительное веселое выступление наших героев.

Рыжик виртуозно играет то на гребенке, то на балалайке. Инструмент летает вокруг него, проскальзывает за спиной, проносится между ног. А ремесленник наигрывает на этой взлетающей балалайке безудержно-веселую плясовую...

И под эту музыку ведут лихой перепляс суворовец и нахимовец, вплетающие в свой танец гимнастические трюки.

Рыжик присоединяется к друзьям. Начинается пляска втроем... Появляется в танце Зина. После ее короткого соло выступление заканчивается бурной пляской всех четверых.

Зина плывет лебедушкой, друзья идут вокруг нее вприсядку. Балалайка ловко переходит от одного мальчика к другому. Бурные аплодисменты всего зала.

Проступают на фоне вечерней зари контуры Комсомольской площади в Москве. До вечера еще далеко, но в едва сгустившихся сумерках уже играют красные, зеленые, желтые огни светофоров. Наплывами проходят горящие цветные названия вокзалов: Ленинградский, Казанский, Ярославский.

Наши друзья прощаются у троллейбусного столба на площади. У суворовца, нахимовца и ремесленника в руках баульчики и чемоданы. Вдруг Зина предлагает померяться ростом:

Чтоб увидеть через год,
Кто насколько подрастет,
Здесь отметки будут наши.
Вот вам красный карандашик.

Отмечаются по очереди на троллейбусной мачте. Слышен смех, восклицания:

Точно по карандашу...
Не дыши...
Я не дышу.

Рыжик меньше всех, но он незаметно подставляет к троллейбусной мачте свой чемоданчик, встает на него, тянется изо всех сил. Суворовец первый замечает эту хитрую уловку:

Посмотрите, этот Рыжик
Настоящий великан.

Зина тянет Рыжика за руку:

Ну-ка, Рыжик, встань пониже,
Уберите чемодан.

Нахимовец хватает чемоданчик ремесленника, а тот со своей обычной усмешкой говорит:

Осторожно, там билеты.

Все отметки сделаны. Наступает момент прощания.

Суворовец.

Ну, до будущего лета...

Нахимовец.

Да, пора.

Ремесленник.

Пора домой...

Зина с искренним порывом, прижимая обе руки к сердцу:

Приезжайте к нам зимой.
Будет елка... Да?

Ремесленник свернул газету рупором:

Внимание!
Попрошу без опозданья
На посадку...

Зина.

До свиданья!

Мальчики расходятся — каждый в сторону своего вокзала. Вдали гудят паровозы... Зина стоит у столба и машет рукой поочередно во все три стороны:

До свиданья! До свиданья!..

Снова паровозные гудки — и три поезда мчатся в трех разных направлениях.

Сигнальные красные фонари последних вагонов удаляются уменьшаясь.

Волшебный магазин

ВЛАДИМИР СУТЕЕВ

В комнате за письменным столом Миша учит уроки.

Буря мглою небо кроет... небо кроет,
Вихри снежные крутя...
Вихри снежные крутя...
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...
То заплачет, как дитя...

В комнату входит его одноклассник Витя Петров с большим свертком бумаги подмышкой.

— Мишка, — говорит он деланно бодрым тоном, — у меня дело к тебе. Вот!

Витя показывает на сверток.

— Что это? — отрываясь от книги, спрашивает Миша.

— Это... стенгазета... будет, если... если ты мне ее нарисуешь, Мишечка, — лепечет Витя.

— Разве не видишь, уроки учу — вихри снежные крутя, — недовольно говорит Миша. — А стенгазету сам рисуй.

У меня сегодня в «Уголке природы» работы масса! Он только называется уголок, а это целый угол... Вчера три лягушки убежали неизвестно куда, когда я тебе примеры писал.

— Это в последний раз, Мишенька, — просит Витя, — я обещал для отряда стенгазету оформить, сказал, что я художник, лучше всех рисую... и вот...

— Не могу. Сам рисуй!

Миша, раскачиваясь на стуле, опять начинает учить:

То, как зверь, она завоет...
То заплачет, как дитя...

— Ты, Мишка, просто плохой товарищ. Ты и меня и отряд подводишь! — возмущенно говорит Витя.

— Ты себя сам подводишь. Вася Хлебников тебе карту по географии нарисовал, ну и иди к нему...

— Я уже был... — Витя умоляюще смотрит на Мишу: — В последний, самый последний разочек, Мишучечек... А?..

То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя!

Витя не выдерживает, нервно хватает свой сверток и, направляясь к двери, сердито шепчет:

— Подумаешь, профессор, и без тебя обойдусь.

Но у самой двери он вдруг останавливается — новая мысль мелькнула у него к голове:

— Знаешь, я, пожалуй, останусь, Миша... А? Я подожду тебя немножко...

Пауза.

— Выучишь уроки и нарисуешь. Я буду тихо-тихо сидеть.

Миша оборачивается — ему жалко товарища.

— Как хочешь. Сиди, но только у меня еще русский письменный, арифметика...

— Ничего, ничего... Я книжку почитаю. Вот... «Волшебные сказки»... Интересная.

Витя с книжкой в руках удобно расположился на большом мягком диване, стоящем в углу комнаты.

За кадром — монотонный голос Миши, разучивающего стихотворение.

— Учи, учи — все равно тебя пересижу,— шепчет Витя.— И зачем я сказал, что я художник. Кто мне, кроме Мишки, стенгазету нарисует? Словно сговорились все: делай сам, делай сам... А самому-то каково делать! Да и некогда: все бегаешь и просишь. Там задачу надо решить, тут изложение списать. И никто не понимает, как я замучился...

Витя раскрывает книжку, перелистывает страницы, сокрушенно вздыхает и шепчет:

— То ли дело в сказке... Эх, был бы я волшебником, я бы всем показал! Пожелал бы чего-нибудь — раз, два, три! — и, пожалуйста, — готово!

Не успел он это сказать, как вдруг комната как-то странно поплыла, закачалась перед Витиными глазами, так что даже голова у него закружилась, и Витя почему-то оказался на улице стоящим прямо перед магазином с красивыми витринами, полными чудесных игрушек.

Витя даже не понял, что произошло. Он во все глаза смотрел на нарядную витрину, где под веселую музыку кувыркались пестрые паяцы, показывая чудеса акробатики.

— Вот это здорово! — восхищенно сказал Витя.

Другая витрина оказалась еще интереснее: две настоящие ракетки летали за стеклом, перебрасывая друг другу разноцветные мячики, словно ими играли невидимые руки.

Витя оцепенел от восторга.

— Добро пожаловать! — вдруг раздался над Витиным ухом чей-то незнакомый голос, и над входом в магазин вспыхнула надпись, сверкающая всеми цветами радуги:

ВОЛШЕБНЫЙ
ДЕТСКИЙ УНИВЕРМАГ

С хрустальным звоном дверь магазина медленно распахнулась, и Витя очутился в Стране чудес.

Как зачарованный, стоит Витя посреди волшебного магазина. Тут избушка на курьих ножках, служащая кассой. Не-

обыкновенные деревья, на которых растут мячи, ракетки, кегли, обручи... Посреди магазина журчит большой фонтан с плавающими в нем корабликами, рыбками и утятами из пластмассы... С полок ему приветливо улыбаются куклы...

Впрочем, тут много и довольно обыкновенных на первый взгляд предметов: часы, утюги, чайники. Странные костюмы, маски людей и животных...

Витя сделал несколько робких шагов по магазину.

Сбоку кто-то кашлянул. Витя остановился. Прислушался.

— Здравствуй, малыш! — вдруг раздался чей-то голос за Витиной спиной.

Витя обернулся, но там никого не было.

— Кто тут? — робко спросил он.

— Это я! — ответил голос, и перед Витей неизвестно откуда появилась странная фигура старика в больших черных очках и смешном клетчатом костюме. В руках старика высокий колпак странной формы.

— Ну, давай познакомимся. Меня зовут Маг-Завмаг. Я, видишь ли, заведующий волшебным магазином, и меня ребята так и зовут: Маг-Завмаг! — сказал старик. — А это...

Маг-Завмаг надел свой колпак и... исчез.

— Это шапка-невидимка, — послышался голос, — вот я ее снимаю...

И перед Витей вдруг опять появился Маг-Завмаг.

— Вы волшебник?! Фокусник! — восхищенно воскликнул Витя.

— Всего понемногу, — ответил Маг-Завмаг, превращаясь в румяного Деда Мороза.

Витя радостно захлопал в ладоши

— Я знаю: вы Дед Мороз. Вы у меня ватный есть.

— Разве? — добродушно спросил Дед Мороз и тут же превратился в клоуна, который стал ловко жонглировать разноцветными мячиками.

— Прямо, как в цирке! — восторгается Витя.

Клоун хихикнул, хлопнул в ладоши — мячики красивой гирляндой застыли в воздухе и... лопнули.

Через секунду перед Витей снова стоял Маг-Завмаг в позе обыкновенного продавца обыкновенного игрушечного магазина.

— Ну, а тебя как зовут? — спросил Маг-Завмаг.

— Витя... Виктор Петров

— Так... а как успехи?

— Ничего особенного. Арифметика неважно. Папа улетел в командировку и задачу... не успел... решить...

— Да... Подвел тебя папа... Ну вот, значит, Витя, поскольку ты сегодня наш первый покупатель, то для почина выбирай себе бесплатно любой подарок, — любезно сказал Маг-Завмаг. — Здесь все волшебное и только для детей.

Витя задумался.

Кругом было столько странного и интересного, что невозможно было сразу ответить.

— Вот, например, обыкновенная детская скатерть-самобранка. — С этими словами Маг-Завмаг вытащил из рукава простой клетчатый платок. Взмахнув им в воздухе, он расстелил платок на прилавке, и тут же на платке возник стакан чаю, бутерброд и красивое пирожное.

— Это специально для школьных завтраков, — объяснил Маг-Завмаг.

Разинув рот, Витя смотрел на это чудо, и вдруг его осенило.

— Простите, — робко сказал он, — а у вас... есть стенгазеты?

— Что? Стенгазеты? — удивился Маг-Завмаг.

— Ну да, мне бы вот такую небольшую стенгазету. Я для нашего отряда обещал нарисовать... сказал, что я художник... Ребята дали мне заметки, бумагу, а я... а я... я сам рисовать не могу! Мне всегда ребята рисуют и всегда почему-то плохо.

Маг-Завмаг сочувственно покачал головой и развел руками.

— Вот дела! Все есть, а стенгазет готовых нет! Но, если ты действительно рисовать не умеешь или, скажем там, ленишься, то возьми волшебные краски, они рисуют все, что полагается.

— Волшебные краски?! — воскликнул Витя. — А стенгазету они могут нарисовать?

— Не беспокойся, они тебе такую стенгазету нарисуют — сам удивишься. Все как есть нарисуют. Смотри! — сказал Маг-

Завмаг, щелкнув пальцами. С верхней полки, описав замысловатую дугу в воздухе, слетела большая коробка, опустилась на прилавок прямо перед Витей и открылась с музыкальным звоном.

Маг-Завмаг достал из рукава большой лист бумаги, ударил в ладоши и сказал:

Эй вы, чудо-краски!
Выходи из сказки!

И вдруг кружочки красок ожили и превратились в семь смешных цветных человечков.

Витя замер.

Человечки сошли с палитры, взяли кисточки «на плечо» и, как солдатики, выстроились на листе бумаги.

Ну-ка, краски-мастера,
За работу вам пора!

И снова Маг-Завмаг хлопнул в ладоши, и началось необыкновенное...

В ритме музыки краски-человечки начали быстро рисовать, насвистывая мелодию, как заправские маляры-художники.

В то время, как Черная краска рисовала силуэт парохода, Желтая изобразила солнце с лучами, Синяя — морские волны, а Красная краска — флаг, развевающийся на мачте. Не успел Витя глазом моргнуть, как картинка была готова.

И снова краски выстроились перед Витей, держа кисти «на плечо».

— Вот это здорово! — восхищенно прошептал Витя. — Так даже Иван Петрович не нарисует.

— А кто это Иван Петрович? — поинтересовался Маг-Завмаг.

— Он... учитель рисования у нас. Он мне вчера опять двойку поставил, — тихо объяснил Витя.

Маг-Завмаг улыбнулся в бороду, еще раз ударил в ладоши и сказал:

Эй вы, чудо-краски,
Уходите в сказку!

Краски послушно гуськом побежали к палитре и одна за другой превратились в обыкновенные краски-кружочки.

Маг-Завмаг ловко завернул коробку с красками в бумагу, перевязал все красивой голубой ленточкой и вручил аккуратный сверток изумленному мальчику.

— Принимай, дружок, от меня подарок. Если не пригодится, не понравится, всегда обменяю. А захочешь меня найти, выйди на улицу, повернись вокруг себя три раза — тут и магазин будет... Ну, желаю успеха!

Счастливый Витя крепко прижал к груди сверток с чудесными красками.

Магазин медленно начал таять, и Витя вдруг оказался у себя дома.

Радостный, возбужденный Витя развернул волшебный подарок Мага-Завмага.

— Вот теперь посмотрим, как я не умею рисовать. Подумаешь, вихри снежные крутя. Я теперь без вас обойдусь. А то все заняты, важничают...

В комнату вбегает Таня, маленькая сестра Вити.

— Витя! Мама тебе велела, как придешь, уроки учить...

Увидев краски, она всплескивает руками:

— Витечка, какие хорошенькие краски! Откуда они у тебя?

— Не трогай, — строго говорит Витя. — Это для стенгазеты. Иди гулять и не мешай мне работать.

— Можно, я посмотрю, как ты работаешь? — Таня просительно смотрит на Витю. — Я буду тихо-тихо смотреть...

— Нет, нельзя. Уходи. Вот папа прилетит из командировки, я ему скажу, что ты срываешь мне общественную работу.

Таня двигается к двери приговаривая:

— Ты жадный, нехороший. Бабушка говорит, ты удивительно нечуткий ребенок.

Наконец Таня уходит.

Витя облегченно вздыхает:

— Ну, теперь скорее, пока мама на работе. Так... Это заметки... Читать некогда, так разложим...

Внезапно дверь приоткрывается, показывается голова Тани:

— Жадный! Жадный! Жадный!

Голова исчезает.

— Кажется, ушла, — вздыхает Витя. — Теперь краски сюда... Вот тут на коробке написано...

Витя хлопает в ладоши и читает:

Эй вы, чудо-краски,
Выходи из сказки!

В одно мгновение цветные человечки с кисточками в руках выстраиваются перед Витей.

Ну-ка, краски-мастера,
За работу вам пора!
Рисуйте мне стенгазету!

Краски, деловито поплевав на руки, берут кисточки, разбегаются по листу бумаги и начинают рисовать. Витя, заложив руки за спину, ходит вокруг, любуясь работой красок.

А работают они — любо-дорого смотреть! Красная краска уверенными движениями кисти выписывает заголовок стенгазеты:

«КОСТЕР»

А Синяя и Черная пишут:

Стенгазета пионеров 3-го класса «Б»

Витя одобрительно качает головой и шепчет:

— Все в порядке.

Маленькая Таня, взгромоздившись на стул, разговаривает по телефону.

— Он занят... Что? Он не может. У него общественная работа... Да, рисует... У него какие краски-и!..

В это время Витя удобно сидит в кресле с книгой в руках и рассуждает:

— Очень удобная штука эти волшебные краски. Сиди себе почитывай, а там, глядишь, и стенгазета готова.

Стук в дверь. За дверью голос Тани:

— Витя, иди скорей в отряд, там тебя со стенгазетой дожидаются...

— Сейчас! Скорее. Интересно, что они там нарисовали?.. Ничего... Потом... Бегу!

Витя быстро свертывает стенгазету в трубку, хлопает в ладоши и кричит:

Краски, краски,
Уходите в сказку!

Торжественная музыка.

На видном месте среди пионерских знамен и плакатов висит стенгазета «Костер».

У стенгазеты столпились пионеры. Слышны смех, восхищенные возгласы:

— Вот это да! Ай да Витя! Сразу видно, художник рисовал!

Витя стоит в сторонке в горделиво-скромной позе. К нему подошел Миша:

— А сам просил меня нарисовать. Да я разве так нарисую? Во всей школе никто так не нарисует!

Витя покраснел от приятного смущения.

— Уж ты скажешь! Вон Вася Хлебников, как мне здорово карту нарисовал!

Миша презрительно скривился.

— Сравнил: то карта, а это стенгазета. Мне кажется, у тебя определенный талант. Вот только не понимаю, почему Иван Петрович тебе двойки да двойки...

Витя покраснел.

— Меня ребята подводят. Попросишь их нарисовать, нарисуют кое-как, ну, известное дело — двойка!

— Конечно, если бы ты сам...

Миша хотел еще что-то сказать, но в это время к Вите подошел маленький веснушчатый Петя Николаев, с чувством потряс Витину руку и, посапывая носом, сказал:

— Молодец, Витя, смелый пионер! И стенгазету нарисовал, лучше не надо, и себя протащил, дальше ехать некуда!

Витя забеспокоился.

— Что? Где протащил? Кто? Меня?

— А ты газету разве не видел? Мы ее лентяям посвятили, и ты себя, как первого лентяя...

— А!? Как?.. Покажи!

Витя, расталкивая ребят, бросился к стенгазете и ахнул. Вся стенгазета была посвящена Вите Петрову.

Перед зрителями панорамой проходит стенгазета. Пестрят заметки и карикатуры, во всех видах изображающие Витю. Витя списывает у соседа. Витя опять схватил двойку. Витя учит уроки, то есть играет в городки.

— Не может быть... Это не я... Это краски сами... Я не знал... не читал... — пролепетал Витя под дружный хохот ребят и красный, как кумач, бросился прочь.

Расстроенный неудачей, Витя идет по улице, бормоча себе под нос:

— Как это не посмотрел сам стенгазету?! Теперь все смеяться будут... Что делать? Ну ничего, я еще им покажу, кто такой Петров Виктор! Обменяю краски и... там увидим! Ну, раз, два, три!

Витя три раза повернулся вокруг себя и очутился прямо перед магазином...

И вот Витя опять стоит у прилавка волшебного магазина и разговаривает с Магом-Завмагом. Вид у него робкий и смущенный.

— Простите, пожалуйста, но вот эти краски... — Витя положил сверток на прилавок. — Эти краски мне почему-то не пригодились.

— Ну, что ж, бывает. Значит, переменить надо. Ведь так? — сказал Маг-Завмаг, улыбаясь в бороду.

— Так, — шепотом подтвердил Витя.

— Ну, выбирай другое. Вот, например, волшебные шахматы из чудесной пластмассы: любой первоклассник может выиграть даже у самого Ботвинника.

Витя замялся:

— Мне бы что-нибудь музыкальное... У нас завтра вечер самодеятельности, и мне бы...

— Можно и музыкальное! — сказал Маг-Завмаг и жестом фокусника вынул из Витиной кепки балалайку. — Вот, смотри!

Маг-Завмаг поставил балалайку на прилавок и сказал:

Ну-ка, чудо-балалайка,
Плясовую заиграй-ка!

Балалайка завертелась волчком, и раздался веселый плясовой мотив «Ах вы, сени, мои сени».

Ватные зайчики на верхней полке насторожили ушки, затопали ножками, затрясли хвостиками.

Балалайка играет быстрее, заливистее...

Теперь танцует все. Танцуют плюшевые мишки, куклы всех видов и размеров, паяцы, картонные лошадки. Танцуют даже автомобили.

Трубят трубы, гремят барабаны.

А избушка на курьих ножках, служащая кассой, пускается вприсядку!

Витя чувствует, что какая-то неудержимая сила включает и его в танец.

— Ох! Ох! Ох! — закряхтел Маг-Завмаг и тоже завертелся в общей пляске.

Все ходит ходуном!..

— Сто-о-ой, — закричал Маг-Завмаг, и балалайка остановилась, закончив свой номер виртуозным пассажем.

— Ты запомни как следует, что сказать надо — на балалайке ничего не написано, — сказал Маг-Завмаг, передавая Вите волшебный инструмент.

— Ладно, ладно... запомню... — пробормотал Витя, прижимая к себе балалайку. — Вот это будет номер! Все лопнут от зависти!

На сцене Дома пионеров уже началась самодеятельность. Ребята в костюмах бабочек, жуков и стрекоз танцуют среди огромных цветов.

Зал полон.

Маленькие зрители, затаив дыхание, смотрят на выступление своих товарищей.

Когда на сцену выбегает большой страшный мохнатый паук, маленькая девочка в зале кричит:

— Не бойтесь, это Леша Палочкин из четвертого «А»!

Витя за кулисами разговаривает с Мишей.

— Я тоже буду выступать. Объявляй мой номер.

— Интересно, что это за номер, — насмешливо спрашивает Миша.

— Вот! — показывает Витя балалайку.

— Интересно, а кто на ней играть будет? — прежним тоном говорит Миша.

— Я сам! Вы еще увидите, что я умею! — гордо выпаливает Витя.

Танец на сцене кончается под бурные аплодисменты. Паук и Бабочка, взявшись за руки, долго раскланиваются, пока не опускается большой красивый занавес, на котором изображен целый пионерский лагерь.

На авансцену выходит Миша, ведущий программу, и объявляет не совсем уверенным голосом:

— Сейчас выступит музыкант-виртуоз Виктор Петров!

Шепот недоумения раздается в зале. Слышится:

— Витька — музыкант? Не может быть! Умора!

Занавес поднимается.

На сцене Витя с балалайкой в руках. В зале шум, аплодисменты. Кто-то свистнул.

Витя неловко кланяется и садится на стул.

— Молодец, Витька! — крикнули из зала. — Давай!

— «Ах вы, сени, мои сени», — объявил Витя и посмотрел на балалайку. А балалайка была самая обыкновенная.

Витя подумал и тихо сказал:

— Ну, балалайка!.. Начинай!

Балалайка молчала.

— Не робей, Витя! Смелей! — крикнули из зала.

— Сейчас, — прошептал Витя. — Ну, ты, балалайка... Эх ты, балалайка...

Балалайка молчала.

Наступила длинная томительная пауза.

— Давай-ка, балалайка...

— Ух ты... Ах ты... Эй ты... Неужели забыл?..

Витя беспомощно посмотрел кругом, по привычке дожидаясь подсказки, но подсказки быть не могло.

КАРТА
МИРА

Витя с тоской посмотрел на балалайку и сердито прошипел:

— Ду-у-ра балалайка.

Он робко провел по струнам, которые нестройно задребезжали.

— Ничего, не бойся, настраивай, — ободряли его из зала ребята.

Но Вите уже нечего было бояться. Он встал и бочком ушел со сцены, волоча по полу злополучную балалайку под свистки и насмешливые аплодисменты товарищей.

— Это Витька Петров — хвастунишка из третьего «Б»! — закричала в зале маленькая девочка.

Витя опять стоит у прилавка волшебного магазина и разговаривает с Магом-Завмагом.

Маг-Завмаг задумчиво теребит бороду:

— Так... значит, говоришь, концерт не состоялся? Ну, что ж, бывает... Переменить?

Витя покраснел и утвердительно кивнул головой.

— Ну, что же тебе предложить, прямо не знаю... — задумчиво сказал Маг-Завмаг, оглядывая полки своего чудесного магазина.

— Я вижу, тебе очень хочется выдвинуться перед ребятами, и чтобы все полегче было. Ведь так?

Витя еще гуще покраснел и ничего не ответил.

— Вот радиошпаргалка с наушниками, карманный патефон с ответами уроков специально для лентяев и... вообще для ребят, занятых другими делами.

Витя поморгал глазами и вдруг сказал:

— Видите ли, у нас завтра футбол с 35-й школой, и мне нужно...

— Понимаю, — сказал Маг-Завмаг и звонко щелкнул пальцами.

Откуда-то сверху упал красивый новый футбольный мяч и запрыгал на прилавке.

— Вот, пожалуйста, волшебный футбольный мяч! Что ни удар, то гол! Годится?

— Мне, наоборот, чтобы голов не было, — тихо сказал Витя. — Я за десятую школу Хомича... то есть вратаря, играю.

— Ах, вот что! Хомича?!

Маг-Завмаг взял в руки мяч, который волчком завертелся у него на указательном пальце.

— Тогда скажи вот так:

Чудо, чудо, чудо-мяч!
Лети прямо, лети вскачь,
Без труда и без науки
Попади мне прямо в руки!

— Как это скажешь — гола не будет! Да смотри, не забудь!

— Ну, теперь-то я не забуду, — сказал Витя и прижал к груди заветный мяч, который сразу принесет победу и восстановит его пошатнувшуюся репутацию.

С мелодичным звоном автоматически открывается дверь волшебного магазина. Витя выходит на улицу. На лице его счастливая улыбка, в руках футбольный мяч.

Навстречу ему идет знакомый мальчик с самокатом.

— Что это у тебя? — спрашивает мальчик, жадно поглядывая на мяч в руках Вити.

— Ничего особенного, — деланно равнодушным тоном говорит Витя, — обыкновенный волшебный футбольный мяч.

— Волшебный? Не может быть!

— Смотри, — сказал Витя и сильно ударил ногой по мячу.

Мяч высоко взлетел на воздух и исчез за забором.

— Ой! — вскрикнул мальчик.

— Ничего... — и Витя зашептал:

Чудо, чудо, чудо-мяч!
Лети прямо, лети вскачь,
Без труда и без науки,
Попади мне прямо в руки!

С последними словами из-за забора вылетел мяч и, как живой, прыгнул в Витины руки.

— О-о-о! — только смог вымолвить мальчик с самокатом. — Дай мне ударить разочек.

— Нельзя, — строго говорит Витя, — ты его можешь испортить, а потом я тороплюсь: у нас состязание с тридцать пятой школой. Я буду играть Хомича.

— Ну только один разочек, Витечка, — просит мальчик, но Витя неумолим.

На школьном дворе уже должно начаться состязание. Судья со свистком в зубах и обе команды выстроились друг перед другом на футбольном поле.

Десяток болельщиков в возрасте от четырнадцати лет до одного года с нетерпением ждут начала встречи.

— Витька Петров опять опоздал, — мрачно говорит капитан команды Миша. — Он всегда опаздывает...

В это время во двор вбегает красный запыхавшийся Витя.

— Вот я! Вот мяч!

Судья дает свисток, и игра начинается.

Шестилетний карапуз комментирует происходящее трем девочкам.

— Так... Шурка получает мяч... Ведет... На него наскакивает Юрка. Борьба за мяч... Э-э-э... не так! Судья дает штрафной.

Тридцать пятая атакует.

Мяч неуклонно, все быстрее и быстрее приближается к воротам десятой.

Витя нервничает, стоя в воротах, и шепчет:

Чудо, чудо, чудо-мяч!
Лети прямо, лети вскачь,
Без труда и без науки...

Витя не успел договорить фразы, как мячик уже влетел в сетку ворот.

— Гол! Гол! — кричат болельщики.

Свистки, аплодисменты.

— Не вышло... не успел сказать... — сконфуженно бормочет Витя и выбивает мяч на середину поля.

Ребята пишут мелом на заборе: 1 : 0

На «трибунах» волнение.

Бородатый дворник дядя Миша укоризненно качает головой:

— Д'эх, и такой мяч пропустил! Да я бы... если б помоложе!.. Тьфу...

И дядя Миша сердито сплевывает и топает ногой.

— Не расстраивайтесь, пожалуйста, — говорит маленькая девочка с тремя косичками, — десятая обязательно выиграет. Я тоже... болею за десятую.

Витины ворота снова под угрозой.

Нападающие противники уже на штрафной площадке...

Растерявшийся Витя стоит столбом в воротах и уже совсем безнадежно шепчет:

Чудо, чудо, чудо-мяч!
Лети прямо...

Маленький «Синявский» объясняет:

— Угловой удар у ворот десятой... Свисток! Вовка подает прямо на ворота, Юрка принимает головой, а Витька чего-то шепчет, шепчет... не понимаю... Удар! Еще удар! Витька стоит и шепчет... Еще удар!.. Гол!!!

Ребята пишут: 2 : 0

Дядя Миша сердится:

— Эх, подвел Витя, а говорил Хомич, Хомич!

— Вы не нервничайте, — говорит маленькая девочка с тремя косичками, — они еще выиграют. Обязательно выиграют!

Теперь десятая перешла в наступление, и мяч, перелетая от одного нападающего к другому, быстро уходит к воротам тридцать пятой.

Витя в небрежной позе стоит в своих воротах и радостно следит за игрой.

— Ничего, — шепчет он, — надо только раньше начинать говорить.

Чудо, чудо, чудо-мяч!
Лети прямо, лети вскачь...

Шестилетний «Синявский» комментирует:

— Десятая ворвалась в штрафную площадку... Шурка выходит вперед... Он в выгодном положении!.. Нужно же бить! Удар!

А Витя в это время продолжает:

Без труда и без науки
Попади мне прямо в руки!

И вдруг происходит что-то необыкновенное. Шурка бьет по воротам тридцать пятой, но вместо верного гола мяч внезапно изменяет свое направление и летит назад, через все поле, прямо в руки к Вите.

Дядя Миша чешет затылок:

— Чудеса!..

Витя смущенно вертит мяч в руках...

— Сейчас, пожалуй, рановато сказал, ну ничего. — Выбивает мяч в поле.

Игра продолжается.

— Юрка ведет по правому краю, — рассказывает маленький комментатор, — к нему подбегает Игорь из десятой... борьба за мяч... Игорь летит вверх тормашками... Юрка подходит к воротам...

Действительно Юрка прорвался.

Витя прыгает в воротах, приговаривая:

Без труда и без науки,
Без труда и без науки,
Без труда и без науки...

Ребята пишут на заборе: *3 : 0.*

А дальше на заборе наплывом меняются цифры *4 : 0; 5 : 0; 6 : 0; 7 : 0* и т. д.

Малыш объявляет:

— Итак, до конца игры остается пять минут! Гонг... —

Бьет в сковородку. — Напоминаю: счет игры тринадцать — ноль в пользу тридцать пятой...

Судья назначает одиннадцатиметровый штрафной удар по Витиным воротам.

Напряженный момент!

Центр нападения становится у мяча.

Витя замер в воротах.

— Все равно, — шепчет он безнадежно, — все равно не успею сказать.

Свисток!

Удар!!!

Витя падает и... берет мяч!

Аплодисменты.

Витя поднимается, у него в руках мяч.

— Это я! Это я сам взял! — радостно кричит он, но свисток судьи возвещает о том, что состязание окончено.

Дядя Миша сокрушенно качает головой:

— Один взял, а тринадцать пропустил! Я в своих воротах и то лучше стою! Не Хомич ты, а третий столб! Тьфу!..

— Вы не переживайте, пожалуйста, — говорит девочка с тремя косичками. — Он в следующий раз... он в следующий раз... в сле-е-е-е...

Личико девочки вдруг сморщивается, и она горько плачет.

Волшебный магазин.

Краснощекая матрешка разговаривает с красивой нарядной куклой:

— И подумай, мил-моя, и ходит, и ходит, и ходит, и все ему не ндравится и не ндравится. То это дай, то другое. Наш-то ему все меняет и меняет. И конца-краю нету его фокусам.

Кукла слушает, хлопая длинными ресницами.

Раздается мелодичный звон открываемой двери, и в магазин входит Витя.

Кукла и матрешка замирают...

И вот опять Витя стоит у прилавка и разговаривает с Магом-Завмагом.

Маг-Завмаг хитро смотрит на футбольный мяч.

— Переменить?

— Нет, не надо. Возьмите обратно... Ничего не надо. — шепчет Витя.

— Так-таки ничего?.. А все-таки?

— У меня диктант завтра...

— Прекрасно! — говорит Маг-Завмаг. — У меня как раз есть для тебя самопишущая волшебная ручка с красивым почерком. Пишет без ошибок.

— Она тоже... без труда и без науки? — робко спрашивает Витя, но сразу же решает: — Нет!.. Не надо! У меня есть простая неволшебная. Я сам... буду писать. И ошибки... сам исправлю.

Лицо Мага-Завмага расплылось в доброй улыбке. Он сочувственно покачал головой:

— Ну, если сам, то лучше не придумаешь! Если сам за дело берешься, любые чудеса сделаешь! Ну, прощай, дружок, я вижу, ты теперь без меня обойдешься.

Маг-Завмаг приветственно помахал своей шапкой-невидимкой и... исчез.

— Желаю успеха! — услышал Витя откуда-то издалека голос Мага-Завмага.

Заиграла красивая музыка, магазин начал медленно таять, и Витя... проснулся.

Он попрежнему сидит на диване в Мишиной комнате. На коленях у него лежит раскрытая книжка. Перед Витей стоит Миша с палитрой в руках.

— Пока ты спал, я все уроки выучил. Давай стенгазету рисовать. Вот краски, кисточки...

Витя посмотрел на палитру с красками, поморгал глазами и спросил:

— А это какие краски? Волшебные?

— Чудак, самые простые, «Мосполиграф».

— Тогда дай мне, пожалуйста, эти краски, Мишечка, а я уж сам... сам все нарисую. А ты посиди, книжку почитай. Вот... «Волшебные сказки». Интересная.

— Сам?! — удивился Миша — А как же ты...

— Не беспокойся, если сам за дело берешься — любые чудеса сделаешь! Давай краски!

Миша сидит на диване с книжкой в руках.

— Ничего не пойму. Витьку точно подменили...

Витя стоит в дверях. В руках у него сверток с бумагой, коробка с красками.

— Миша, а Миша!

Миша оборачивается:

— Что?

— Как писать: «кастер» или «костер?»

— Как?

— Нет... ничего... Я сам!

Витя скрывается за дверью.

Звучит торжественная музыка.

Верные друзья

М. ЕРЗИНКЯН, В. ДАНИЛОВ

Один из небольших городков Южных Штатов Америки в наши дни.

Раннее утро. По узкой безлюдной уличке бежит долговязый, веснушчатый мальчик лет двенадцати — разносчик газет. Пузатая почтовая сумка подскакивает у него на боку.

Насвистывая, мальчик вбегает в один из подъездов и, перескакивая через ступеньки, устремляется вверх по лестнице.

На второй площадке рука его тянется к звонку...

В дверях перед мальчиком появляется немолодая женщина в фартуке.

— А-а... Тони?! — приветливо говорит она.

— Доброе утро, миссис Медж.

Тони достает из сумки газету и протягивает женщине.

Миссис Медж, вытерев руки о фартук, берет ее, но взгляд женщины все еще прикован к сумке.

— Больше вам ничего нет, миссис Медж. Пока ничего...— перехватив ее взгляд, говорит Тони.

Женщина вздыхает и ласково треплет мальчика по плечу.

— Ничего... Ты обязательно принесешь мне добрую весть. Правда, мальчик?

Тони кивает головой и затягивает на плече ремешок сумки.

Женщина улыбается.

— Да, Тони, передай, пожалуйста, своему отцу... — Миссис Медж на секунду скрывается и, появившись, протягивает пакет, — ...вот это.

— Вот здорово! Никогда не носил почту по своему адресу! До свиданья, миссис Медж!

— До свиданья, мальчик.

Миссис Медж закрывает дверь.

А Тони уже на верхней площадке. Ловко вскочив на перила, он съезжает вниз и выскакивает на улицу.

Почтовая сумка Тони заметно похудела.

Тони делает несколько шагов и застывает на месте:

— Алло! Джимм Патерсон?!

На тротуаре под большими круглыми часами важно сидит негритянский мальчик, немногим меньше Тони. Он не спускает своих больших черных глаз с циферблата. Подсев к Джимми, Тони шумно потягивает носом и толкает приятеля плечом.

— Клянусь моей сумкой, где-то пахнет жареной кукурузой!

Джимми не отвечает.

Хитро поглядывая на приятеля, Тони вытаскивает из кармана початок кукурузы. Он с хрустом разламывает его и протягивает Джимми половину.

Джимми, не меняя ни позы, ни выражения лица, жует кукурузу и продолжает смотреть на часы.

— Смотрите, какой он сегодня важный! — хохочет Тони.— Уж не собрался ли ты на именины к самому губернатору штата?

Джимми с набитым ртом мотает головой и, наконец, с трудом выговаривает:

— Я нашел работу!

— Ого!

— В два часа... — указывает на часы Джимми.

— Что?

— В два часа я должен быть у хозяина.

— Ага. — Тони понимающе кивает головой. — Джимми Патерсон потерял свои часы, и теперь ему приходится пользоваться вот этими.

Переглянувшись, мальчики смеются.

— Где же ты будешь работать?

Джимми не успевает ответить — мимо мальчиков с воем проносится пожарная машина.

Слышится топот множества ног. Свистки, выкрики:

— Пожар! Пожар!..

— Где? — вскакивает Тони.

— На площади! — ответил кто-то.

Мальчики переглядываются... И вот они уже со всех ног мчатся туда, где узкая улица вливается в площадь.

Джимми и Тони смотрят вверх, запрокинув головы. На светлом небе ни облачка дыма, ни темной пелены гари.

— Где же? Ты видишь, Джимм?

— Нет.

— Эге, мальчики, — раздается за их спиной мужской голос. — Разве ваши глаза видят хуже моих? Вон, смотрите! — и чья-то рука указывает вверх.

Джимми и Тони смотрят в указанном направлении.

...Там, на высокой башне мэрии, на остром шпиле развевается голубой флаг с изображением белоснежного голубя.

Восторженно гудит площадь.

Но вот Тони хватает приятеля за руку:

— Джимми! Смотри... снимают.

По пожарной лестнице, ведущей прямо к шпилю, на котором реет флаг, ползет крохотная фигура полицейского.

Флаг сорван. По площади проносится гул возмущения.

Джимми и Тони стоят, крепко сцепившись за руки.

Пронзительный свисток полицейского раздается рядом с мальчиками. Они вздрагивают, бросаются в разные стороны. И где-то в общем гуле тонет крик Тони:

— Джи-имм! Где ты?..

Рабочий квартал.

Мрачные дома с захламленными дворами.

Через двор тянется веревка с бельем.

Вынырнув из-за белья, Тони поет, задорно скандируя сочиненную им на ходу песенку:

На площадке кто-то повесил флаг!
Кто это сделал, какой смельчак?

Мальчик поднимается по узкой винтовой лестнице.

Кто это сделал, какой смельчак?
Кто на башне повесил флаг?..

Тони умолкает — в верхнем этаже слышится звон разбитого стекла.

Мальчик останавливается.

...Чуть не сбив Тони с ног, мимо пробегает полицейский. Сзади него спешит долговязый субъект в штатском, на ходу взволнованно выкрикивая:

— Господин шериф! Господин шериф! Я потерял из-за него свою лучшую собаку! Она, конечно, разбилась...

И уже снизу до Тони донесся голос шерифа:

— Пустяки, мистер Каридус! Мы оплатим ваши потери... Зато все в порядке...

Тони, перегнувшись через перила, удивленно смотрит вниз, затем, презрительно присвистнув им вдогонку, спешит дальше по лестнице:

Кто это сделал, какой смельчак?
Кто на башне повесил флаг?..

Тони на ходу достает из сумки пакет:

— Па-па! — кричит мальчик. — Я принес тебе почту! Па... — голос Тони срывается.

Мальчик замер перед распахнутой настежь дверью. В комнате все перевернуто вверх дном, смято, разбросано.

— Отец, — тихо зовет Тони.

Взгляд его падает на валяющуюся на полу в центре комнаты дымящуюся трубку.

— Отец! — отчаянно кричит Тони.

И словно отвечая на этот зов, во дворе с шумом захлопнулись дверцы полицейской машины.

Тони уронил пакет и бросился к окну, распахнул его настежь. Внизу со двора стремительно выехала полицейская машина, и вой ее сирены растаял в отдалении.

— Па-па, — прошептал мальчик и грудью упал на подоконник, спрятав голову в руки.

Тони недвижим.

Тишина.

И вдруг до слуха мальчика снизу доносятся детские голоса, поющие его песенку:

Жил в нашем доме один смельчак,
Он на башне повесил флаг!..

Тони поднимает голову. Вытирает слезы, прислушивается к песне.

Его взгляд упал на валяющийся на полу пакет, который он нес отцу. Мальчик пристально смотрит на пакет, затем порывистым движением поднимает и вскрывает его.

...Ворвавшись в распахнутое окно, ветер подхватил десятки белых листовок и закружил их по комнате — листовки... листовки... листовки!

Тони удивленно смотрит на них, затем бросается к двери и захлопывает ее. Мальчик складывает листки в аккуратную пачку. В руках у него голубой листок с изображением голубя, а внизу, словно в строю, стоят слова:

Честные люди нашего штата!

СТАВЬТЕ СВОЕ ИМЯ ПОД ОБРАЩЕНИЕМ КОНГРЕССА МИРА!

Тони внимательно и пристально смотрит на листок.

Снизу доносится песня:

...Кто это сделал, какой смельчак?!.

Сжимая листок в руке, Тони смотрит через распахнутое окно на город. Вдалеке, над крышами домов, на фоне голубого неба сверкает голый шпиль мэрии.

Большие часы на башне отбили два гулких удара.

Выжженная солнцем трава во дворе дома, огороженного глухим дощатым забором.

На крыльце застыла ветвистая тень дерева.

В глубине двора каменный сарай с решетчатыми окнами — собачник. Оттуда доносится сухой и скрипучий голос:

— Да не бойся же ты, черная обезьяна!

Пара поношенных башмаков нерешительно шагнула по каменному полу и... повисла в воздухе. Мы видим, что это знакомый нам долговязый субъект приподнял и подтолкнул по коридору испуганного Джимми:

— Вперед!

Они идут по узкому проходу, вдоль которого стоят клетки с собаками. Через прутья на мальчика смотрят злые, пронизывающие глаза. Звучит голос хозяина:

— Это очень милые собачки... Ты их узнаешь. Смотри за ними внимательнее! Они приносят мне доход в пять тысяч долларов! Лучших полицейских собак нет ни у кого в штате!

Они подходят к крайней клетке. Здесь Каридус останавливается и раздраженно ударяет плеткой о голенище.

— Сегодня я потерял одну из собак... — куда-то в пространство произносит он.

Широко открыв глаза, Джимми смотрит на клетку.

В клетке лежит огромный рыжий бульдог. Он замер на каменном полу, распластав свое тяжелое тело. Задняя лапа безжизненно вытянута в сторону и перевязана, как видно наспех, носовым платком. Собака тяжело дышит, поводя боками.

Каридус долго и пристально разглядывает собаку.

— Ниагара! Ниагара! — строго зовет хозяин.

Собака делает едва заметное движение и, не сумев поднять морды, облизывается.

— Воды! — вдруг кричит хозяин и указывает плеткой на ведра.

Подхватив их, Джимми убегает.

Каридус вплотную подходит к клетке и требовательно произносит:

— Встать... Встать... Встать... Ну?!

Собака вздрагивает и, не поднимаясь, втягивает голову.

В дверях стоит Джимми, держа ведра.

Хозяин вскидывает плетку...

Но тишину нарушает робкий голос мальчика:

— Хозяин... она не может...

— Не может?! Это мы сейчас посмотрим... — С этими словами Каридус плеткой сбивает защелку клетки и ударяет собаку.

Собака вскакивает. Из последних сил она рванулась по коридору, у двери сбив с ног Джимми.

С грохотом катятся ведра, разливается вода.

В клетках поднимается лай.

Пристально, словно оценивая собаку, смотрит ей вслед Каридус. Но Ниагара уже упала и с трудом переползает через порог. Каридус злобно отшвыривает плетку, его слова звучат приговором:

— Сегодня утром эта собака помогла нам в последний раз. Лечить ее дорого и бесполезно. Такая собака мне не нужна!

Весь мокрый Джимми медленно поднимается с пола.

— Ты поведешь ее за город, на реку. Привяжешь камень и столкнешь в воду, — повелительно говорит Каридус.

Испуганные глаза Джимми на мгновение зажмурились.

— Только не забудь снять с собаки намордник. Слышишь?! Он стоит ровно 25 центов! — невозмутимо продолжает хозяин.

Джимми молча опускает голову.

— Иди!

Окраина города. По небу стремительно несутся тучи. Ветер кружит песок.

Мальчик и собака медленно пересекают пустырь.

Одной рукой Джимми держит поводок собаки, другой — придерживает на голове круглую соломенную шляпу.

Собака, рыча, то и дело останавливается, с трудом следуя за мальчиком.

Небо перерезает ослепительная молния... Гром... Дождь ударил сразу в полную силу.

Джимми привязывает собаку к перилам. Тяжело дыша, Ниагара ложится.

Сквозь перила видно, как кружится и пенится между быками моста вода, как гуляют по реке свинцовые волны. Джимми вертит в руках веревку, опускает голову и застывает.

Но вот он снова смотрит на собаку полным ужаса взглядом. Собака протяжно лает.

Сильный порыв ветра срывает шляпу с головы Джимми и колесом катит ее по краю моста.

Мальчик тянется за ней, но шляпа проскакивает между перилами и, кружась, летит в водоворот реки. Ее захлестывает волна, другая... и через мгновение она исчезает в темной глубине.

Джимми поворачивается к собаке. Ниагара смотрит на него долго и пристально, а дождь хлещет мальчика по лицу и спине, порывы ветра рвут на нем одежду. Неожиданно Ниагара вздрогнула и потянулась мордой к мальчику. Джимми резко толкает ногой камень. Он с плеском падает в воду.

Отвязав собаку от перил, Джимми несколько минут стоит над собакой. Дождь сильно бьет Ниагару по лапам, она старается подобрать их, но не может.

Джимми бросает последний взгляд на Ниагару, быстро снимает с себя рваную, заплатанную тужурку и, накрыв собаку, быстро уходит с моста, скрывшись за пеленой дождя.

Ниагара лежит на мосту. Но вот она медленно поднимается и следует за мальчиком.

Шумит дождь.

Не обращая внимания на ливень, Тони медленно бредет по улице, разнося вечерние газеты и извещения.

Он заходит в подъезд и поднимается по лестнице, оставляя за собой мокрые следы. Он или звонит или опускает газеты в ящик. Но у Тони в руке, кроме газет, небольшие открытки, окаймленные темным кантом.

Вот мальчик задерживается на уже знакомой нам лестничной площадке у квартиры миссис Медж.

Рука Тони то тянется к звонку, то в нерешительности опускается. Мальчик смотрит на извещение, которое держит в руках. Перед его глазами плывут слова: «...Миссис Медж, ваш сын погиб на Восточном фронте...»

Тони еще раз взглядывает на дверь и медленно опускает извещение в почтовый ящик.

Постояв у двери несколько минут, Тони поднимается выше. В руке уже другое точно такое же извещение.

Тони поднимается еще выше. Где-то за дверью играет скрипка. Однообразная, грустная мелодия.

Тони стоит на последней площадке. Одно мгновение он прислушивается, затем, быстро открыв сумку, достает знакомые нам листки с изображением голубя и стремглав летит вниз, опуская в почтовые ящики листовку за листовкой — одну, другую, третью...

Уже внизу Тони переводит дух. В руках у него пачка нерозданных листовок. Тони прячет их в сумку и выскакивает на улицу.

Возбужденный, торжествующий, идет Тони по улице, разбрызгивая башмаками лужи, и входит в следующий подъезд.

Двор дома Каридуса.

Вода с шумом падает из желоба и, пенясь, разливается по асфальту.

Джимми стоит, прислонясь к забору. Вдруг с улицы доносится требовательный лай Ниагары. Мальчик испуганно оглядывается на темные окна хозяйского дома.

Громко лает Ниагара.

Тогда Джимми впускает собаку во двор. Она, ковыляя, пересекает двор и скрывается в сарае...

Сквозь монотонный шум дождя из сарая доносится лай.

Каридус переходит двор и с силой стучит ногой в дощатую дверь.

— Эй! Открой!

Джимми, который сидел в своем углу и осторожно перевязывал лапу собаке, встрепенулся.

— Открой! Слышишь?! — вновь звучит голос хозяина.

Джимми подталкивает собаку под кровать и, пробежав по коридору, быстро распахивает дверь. Каридус отталкивает испуганного мальчика и шагает за порог. Одним взглядом он окидывает собачник — клетка Ниагары пуста.

— Ты когда вернулся? Почему горит свет?! — грубо спрашивает хозяин.

Джимми молчит.

— Ты принес намордник?!

Джимми что-то растерянно бормочет.

— Дай намордник! Сейчас же! Ну!

Мальчик скрывается за перегородкой.

Ниагара лежит под кроватью. Плошка пуста.

Джимми тянется к собаке. Ниагара оскалилась и потянулась вперед. Джимми быстро отдергивает руку.

— Ты где?! — доносится раздраженный голос хозяина.

Рука Джимми снова осторожно тянется к собаке и скользит по короткой шерсти. Мальчик гладит собаку. Ниагара становится спокойной и податливой под рукой Джимми. А он быстро снимает с нее намордник и бросается в коридор.

— Вот! Нате!

Каридус вырывает намордник.

— Негодяй! — цедит он сквозь зубы и ударяет Джимми намордником.

Встревоженным лаем заливаются собаки.

— Завтра утром пойдешь на бойню за костями! Понял?!

За Каридусом шумно захлопывается дверь.

Джимми опускается на пол.

Слышно, как по крыше, не переставая, стучит дождь; ветер со скрипом раскачивает дверь.

Мальчик словно окаменел.

Но вот в плечо Джимми ткнулось что-то огромное, теплое, и, не глядя, мальчик обнимает голову собаки.

Ночь. На каменном полу на подстилке спит Джимми. Рядом Ниагара.

Три гулких удара — бой часов на башне.

Прислушивается сквозь сон Джимми.

Прислушивается, приподняв над столом голову, и Тони.

Комната. Окна завешены всем, что только нашлось, — лохмотьями, детской одеждой, тряпками.

Горит свеча на столе. Лежит знакомая листовка с изображением голубя — единственная оставшаяся у мальчика,

Тони старательно копирует листовку. Аккуратно рисует на чистом листке бумаги точно такого же формата, как листовка, голубя. Неровным детским почерком переписывает слова: «Честные люди нашего штата!.. Ставьте свои подписи...»

Дописав листовку, Тони откладывает ее в пачку уже готовых и принимается за новую.

Над крышей одного из домов взлетают голуби, один за другим появляясь из слухового окна.

Вздрогнув, полицейский на посту засвистел.

Утро наступило.

Открываются окна, отодвигаются занавески.

Лучи утреннего солнца играют на крышах домов.

По площади с плетенкой в руках идет Джимми. Он нет-нет, да и оглянется на острый шпиль мэрии.

Джимми переходит площадь и входит в дом с надписью «Аптека».

Невозмутимо ходит по площади полицейский.

Мимо него пробегает Тони. Он добежал до аптеки и остановился, увидев, как из аптеки, осторожно закрывая за собой дверь, выходит Джимми.

— Алло, Джимм Патерсон!

— Алло, Тони!

— Как я давно не видел тебя, Джимм!

— И я тоже.

Мальчики идут рядом, поворачивают за угол. Здесь тихо и безлюдно. В руках у Джимми маленькая банка с мазью.

— Что это у тебя?

— О Тони, это мазь. У меня есть тайна: я лечу собаку. Только об этом никто не знает...

— Джимм! — вдруг перебивает его Тони. — Как хорошо, что я тебя встретил! — И, схватив товарища за руку, переходит на шепот: — Знаешь, я должен выполнить одно очень важное дело. Я хочу взять тебя с собой. Только это абсолютная тайна...

— Вот честное слово, Тони. Клянусь твоей сумкой!

— Хорошо. Слушай, Джимм... мы будем делать то, что

не успел сделать мой отец. Его посадили в тюрьму, Джимм, знаешь? Это он повесил тогда флаг! Помнишь? — Тони указал на шпиль.

— Его поймали?! — с отчаянием воскликнул Джимми.

— Э-э, Джимм, — огорченно говорит Тони. — Отец бы убежал, если бы не этот проклятый мистер Каридус со своей собакой. Он...

Банка с мазью падает из рук Джимми и разбивается об асфальт. Широко открытыми глазами Джимми смотрит на приятеля.

— Мой хозяин, Тони, мистер Каридус, — шепчет он.

— Ты служишь у этой полицейской ищейки?! Да знаешь ли ты, для чего он держит этих собак?!

Мальчики молча стоят друг против друга. Тони суров, Джимми растерян.

— Пока, Джимм. Подумай. Мне надо бежать... у меня много газет.

— Тони! Ты не возьмешь меня сегодня с собой? — с горечью говорит Джимми.

Тони молчит. Долго молчит. Затем говорит:

— Когда-нибудь я возьму тебя с собой, Джимм, — и убегает.

Джимми словно застыл на месте, но вот он делает порывистое движение в сторону Тони и громко кричит вслед:

— Я уйду от него, Тони-и! Слышишь? То-ни-и!

Ночь. Темный сарай. Тускло горит единственная свеча в углу Джимми.

Мальчик надевает на шею собаки поводок.

Джимми осторожно выглядывает из сарая и смотрит на окна Каридуса. Затем он возвращается в свой угол, берет связанный узелок и тянет за поводок Ниагару. Собака послушно следует за ним.

У дверей Джимми задерживается.

— Мы уйдем отсюда, Ниагара, — говорит он, поправляя собаке ошейник. — Мы будем дружить с Тони. И больше никогда сюда не вернемся. Только тихо... А то хозяин услышит...

Собака и мальчик выходят из сарая.

Двор залит лунным светом.

Джимми осторожно ведет собаку к воротам, с трудом снимает засов и открывает калитку. Затем поднимает с земли узелок с вещами и берет собаку за поводок.

Неожиданно тишину разрывают оглушительные свистки полицейских.

С треском проносится мотоцикл.

По забору скользит свет фонаря.

Топот, крики:

— Стой! Стой!

Раскатисто звучит в ночи выстрел.

Мальчик напряженно вглядывается в тьму. Рука его впилась в ошейник вздрагивающей от напряжения собаки.

До слуха мальчика доносится топот. Джимми видит, как по противоположной стороне улицы стремительно бежит Тони, его Тони!

Вот Тони споткнулся, упал, и сумка его далеко отлетела к забору. Из-за угла показался полицейский.

— Тони! — воскликнул Джимми.

Словно подстегнутый этим криком, Тони поднялся, сделал движение к сумке, но топот тяжелых сапог слышался уже рядом. И Тони, выбиваясь из последних сил, бежит дальше, держась за ушибленную руку.

Взволнованное лицо Джимми. В одно мгновение он подхватывает сумку товарища, перекидывает ее через забор и бросается наперерез полицейскому.

— Не смейте его трогать! Не смейте! — кричит Джимми.

Чей-то удар сбивает мальчика с ног, и он, распластавшись, падает на мостовую.

Но прежде чем полицейский успевает опомниться, на него бросается огромная собака. Полицейский со всех ног бежит прочь. Собака с громким лаем преследует его.

Джимми, поднявшись, бежит во двор и замирает на месте. Цепкая рука Каридуса опускается на плечо мальчика. Джимми видит, что Каридус держит сумку Тони. Хозяин взбешен:

— Марш в собачник! Что это за сумка?!

Джимми впервые не опускает глаз перед хозяином и смело смотрит на него.

Каридус засовывает руку в сумку и вынимает оттуда пачку листовок. Он подносит листовку к глазам, читает:

— «Честные люди нашего штата!..»

— О-о?! — ревет Каридус и, схватив мальчика, тащит его к собачнику.

Джимми упирается, он старается вырваться из цепких рук.

— Я тебе покажу... Полицию! Полицию! — негодует Каридус.

И вдруг за его спиной раздается грозный лай. Каридус вздрагивает от неожиданности и, выронив сумку, отпускает мальчика. Прямо на него, оскалив пасть, мчится Ниагара.

— Ниагара?! — бормочет потрясенный хозяин и отступает.

Джимми, подхватив сумку, в одно мгновение вскакивает на бочку и ловко перелезает через забор. Каридус делает движение в сторону мальчика, но тут же замирает...

У его ног, оскалившись, следя за каждым его движением, сидит Ниагара, оберегая своего маленького друга, исчезнувшего за забором.

— Ниагара! — Каридус заискивающе потянулся к собаке, но та зарычала и бросилась со двора.

Тони, запыхавшись, взбегает вверх по темной лестнице.

Переводя дыхание, он останавливается у двери на второй площадке и, озираясь, звонит.

Тишина. Но вот за дверью слышно шлепанье туфель, дверь открывается.

Свет из передней падает на площадку — и Тони стоит, как в луче прожектора. Рубашка на нем разорвана. Он держится за ушибленный локоть. Вид у мальчика усталый, измученный. Миссис Медж отшатнулась:

— Тони?!

— Миссис Медж... я очень устал... — едва успевает произнести мальчик падая.

Миссис Медж подхватывает Тони и сейчас же захлопывает дверь.

По ночному городу, прижимая к груди сумку, пробирается Джимми. Он осторожен: то внимательно следит из-за угла, то перебегает улицу, то почти незаметный, прильнув к изгороди, идет вдоль нее дальше.

Прислушивается Джимми.

Опять идет.

Но вот за его спиной слышится чье-то тяжелое дыхание, чьи-то настигающие его шаги, быстрый бег. Джимми вздрагивает и прячется за дерево. Но сейчас же огромная рыжая собака едва не сбивает его с ног. Лапы ее уже покоятся на плечах Джимми.

— Ниагара! — обрадованно восклицает мальчик.

Миссис Медж и Тони стоят в передней квартиры. Рубашка на Тони зашита. Он умыт, вихры его аккуратно причесаны. Локоть перевязан.

— Это... это недобрая весть, миссис Медж... Я не мог ее вручить сам... Я опустил в ящик... Я три дня носил с собой этот листок... Но я не мог больше молчать, миссис Медж.

Тони видит застывшую в полумраке фигуру женщины — только один раз она поднесла руку к лицу и сейчас же опустила.

— Я пойду, миссис Медж. Спасибо вам. Я должен найти сумку, я знаю, где я ее потерял! Я не мог остановиться...

И Тони слышит мягкий, добрый, но сейчас очень твердо звучащий голос миссис Медж:

— Я не пущу тебя одного, мой мальчик.

Женщина накидывает на плечи платок и решительно добавляет:

— Пойдем вместе.

— Что вы, миссис Медж!

— Да, да... Вместе. Сейчас все люди должны быть вместе. Пойдем.

Город в предрассветной дымке. Пять гулких ударов отбили на башне мэрии часы. Над крышами домов уже обозначилась розовая полоса рассвета.

Тони и миссис Медж идут по улицам города. Вот они заворачивают за угол и останавливаются.

— Миссис Медж... — удивленно бормочет Тони.

На деревянной ограде, прямо перед ними, знакомая нам листовка Тони.

— Это ж мои, миссис Медж...

Тони и миссис Медж зашагали дальше. Они вышли на вторую улицу и увидели: на всем протяжении каменной стены, одна за другой на небольшом расстоянии красуются листовки с голубем.

И даже при слабом свете наступающего утра можно было прочесть бросающиеся в глаза слова:

Честные люди нашего штата

СТАВЬТЕ СВОЕ ИМЯ ПОД ОБРАЩЕНИЕМ КОНГРЕССА МИРА!..

Тони перебегает от одной листовки до другой. А они всюду: на каменной стене, на стенах домов, на телеграфных столбах, на подставках газовых фонарей. И все листовки расклеены очень невысоко над тротуаром.

— Я знаю, кто это сделал, миссис Медж! — радостно шепчет Тони.

— Я думаю, мальчик, что это могли сделать очень многие люди.

— Да, миссис Медж, очень многие. Но я знаю, кто это сделал сегодня. Я вас познакомлю с ним, миссис Медж.

— Обязательно!

Мальчик и женщина вышли на гранитную набережную, вдоль которой тоже расклеены листовки. Они идут быстрым шагом и вдруг видят, как, то отделяясь от гранитной стены, то припадая к ней, движется далеко впереди маленькая фигурка, сопровождаемая собакой.

— Это он, миссис Медж!

Тони не выдержал и пустился бежать к товарищу.

А когда подошла миссис Медж, она положила руку на черную курчавую голову Джимми и тихо сказала:

— Спасибо, мальчик... — И после паузы добавила: — Пойдемте дальше.

Тони никогда не видел миссис Медж такой. Лицо ее словно преобразилось, оно было полно мужества и решимости.

Все трое покинули набережную и вышли на улицу, ведущую к площади.

Так молча втроем они шли по улице, на которой когда-то впервые встретились мальчики. Они поровнялись со знакомыми часами. Тони подтолкнул товарища:

— Помнишь, Джимм?

Джимми, ничего не ответив, в одно мгновение оказался на железном столбе часов. Ловко подтянувшись, он налепил на круглое стекло часов, на самый циферблат, листовку.

Джимми спрыгнул вниз, и мальчики тихонько засмеялись.

А миссис Медж уже подталкивала их дальше. Она с гордостью поглядывала на мальчиков, идущих впереди.

Около Джимми неотступно шествовала Ниагара, а он слегка придерживал ее за ошейник.

— Мы будем с тобой очень крепко дружить, Джимм! И никогда не поссоримся, — сказал Тони.

— Никогда! — ответил товарищ.

Все трое вышли на площадь и спокойно, словно прогуливаясь, пошли по ней. Миссис Медж взяла мальчиков за руки.

А солнце поднималось все выше и выше — мирное утро, охраняемое честными людьми, вставало и над маленьким городом за океаном.

Неожиданно Тони вскрикнул:

— Смотрите! Смотрите!

На знакомом здании мэрии, на остром шпиле, как прежде, гордо реял голубой флаг с изображением белоснежного голубя.

Тони и Джимми, улыбаясь, смотрят вверх.

Тони тихо запевает:

Кто это сделал, какой смельчак?
Кто на башне повесил флаг?

И как бы отвечая на этот вопрос, звучит голос миссис Медж, которая медленно и твердо произносит:

Значит, в городе не один смельчак,
Раз снова на башне этот флаг!
Значит, нас много! И мы сильны!
Значит, люди против войны!

А голубое полотнище колышется на ветру, сливается с голубизной неба. Белая птица на нем кажется теперь совсем живой.

Постепенно она превращается в живого белого голубя. Вот он уже парит над городом, взвиваясь все выше и выше в просторы неба.

На разных языках звучит «Гимн демократической молодежи». Его, словно на крыльях, несет голубь, пролетая над очертаниями Эйфелевой башни, над домами Лондона, над памятниками Будапешта, над рейхстагом, над пирамидами Египта, над китайской пагодой, украшенной красными флажками, над заснеженными зимовками Арктики, над Кремлевскими башнями.

Над Москвой!

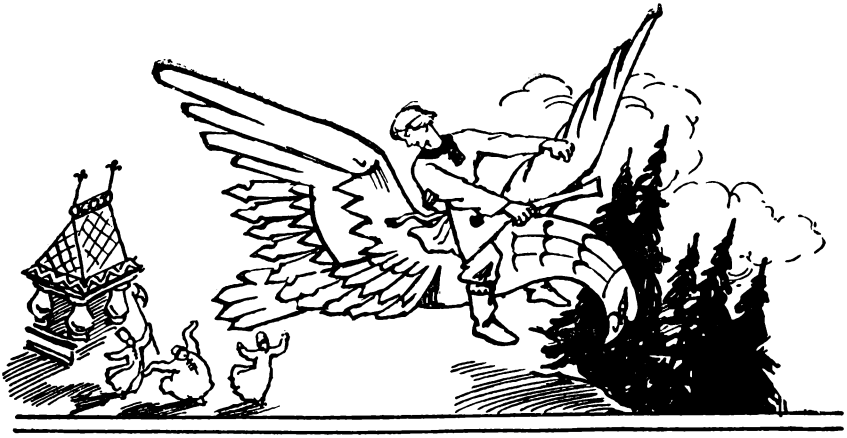
Песня уже звучит на родном русском языке.

Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живем!..

Все выше и выше в небо взвивается голубь.

Уменьшается, уплывает земля.

Медленно вращается земной шар, и вокруг него кружит белая птица — символ мира во всем мире.



Золотые руки

НИКОЛАЙ РОЖКОВ

Из-за городской стены медленно поднимается солнце, и от его яркого света белокаменный боярский терем меняет окраску от темного, почти черного, до ясного белого. Солнце освещает посад, золотые маковки церквушек, узкие улицы с приземистыми деревянными домами. И за каждым домом, а то и в самом доме — мастерская.

Стучат молотками кузнецы, кожаные фартуки блестят на них, как латы богатырей, шумно дышат меха, которыми орудуют мальчонки, а поодаль лежат горками изделия кузнецов: лемеха к сохам, мечи, колеса для колымаг.

По соседству искусные оружейники и пушкари мастерят резное оружие, пищали, пушки.

Улица гончаров. На вертящихся станках из простого комка глины лепят гончары удивительной красоты посуду: кувшины, кубки, чаши, блюда. Обжигают посуду в печах, а потом глазурью выводят затейливые цветистые узоры.

Мелькают руки мастеров, и под их умелыми пальцами рождаются диковинные ларцы со звонкими замками, ложится красивое шитье на бархат, на парчу, перепрыгивают друг через друга деревянные палочки коклюшек, и возникают такие тонкие кружева, что кажется, сотканы они из солнечных лучей.

В руках мастера старинный музыкальный инструмент, который постарше лет на двести заморских гуслей, — трехструнная балалайка.

Действительно, о трех струнах балалайка, но под умелыми руками куда богаче поют эти три струны, чем все двадцать четыре струны прославленных гуслей.

Балалайка в руках подмастерья Ивана, который пристроился на верстаке у распахнутого настежь окна.

Хозяин мастерской, столяр Никита, старше Ивана. Волосы его стрижены в кружок и подхвачены на лбу ремешком. Русая бородка слегка курчавится на щеках, как курчавится, вьется золотая стружка под его рубанком.

Кругом столяра на полках, на столах, на подоконниках стоят хитроумные ларцы, вырезанные из целого дерева — лесные чудища, затейливые жар-птицы, коньки-горбунки, ведьмы.

Видимо, с особой любовью столяр вырезает птиц. Они, как живые, парят под потолком мастерской, подвешанные на нитях. Птицы же служат основным орнаментом тончайших деревянных кружев оконных наличников.

А за окном мастерской высоко в небе парит орел.

— Вот мне бы так, как орлу,— задумчиво говорит Иван.— Полетел бы я к Наталье в Озерск, поглядел бы на нее, спел бы песенку. — Он вздыхает. — Да нет, не дано человеку стать птицей.

— Человек все может, — убежденно говорит подмастерью Никита. — Человек всему царь...

— Царь, а по земле ходит! — ладит свое Иван.

— Найдется, который и орла в небе перегонит! — улыбается Никита.

— Я б тогда сложил такую песню, всем песням песню, — встряхивает кудрями балалаечник.

— А ты спой старую! — просит Никита.

И Иван запевает песню о том, что любит он девушку Наталью из далекого города Озерска, красавицу и рукодельницу, которую он никогда в жизни не видел, но о которой каждый, кто приезжал из Озерска, ему рассказывал...

Слышится песня о красавице Наталье из Озерска, но теперь ее поет старик-гусляр в боярском тереме.

Песню слушает толстый, поперек себя шире, молодой боярский сын. Он сидит за столом и с невероятной быстротой поедает все, что ему подают. Тут и дичь, и пироги, и овощи. Поедает он все это мгновенно и, видимо, ест уже давно, так как слуги обливаются третьим потом.

Поет старый гусляр о Наталье.

Вдруг подобие мысли проходит по мясистому лицу молодого боярина.

— Дай! Дай! Дай! — плаксиво орет он.

Слуги со всех ног бросаются на кухню.

Стремительный хоровод всяческих яств: печеное, жареное, соленое, вареное, молочное, мясное, рыбное.

— Дай! Дай! Дай! — замахивается на слуг боярин.

Еще стремительней поток кушаний.

Из дальних покоев бежит тощая, как жердь, мамка, и неизвестно, что длинней — она или тень от нее.

— Дай! Дай! Дай! — пуще прежнего вопит боярин.

— Чего тебе, красавец? — спрашивает мамка.

— Жени меня на Наталье Озерской! Сейчас сватов, подарки шли! — кричит боярин так, что его крик слышат на ярмарочной площади, где полным-полно народу.

Двери мастерских открыты настежь. У порогов стоят мастера, расхваливают свой товар.

Из мастерской выходят Никита-столяр и балалаечник Иван, с видимым удовольствием оглядывают ярмарку, карусели, расписные балаганы.

Идут они по улице и видят, что у порога мастерской стоит золотых дел мастер Макар, показывая свои изделия. У него рыжая бородка клинышком, он кричит, зазывает народ:

— Пришло времечко, покупайте.

К лавке Макара подходят Иван и Никита.

Зазывает золотых дел мастер покупателей, показывает кольца, брошки, серьги, браслеты. Вокруг толпятся женщины и девушки, богатые и бедные, восторженно ахают, удивляются, вздыхают.

— Стараешься, Макар?— спрашивает Никита. — Смотри, надорвешься.

— Тебя завидки берут, а ко мне денежки плывут, — отвечает Макар.

Иван берет с прилавка бирюзовое колечко и разглядывает его.

— Вот бы Наталье послать, — говорит он Никите.

— Покупай, бери, Иванушка, — уговаривает Макар. — Я все из чистого золота делаю, любо-дорого.

— Да не все то золото, что блестит, — снова шутит Никита.

— Что? — хватает Макар за кафтан Никиту...

...Терем. Переполох в горнице не убавился. Сейчас все собирают боярские подарки красавице Наталье.

Складывают в сундуки кружева, вышивки, парчу, бархат.

В горницу вбегает холоп.

— Кто, зачем? — орет боярин.

С испуга холоп закрывает глаза, зубы его отбивают дробь. Он шепчет, как заклинание:

— Господи Иисусе, вперед не суйся, погодя не оставайся, боярину не мешайся.

— Чего? — не понимает боярин.

Холоп распахивает двери и втаскивает в горницу Макара, Никиту и Ивана. Судя по одежде, «спор» у мастеров был горячий.

Боярин с опаской глядит на Никиту, он столяру едва до плеча.

— Кто такие? — спрашивает боярин, отступая за спину мамки. — Пошто драка?

— Мастера, — говорит Никита. — Я по дереву, он по золоту, подмастерье по балалайке да песне.

— Драки не было, спор был, — говорит Макар. — Мы соседи.

— Не подсказывай,— высовывается из-за мамки боярин,— сам знаю, не дурак. — Он смотрит на мастеров, явно не зная, что ему делать с ними.

Мамка что-то шепчет боярину на ухо, после чего тот довольно крякает.

— Жениться мы собрались, — говорит боярин, важно поглядывая на мастеров. — Потому вам двоим приказываю сделать невесте по диковинке, а балалаечнику песню придумать. Кто угодит невесте, тому боярское спасибо, кто не угодит — тому тюрьма.

— Кто ж невеста, кому угождать будем? — спрашивает золотых дел мастер Макар.

— Озерская девка Наталья, — говорит боярин, охорашивая и оглядывая себя.

— Ох! — не то вскрикивает, не то вздыхает Иван.

«Дон», — звучит балалаечная струна...

...«Донн», — как бы отвечает ей упавшая с крыши избы сосулька.

«Дзинь-дон, дзинь-дон», — играет на балалайке Иван.

«Дзинь-дон, дзинь-дон», — барабанит весенняя капель по слюдяному стеклу.

И рождается мелодия, полная разных звуков.

Вот шумно трещит на речке лед. Сталкиваются льдины, и более слабые раскалываются, уступая место более сильным.

Чирикает песню весенняя птаха.

Из поднебесья к земле летит крик журавлей.

От земли в небо вместе с песней взлетает жаворонок.

Стороной идет косой золотой дождь.

И вдруг веселая широкая радуга перечеркивает небо.

Лопается почка вербы, и первый клейкий лист трепетно тянется к солнцу. Земля покрывается зеленью первых трав.

Вдохновенно играет Иван.

— Чего ты играешь? — заглушает все знакомый нам визгливый голос боярина.

Как будто от сна пробуждается Иван, перестает играть, обрывается мелодия весны, и тогда видно, что стоит Иван посреди низкой, душной горницы боярского терема, а ближе к двери — Макар и Никита, заслушавшиеся песней Ивана. У Макара в руках сверток.

— Такая песня моей Наталье не понравится, — зло говорит он.

— А ты откуда знаешь? — хмурится Иван.

— Следующий! — и боярин топает ногой так, что просыпается мамка, которая сидит рядом с ним на скамье. Несмотря на свою худобу, мамка занимает сейчас почти всю скамью, оставив боярину лишь краешек, с которого он все время соскальзывает.

К боярину подходит золотых дел мастер.

— Прикажи чан с водой принести, — просит Макар.

Холопы вносят деревянную лохань.

Макар развязывает свой узелок, вынимает из него что-то, наклоняется над чаном, и мы видим золотую утку. Она плавает по воде, как живая, вертит головой, крякает, обчищает носиком перышки.

— Да это же живая утка! — громоподобным басом провозглашает мамка. — Смотри-ка, красавец, он живую утку золотом покрыл.

— Какая же она живая? — обижается Макар. — Прикажите мне ее разобрать по частям и опять по винтикам собрать.

— Приказываю! — говорит боярин.

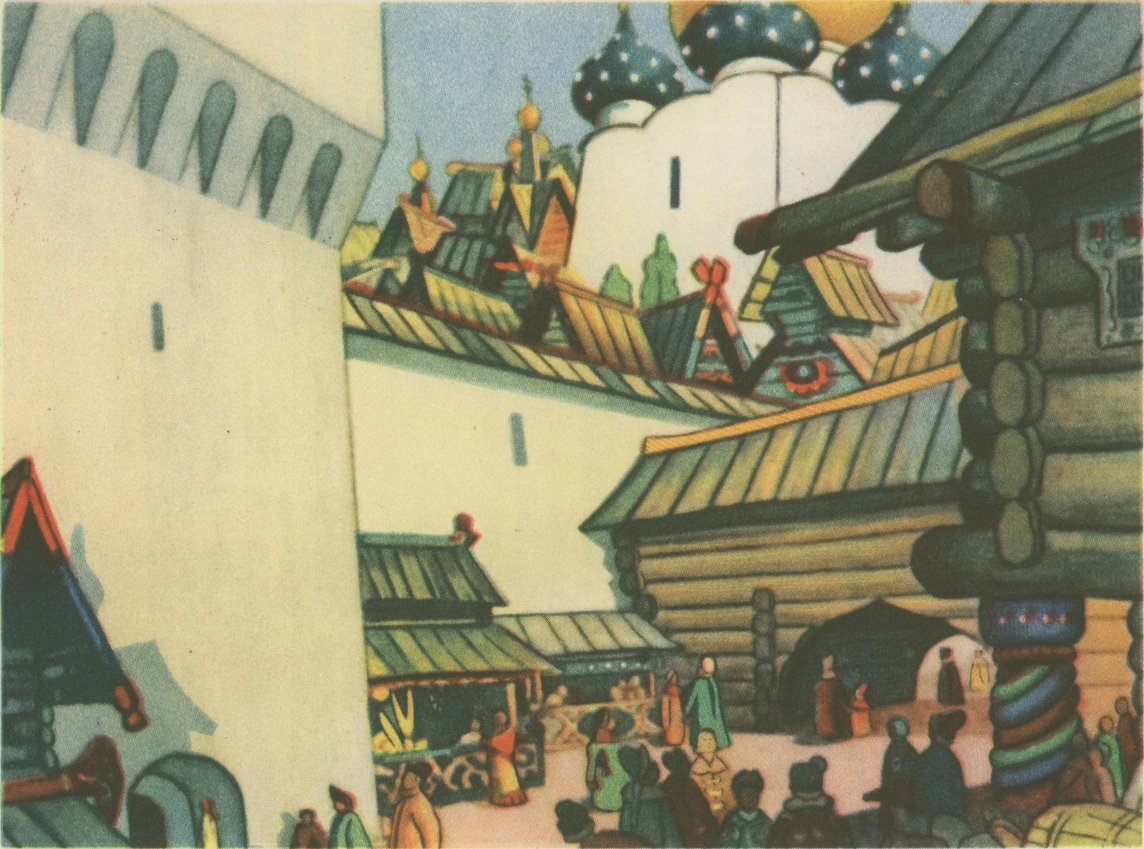
Макар вынимает из чана утку, быстро отвинчивает ей крылышки, затем голову, ноги, разнимает ее на две половины и высыпает из нутра птицы множество колесиков, пружинок, которые шипят, звенят, кружатся, толкают друг друга.

Дивятся боярин и мамка.

А Макар быстро свинчивает все части обратно и пускает утку на воду, и она теперь плавает лучше, чем в первый раз.

— Годится! — кричит боярин, хватает утку и бросается к большому, обитому железом сундуку.

Со звоном поднимается крышка сундука. До краев набит сундук подарками невесте. Боярин бережно прячет в сундук утку, и крышка сундука со звоном закрывается.



— Теперь ты, Никита, диковинкой похвались! — приказывает боярин.

— Скажи, чтоб окошки открыли, — просит Никита, — моя диковинка во дворе...

Настежь распахиваются окна боярского терема. Смотрят в окна боярин, мамка, холопы.

Во дворе Никита разворачивает свой узел, вынимает из него деревянные легкие четырехугольники, треугольники и ловко складывает из них большую птицу, больше самого большого орла. Затем прикрепляет к деревянному орлу легкие крылья. Садится на орла Никита верхом и поворачивает какой-то винтик.

Взмахивает деревянный орел крыльями и поднимает столяра над двором.

Боярин смотрит, разинув рот. А Никита над боярским теремом делает ровные круги и плавно опускается обратно к крыльцу.

Слезает Никита с орла, отставляет его в сторону.

— Беру! — кричит боярин и бросается из терема.

Но его опережает Иван. Он садится орлу на спину, поворачивает винтик, и орел выносит балалаечника с боярского двора, сбив крыльями боярина.

— Не быть тебе, боярин, мужем Натальи! — кричит Иван и взлетает сразу выше деревьев, выше церковной колокольни.

— Обман! — кричит боярин. — В тюрьму столяра! Казнить!

Зажигается над посадом первая звезда.

Темница. В углу на соломе лежит Никита. Руки его закованы в цепи. В оконце над ним виден клочок звездного неба.

Летит в небе клин журавлей.

Шепчет Никита:

— Эх, птица-журавль, летишь ты в далекие страны. Догони друга Ивана, скажи ему: казнят Никиту через три дня.

В небе тревожно курлыкают журавли.

Опускается на солому Никита, тоскливо смотрит на тюремное оконце, в котором ночное небо и частые звезды.

Вдруг слышит он, будто кто зовет его:

— Соседушка!

Никита подбирается к окну. Он видит: напротив тюрьмы на дереве сидит золотых дел мастер Макар.

— Макар! — радостно восклицает Никита.

— Никита! Что делать будем? — спрашивает Макар. Голос его печален.

— Ивану сказать надо! — говорит Никита.

— Искать его где? В небо, чай, на моей утке не полетишь! — разводит руками Макар и чуть не падает с дерева.

— В Озерске он! У девки Натальи! — горячо шепчет Никита. — Выручай, Макарушка!

Никита опускается на пол темницы. Он слышит голос Макара:

— Выручу! Беспременно выручу!

Небо меняет окраску. Разбегаются первые сполохи зари, как бы сметают звезды. Все больше светлых красок в небе.

В розовом предрассветном тумане навстречу утренней заре летит деревянный орел, а внизу под ним расстилаются просторы русской земли.

И такая благодать открывается перед Иваном, такая красота лесов, полей, рек, что не может он сдержаться, берет в руки неизменную балалайку и начинает песню о родине, о народе-умельце, что хлеб растит, дома строит, железо в горах добывает и даже такую диковинку придумал, что человека по воздуху носит.

Поздний вечер. Озерский край на пути Ивана, а между озер красавец-город с большой площадью, от которой веером разбегаются улицы.

Направляет Иван орла к окраине города, где на берегу озера сушатся рыболовные снасти и стоит густой стеной камыш.

В камыше Иван прячет деревянного орла и идет в город.

Ночь на улицах города. Ставни в домах закрыты наглухо. Тихо в городе, только сторожа стучат в колотушки.

Иван замечает, что в одном доме светится оконце. Он подходит и видит: сидит девица такой красоты, что у Ивана из рук балалайка выпала.

Сидит девушка за пяльцами и вышивает по шелку узор.

Иван окликает ее:

— Девица-красавица, не Натальей ли тебя звать-величать?

— Люди зовут Натальей, — отвечает красавица.

Не может отвести глаз Иван от Натальи. Видит он, Наталья собирается окошко закрыть. Тогда Иван просит:

— Дай воды испить.

Наталья охотно подает воду в ковше Ивану:

— Пей, озерская вода холодная.

Отдает Иван ковш, кланяется, хочет уйти и не может, будто приросли ноги к земле.

— Ох, Наталья! — восклицает Иван. — Ты ж мне во сне снилась, на яву виделась.

Иван берет в руки балалайку и запевает песню о красавице Наталье, что и ласкова, и умна, и мастерица хоть куда.

Слушает песню Ивана Наталья. Нравится ей балалаечник, и нежная краска волнения появляется на ее щеках.

Играет Иван на балалайке и не просто играет, а немудрый инструмент ходуном ходит в его руках...

То прокатывается по плечу.

То, перевернувшись трижды, как бабочка, порхает вокруг музыканта.

То шепчет тихо, как будто мать сказку рассказывает.

То звонко, озорно поет на всю улицу.

Восторженно смотрит на Ивана Наталья...

И уже наряжают подружки Наталью под венец, а сами по обычаю плачут. И Наталье тоже плакать положено, но она смеется.

Радостно Наталье. На веселую жизнь идет. Да и впрямь, кто когда видел, чтоб жена у русского балалаечника была грустной.

За многими столами справляют горожане веселую свадьбу Натальи и Ивана.

В самый разгар пира к столу, за которым сидят Иван и Наталья, пробирается золотых дел мастер Макар.

— Эй, Иван! — кричит Макар. — Нынче Никиту казнят!

Опрокинув стол, вскакивает Иван.

Растерянно смотрит на него Наталья.

Площадь в боярском посаде. Соорудили на ней высокое лобное место. Стоят на лобном месте палачи в красных рубахах, с топорами на плечах. Здесь же Никита, руки у него связаны.

А напротив на возвышении сидит боярин, за его спиной — мамка.

На площади полным-полно народу.

...Под самыми облаками летит деревянный орел, свистит ветер в его легких крыльях.

На спине у чуда-птицы Иван и Наталья. Ветер треплет русые косы девушки.

...Площадь. Палачи ставят Никиту на колени.

И вдруг издали, еще непонятно откуда, доносится голос Ивана.

Видит народ, как в голубом небе возникла точка. Она становится все больше и больше. Громче звенит голос Ивана. Он поет песню о Наталье.

Диковинная птица — деревянный орел — стремительно опускается на лобное место.

Убегают в испуге палачи.

Соскакивают с птицы Иван и Наталья, подбегают к Никите, обнимают, целуют его, развязывают ему руки.

А боярин на Наталью даже не глядит. Он бежит к деревянному орлу. За ним мамка.

Они хватают деревянного орла за крылья.

Неожиданный порыв ветра поднимает деревянного орла на воздух, а вместе с ним боярина и мамку.

Смеются Иван и Наталья.

Смеется Никита.

Весь народ на площади смеется.

А деревянный орел носит боярина с мамкой над городом. То вверх поднимет, то вниз. То через крыло перевернется. То через голову.

У боярина шапка срывается с головы, но пока она падает, деревянный орел догоняет ее, и шапка сама надевается боярину на голову.

Деревянный орел вылетает за город и летит над болотом.

Первой сваливается с деревянного орла мамка.

Сначала она падает медленно — юбка служит ей как парашют, но потом она переворачивается в воздухе и врезается в болото с таким шумом, что все окрестные лягушки выскакивают на берег.

Торчит мамка из болота, как кочка. А тут на нее падает боярин, и они оба скрываются под черной болотной водой. Радостным хором приветствуют это происшествие лягушки.

А деревянный орел опускается на площадь прямо к ногам Никиты.

Подходит Никита к произведению рук своих, проводит по нему рукой, словно гладит его, а потом взбирается на спину деревянному орлу.

И вот уже над городом все выше и выше к солнцу поднимается столяр Никита на своей диковинной птице.

Волк и Олень

АУГУСТ ЯКОБСОН

Болото. Столетние сосны. Осины с дрожащими листьями и березы. Болотные маленькие озерца. Над землей проносятся легкие голубовато-серые облака утреннего тумана. Природа пробуждается... Среди болотных кочек и деревьев важно разгуливают степенные цапли, в озерцах плавают и кувыркаются дикие утки. На опушке старого леса, на высокой сосне, весело резвится пушистая Белка.

На самой верхушке старой сосны у Белки устроено прочное гнездо из прутьев, выстланное мягкими шелковистыми травами. В гнезде — два маленьких бельчонка. Белка появляется в гнезде, настораживается...

По лесной тропе, крадучись, приближается к болоту голодный жадный Волк. Высматривает себе добычу. Замечает шагающую между деревьями цаплю, вот-вот бросится на нее.

Белка прыгает на самую макушку широкой кроны и звонко предупреждает жителей леса об опасности:

— Берегитесь!

— Спасайтесь!

— Волк-разбойник идет!

Услышав предупреждение Белки, цапли улетают, дикие утки отплывают от берега.

Даже рыбы, плескавшиеся в воде у самой поверхности, испуганно выглядывают и, увидев Волка, тотчас же опускаются на дно.

Хлопотливая Белка, ловко прыгая по веткам, спускается вниз к своему гнезду, к бельчатам.

Волк останавливается на пригорке и озирается в недоумении: кто бы мог отнять у него добычу? Кто осмелился предупредить жителей болота?

Волк смотрит на верхушку сосны. В это время выглянула Белка из гнезда, а за ней и бельчата.

— Так это ты мешаешь мне охотиться? Сейчас я тебя проучу! — сердито ворчит Волк и в два прыжка оказывается у высокой сосны.

Волк обхватывает передними лапами сосну, на которой живет Белка, и раскачивает ее все сильней и сильней...

Резкий рывок освирепевшего Волка — и прочное беличье гнездо, выстланное мягкими шелковистыми травами, развеяно по ветру...

Испуганно жмутся бельчата к маминой шубе. Залезают к ней на спину и в страхе смотрят на серого разбойника.

Белка осторожно, держа на своей спине испуганных малышей, идет по качающейся ветке к самому ее краю. Распушив свой великолепный хвост, Белка решается и прыгает на соседнее дерево. Волк всей своей тяжестью повисает на нижней ветке, и... старая сосна, издав глухой стон, начинает крениться к земле.

Волк бросается в сторону, но, не рассчитав, куда упадет сосна, попадает под широкую крону упавшего дерева... Пытается выбраться, но безуспешно.

Тем временем Белка устраивается в дупле соседнего дерева и, успокоив своих маленьких бельчат, решается взглянуть на свое старое жилище. Она видит упавшую сосну, под которой неподвижно лежит огромный серый Волк.

— Ох-ох! Добрая Белочка, не поможешь ли ты мне? — заискивающе просит Волк.

— Нет! Не помогу. Ты слишком страшный! — отвечает Белка.

Из дупла появляются две маленькие белочки и подтверждают:

— Очень! Страшный!

— Ох! Беда! — стонет Волк.

Веселые солнечные блики снова забегали по мшистой опушке, по болотным озерцам. Снова степенно вышагивают по болотным кочкам цапли. Плавают у берега дикие утки. Плещутся в воде серебристые рыбки.

На лесную опушку горделивой поступью выходит Олень и вдруг слышит, кто-то зовет на помощь. Он пошел на голос и видит, что под сосной, вытянувшись, лежит Волк и воет жалобным голосом.

Олень, покачивая своей красивой головой, спрашивает Волка:

— Как же это ты, сосед, в беду попал?

— Ох, и не спрашивай, дорогой друг, того и гляди конец мой придет! — простонал Волк. — Поддень рогами ствол, помоги!

Белка встревоженно выглядывает из дупла и вмешивается в разговор:

— Не помогай ему! Не помогай!

— Он нас съесть хотел!

Олень, подошедший уже совсем близко к Волку, останавливается в нерешительности.

Волк заискивающе просит Оленя:

— Великодушный, благородный Олень! Поверь ты мне, поверь моему честному слову, я никогда и никому не причиню зла! Помоги!

Белка в страхе смотрит вниз. От волнения она не может и слова вымолвить.

Олень поддевает рогами ствол сосны, делает большое усилие, и ствол медленно приподнимается.

Белка в ужасе закрывает глаза лапками. Так же поступают и бельчата.

Кряхтя и охая, Волк вылезает из западни.

Олень снова опускает сосну и с достоинством говорит Волку:

— Вот ты и выбрался из беды! Теперь ступай своей дорогой!

Олень медленно поворачивается и уходит...

Волк ворча приподнимается, расправляет кости, осматривает свою шубу — она нигде не порвана — и глядит вслед уходящему Оленю.

Олень скрывается за поворотом лесной тропинки.

Волк бросается наперерез через лесную чащу и появляется перед Оленем, преграждая путь.

— Стой! Ни с места! Шкуру долой!

— Не стыдно ли тебе, сосед! Ты ведь дал честное слово! — промолвил Олень.

Волк нагло расхохотался:

— Ха-ха-ха! Мы — волки — сильны, мы хозяева своего слова. Захотим — дадим. Захотим — назад возьмем!

Белка с верхушки дерева внимательно и взволнованно следит за происходящим. Услышав слова коварного Волка, она в несколько прыжков достигает лесной опушки. Спрятавшись в густой листве дерева, Белка продолжает наблюдать.

Волк наступает на Оленя. Олень, наклонив голову, защищая себя рогами, отходит к открытой поляне.

Волк прыжками приближается к Оленю, оттесняя его все ближе к крутому обрыву и приговаривая:

— Эх ты, простофиля! Я ведь под сосной в засаде лежал, а ты — моя добыча!

Олень стоит на краю обрыва и смотрит вниз на отвесные скалы и острые камни.

Волк подползает все ближе к Оленю.

На полянку выбегает Заяц. Увидев Волка, он мгновенно останавливается, не зная, куда бежать.

Застыл Заяц на месте ни живой ни мертвый. Сердечко колотится, ноги быстро-быстро двигаются, как будто бегут, а сам ни с места.

Увидел Олень Зайца и робко предлагает Волку:

— Спросим третьего, вот этого Зайца, пусть он нас рассудит и скажет, кто из нас прав.

Волк, взглянув на Зайца, соглашается:

— Третьего? Что ж, спросим третьего!

Но лишь только Волк и Олень начали приближаться к Зайцу, как Белка кинула в Зайца большую сосновую шишку, ударившую его по лбу, и Заяц, высоко подпрыгнув в воздухе, в одно мгновение скрылся из виду.

В досаде на то, что ускользнула еще одна добыча, Волк решительно заявляет Оленю:

— Видно, не найти нам третьего. Пойдем-ка лучше, сосед, ко мне в логово. Спросим мою Волчицу. Пусть она нас и рассудит!

Тяжело вздохнув, Олень вынужден повернуть в лес, в самую чащу.

Белочка, проводив взглядом Оленя, быстро запрыгала по деревьям в глубину леса.

Идет Медведь по лесу, добродушно напевая про себя песенку.

Увидит Медведь сваленное бурей деревце — поднимет, корни в землю закопает. Найдет гнездо, упавшее с дерева, бережно положит на пенек — может, пригодится. Во весь дух несется по деревьям Белка, спешит к Медведю. Чуть было мимо не проскочила, но во-время заметила и, распластавшись, прыгнула вниз, к самым его ногам.

Стоит Белка на земле и что-то взволнованно и быстро верещит...

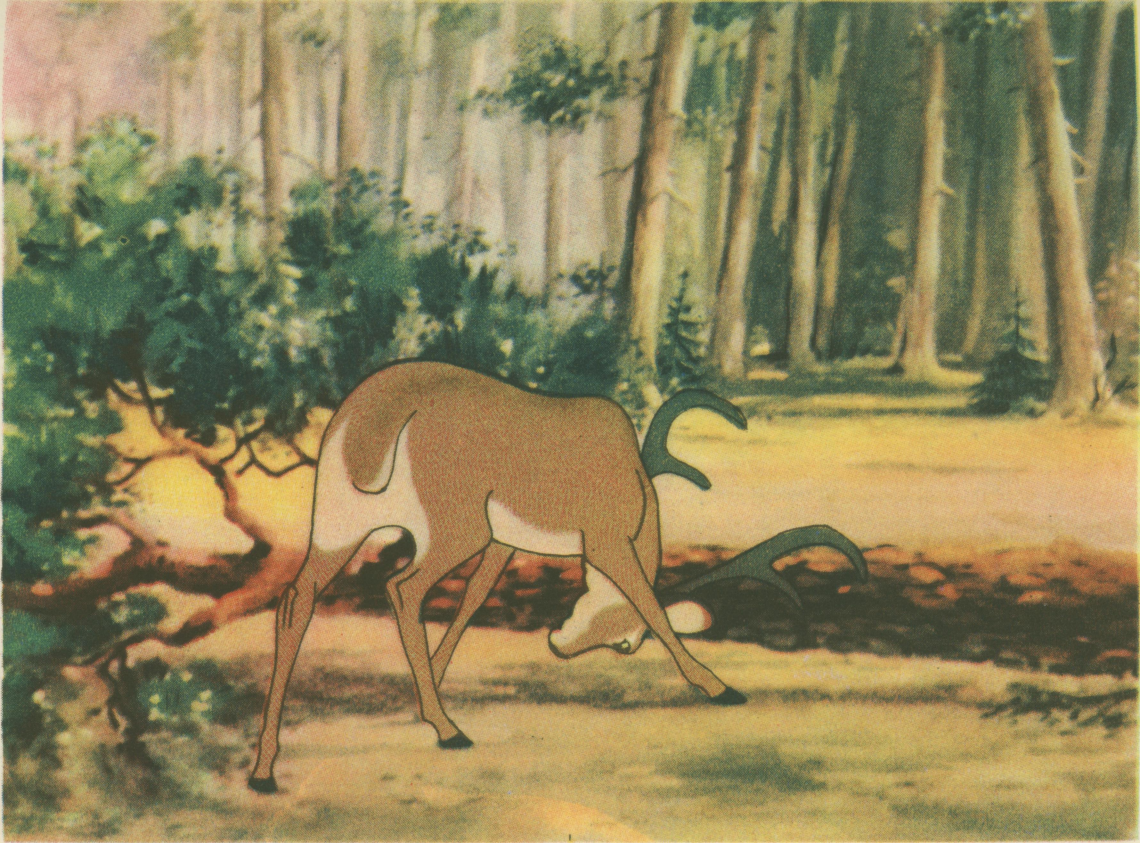
Поглядел Медведь ласково на Белку, взял ее на переднюю лапу, поднес к самому уху, чтобы узнать, что случилось.

Белка успокаивается и начинает рассказывать:

— Пришел к нам на опушку леса Волк...

Волк, услужливо раздвигая густые ветки деревьев, уводит Оленя к своему логову, приговаривая:

— Сейчас мы рассудим, кто прав, кто виноват!



И когда Волк уже совсем уверен, что приведет живую добычу в свое логово, неожиданно перед ним вырастает сильный, могучий Медведь.

— Куда это вы, соседи, собрались? — спрашивает Медведь.

Волк, несколько смущенный неожиданным появлением Медведя, отвечает:

— Видишь ли, кум, раздобыл я в засаде на завтрак Оленя, а он сопротивляется.

— Вот оно как! А ты что скажешь? — обращается Медведь к Оленю.

Олень объясняет Медведю:

— Я помог Волку из беды выбраться, а он своего слова не держит! Будь судьей — рассуди нас!

Медведь пососал лапу, подумал и отвечает:

— Гм, так. Хорошо... Но, чтобы рассудить вас, мне нужно осмотреть место происшествия. Согласны?

Олень радостно закивал головой.

Волк подумал-подумал, посмотрел на внушительного сильного Медведя и... тоже согласился.

Белка, с любопытством следившая за разговором, стремительно запрыгала по веткам деревьев к своему дому.

Лесная опушка возле болота. Поваленная сосна.

Прибегает Белка, заглядывает в свое дупло к бельчатам, садится на ветку и смотрит вниз.

Медведь, Волк и Олень уже подошли к сосне.

Медведь шагает вокруг. Раздумывает.

— Так... так... Ты, Олень, утверждаешь, что приподнял сосну своими рогами? Не могло этого быть! Хвастаешься! — как будто не веря, говорит Медведь и садится на пенек рядом с сосной.

Олень, возмущенный недоверием Медведя, подсовывает рога под вершину сосны и приподнимает ее.

Медведь с притворным удивлением:

— Гм... да... действительно сумел... Молодец! А ты, Волк, утверждаешь, что лежал там в засаде? Не может этого быть! Ты там не поместишься.

Волк оправляет шубу, подлезает под вершину сосны.

— Так, проверим... — говорит Медведь. — Опусти-ка, Олень, дерево на место.

Олень опускает дерево.

Медведь степенно обходит сосну и, улыбаясь, говорит Волку:

— Ну, что ж, Волк, хватай добычу!

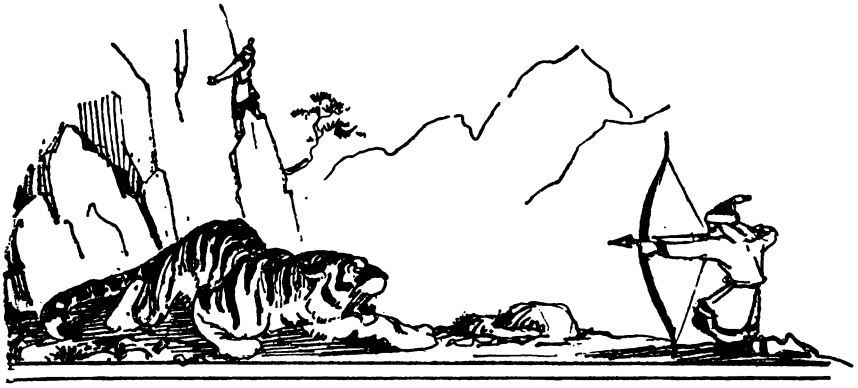
И оборачивается к Оленю:

— А ты, Олень, не будь глуп, не верь разбойнику!

Белка раздвигает ветки дерева и смотрит вниз. Ей подражают любопытные бельчата.

Под сосной беспомощно лежит Волк. Медведь и Олень уходят.

Ветки деревьев смыкаются, скрывая Белку.



Сердце храбреца

ОЛЕГ ЛЕОНИДОВ

ДАВНЫМ-ДАВНО, ЕЩЕ В ТЕ ВРЕМЕНА, КОГДА С ЛЮДЬМИ ТАКОЕ СЛУЧАЛОСЬ, ЧЕГО ТЕПЕРЬ НЕ БЫВАЕТ, ЖИЛИ-БЫЛИ В ТАЙГЕ ДВА БРАТА — СОЛОМДИГА И ИНДИГА.

Густой таежный лес на выходе из каменистого ущелья. Сопки.

Заросли высокого кустарника, лианы, опутавшие вековые деревья.

Тайга тиха, но полна скрытой жизни. Вдруг в ее извечную тишину врывается веселая песенка:

Вот идет охотник Индига,
Самый смелый из всех удэ...
Халат у него белый,
Оленьей шерстью шитый,
Пояс у него из утиных головок,
Шапка из шкурок кабарги
С беличьим хвостиком...

Песенка приближается, звучит громче.

Из-за деревьев выходит на тропинку юный удэгеец — охотник Индига с луком за плечами, с копьем в руке и мотком веревок у пояса. Он идет, весело поглядывая по сторонам и напевая свою песенку. За ним появляется другой охотник, постарше, также вооруженный копьем, — Соломдига.

Охотники углубляются в тайгу и скрываются за деревьями и зарослями кустов.

...Опять тайга. Опять вековые деревья, стволы которых оплетены лианами и вьющимся виноградом с осенними багряными листьями. Вот по ветке кедра пробегает белка, останавливается, срывает шишку и садится на задние лапки. Выглядывает из норы хорек. Выскакивает на солнечную золотую полянку и пугливо ныряет в темную чащу дикая козочка. А за сухим буреломом, еле заметный на фоне пожелтевшей осенней травы и листьев, уже тронутых заморозками, притаился тигр. То ли дремлет он после сытного пира, то ли поджидает добычу, — неподвижный и грозный.

Новый пейзаж. Скалы, поросшие лесом. Еле слышная песенка Индиги приближается, звучит громче.

На полянку выходит Соломдига, за ним идет поющий Индига, беспечно поглядывая по сторонам и играя копьем. Соломдига ступает мягко, настороженно глядит вперед. Недовольно оборачивается к брату и наставительно говорит:

— На охоте нельзя петь, Индига! Либо добычу спугнешь либо хищного зверя на себя навлечешь.

— Какой тут зверь?! — смеется Индига и продолжает петь, играя копьем:

Халат у него белый,
Оленьей шерстью шитый,
Шапка из шкурок кабарги
С беличьим хвостиком,
С беличьим хвостиком...

Крадется тигр, привлеченный песней Индиги.

Белка, заметив тигра, испуганно прячется в дупло.

Соломдига, услышав неожиданный шорох, быстро оборачивается. Перед ним тигр, выскочивший из-за скалы на тро-

пинку. Соломдига не растерялся: прислонившись спиной к каменному карнизу, он приготовился к битве, взяв копье наизготовку.

А Индига, увидев тигра, готовящегося к прыжку, замер от страха. Нагнув голову, он пустился наутек, не разбирая дороги, через кусты и завалы. Перепрыгивая с камня на камень, Индига почти скатывается на дно глубокого каменистого оврага, пересекающего тайгу.

Соломдига мужественно бросается на тигра, и, когда тот ударом лапы разламывает его копье пополам, охотник, ловко уклонившись, быстро взбирается на выступ скалы.

...Индига в ужасе бежит по лесу, наскакивает на пни, на камни, шарахается из стороны в сторону. Перебежав ручей, он спотыкается о поваленное дерево и падает на землю, закрывая лицо руками. Кругом шумит тайга, со всех сторон обступившая склоны оврага. Индига, чуть приподняв голову, прислушивается.

Тишина. Щебечут птички.

Приоткрыв глаза, Индига осматривается вокруг, встает и громко, с отчаянием в голосе зовет:

— Со-ло-ом-ди-и-га-а-а!

В ответ доносится из сопок насмешливое эхо:

— Ди-ди... га-га... а-а!

И опять тихо кругом. Понурив голову, Индига медленно идет из леса.

Вечер. У дверей своего дома стоит отец Соломдиги и Индиги. Вглядывается вдаль, поджидая сыновей.

Тревога на его лице: он видит одного Индигу, возвращающегося с охоты.

Подходит Индига к отцу, падает перед ним на колени:

— Что мне делать, отец? Соломдигу тигр унес.

— А ты где был? Почему не защитил брата? — строго спрашивает отец.

Индига молчит, низко опустив голову.

— Учил я тебя, — говорит отец, — вперед смотреть, не оставлять друга в беде. Не послушался ты — брата потерял, заячье сердце нашел.

— Что же мне делать, отец? — в отчаянии спрашивает Индига.

— Сердце мужчины иди искать! — сурово отвечает отец. — Брата иди искать... Без Соломдиги не смей возвращаться!

Индига поднимается с колен.

Растерянно смотрит на отца. Потом медленно идет прочь.

На дереве сидит Белка, щелкает орешки, бросая скорлупу на землю. Насторожилась, услыхав шаги. Смотрит вниз.

Медленно бредет Индига. В нерешительности останавливается, не зная, куда итти дальше. Замечает Белку.

— Милая Белочка, — говорит Индига, — тебе сверху все видно. Не видала ли ты моего брата Соломдигу?

Белка задумывается, словно что-то припоминая. Потом отрицательно качает головой.

— Где же мне искать брата? — горестно спрашивает Индига.

— У Орла спроси, — отвечает Белка. — Он выше всех летает.

...На скале величественно застыл Орел. Он гордо смотрит на Индигу, стоящего у подножья.

— Недалеко твой брат,— говорит Орел,— но, чтобы найти его, надо иметь сердце храбреца. Чтобы брата найти, надо большие страхи перетерпеть.

— Перетерплю! — твердо говорит Индига. — Найду брата — сердце болеть перестанет. Сам пропаду — сердце болеть перестанет.

— Хорошо, — отвечает Орел. — Посмотрю, как перетерпишь. Иди вперед!

Индига делает решительный шаг вперед.

Орел взмахивает крыльями.

И Индига сразу же по колено увязает в трясине.

Стоя одной ногой на краю болота, Индига делает отчаянные усилия, чтобы вытянуть другую ногу.

Раздается многоголосый хохот лягушек.

Индига с трудом вытаскивает ногу. В испуге смотрит на расстилающуюся перед ним трясину.

— Иди!.. Иди!.. — хором квакают и хохочут лягушки.

...Мягкая моховая кочка, усыпанная спелой клюквой. Вокруг осока. Над кочкой нависло причудливое кривое болотное дерево с жесткими сучьями и сухими ветками. Около дерева собираются лягушки. Встав на задние лапки, они отвешивают низкие поклоны, одна за другой почтительно докладывают:

— Великий Боко! Человек хочет перейти болото!

Болотное дерево вдруг зашевелилось. И мы видим, что это не дерево, а властелин болот Боко: одноногий, корявый и горбатый, с сучками и ветками на голове вместо волос.

— Не перейдет! Утоплю-у! — скрипуче смеется Боко. Подскакивает и сопровождаемый лягушками прыгает с кочки на кочку навстречу Индиге.

— Это еще не страх, — подбадривая самого себя, произносит Индига. — Страх, видно, впереди!.. Перейду!..

Набрав охапку валежника, Индига бросает его на болото и, ступая по веткам, медленно продвигается вперед.

Увидев перед собой сухое дерево, хочет обломать ветки, чтобы тоже бросить их на болото. Схватился за одну, за другую, а это руки Боко.

Боко цепко схватывает Индигу ветками-руками. Индига хочет вырваться и не может.

Болото потемнело. Бегут по поверхности синие блуждающие огоньки, и кругом становится неприветливо и страшно.

Лягушки хохочут, потешаются над испугом Индиги.

— Страшно! Страшно! — на разные голоса квакают они.

— Куда идешь, парень? Кого ищешь? — зловеще скрипит Боко, не разжимая цепких объятий.

— Кого ищу? — испуганно переспрашивает Индига. И беспомощно озирается по сторонам.

— Где тебе брата спасти!..— доносится сверху голос Орла, парящего над болотом. — Одного страха перетерпеть не можешь!..

Орел хочет улететь прочь. Но Индига, набравшись храбрости, кричит ему:

— Погоди, Орел! Вот увидишь!

И обращается к Боко:

— Тебя ищу, властелина болот Боко!

— Зачем я тебе нужен? — ехидно-ласково спрашивает Боко, поглаживая Индигу руками-ветками.

— От людей я слыхал, — говорит Индига, — что твоя одна нога сильнее двух.

Самодовольно усмехается Боко.

— Не могу я этому поверить, — продолжает Индига. — Вот пришел посмотреть. Давай испытаем, кто выше прыгнет. Лучше меня у нас в стойбище никто не прыгает.

— Прыгни ты! — говорит Боко, разжимая ветки-руки.

Индига делает шаг в сторону и опять чуть не увязает в болоте.

— Ты — властелин, тебе первому прыгать!

Боко присаживается, начинает кружиться, как волчок, потом быстро разгибается, подпрыгивает... Он поднимается все выше и выше на своей одной ноге, которая быстро раскручивается, как штопор, и постепенно превращается в тоненькую, похожую на стебель.

— Вот как прыгают! — с гордостью квакает толстая лягушка.

— Ты разве так можешь?! — вторит ей другая.

— А мне и не надо! — уверенно отвечает Индига.

Он легко отрывает ногу-ниточку, и Боко уносится вверх, как детский воздушный шар. Ахнули, замерли лягушки.

Смеется Индига, глядя вверх на бессильно барахтающегося в воздухе властелина болот.

Боко летит все выше, выше, превращается в едва различимую точку.

Мгновенно высохло болото — Индига уверенно шагает по зеленой равнине. А лягушки, меняясь в окраске, превращаются в яркие полевые цветы.

Орел взмахивает крыльями, и равнина превращается в каменное ущелье. Невольно останавливается Индига.

Откуда-то доносятся глухие, холодные, «каменные» голоса:

— Не ходи сюда! Здесь Какзаму!

Индига растерянно слушает. Не может понять, кто это говорит. Глянул на каменные нагромождения. А камни поворачиваются в его сторону, смотрят на него, между собой разговаривают, что-то бормочут.

Индига поднимает голову...

Среди камней стоит великан, такой высокий, что глаза Индиги упираются только в его кривые каменные ноги.

Индига скользит глазами по гигантскому туловищу великана. Глянул в его лицо с раскрытой пастью, с торчащими в ней острыми каменными зубами. Зашевелились от страха волосы на голове Индиги.

Как грохот обвала, раздается голос великана:

— Я горный человек Какзаму. Видишь вокруг камни? Все это люди были, да я их в камни обратил. И ты, козявка, сейчас камнем будешь! — Великан протягивает гигантскую каменную руку. Дотрагивается до руки Индиги.

Из окаменевшей руки Индиги падает копье. Рука чернеет. Индига хочет пошевелить пальцами — не может; хочет поднять окаменевшую руку другой рукой — не поднимается.

— Погиб, пропал!.. — несется по ущелью; это бормочут и кричат камни, а эхо разносит их голоса, повторяя на все лады: — и-и-и, а-а-а!

Индига поднял голову. Увидел высоко в небе парящего Орла. Схватил здоровой рукой копье.

— Это кто пропал? — гордо крикнул он. — Это про кого смеете так говорить?

Индига топнул ногой, и все смолкло. Глядя прямо в лицо великана, он громко и насмешливо говорит:

— Не велика это сила — живого человека в камень обратить. Это еще дед мой умел делать! А вот ты из камня живого человека сделай.

Хохочет Какзаму. От его оглушительного смеха загрохотал гром в горах, стали рушиться скалы, покатились лавины в ущелья.

— Моя сила, моя власть! — грохочет Какзаму. — Что хочу, то и делаю.

Великан дотрагивается до окаменевшей руки Индиги. Рука меняет окраску, становится такой же, как и другая. Шевелятся пальцы... Затихает грохот обвалов... Индига легко поднимает и опускает ожившую руку. И ему становится весело.

— Ну-ка, нагнись ко мне, — задорно кричит он великану, — я тебе на ухо скажу, чему меня дед научил!

Какзаму презрительно смотрит на Индигу: что может сказать ему эта «козявка»?! Но вот на каменном лице великана появляется любопытство. Он не спеша нагибается.

А Индига вынимает из-за пояса кисет с табаком, раскрывает его, и когда великан, нагнувшись, подставляет Индиге свое гигантское каменное ухо, Индига со словами:

— Вот чему меня дед научил! — с силой швыряет табак из кисета в нос и в глаза Какзаму.

Какзаму выпрямляется, зажмуривает ослепленные табаком глаза. Лицо его покрывается глубокими каменными морщинами, и вдруг он оглушительно чихает.

Вихри проносятся по ущелью, камни градом летят через голову Индиги...

Орел взмахивает крыльями — и перед Индигой тот самый ручей, который он легко перебежал, спасаясь от тигра. Индига снова хочет перебежать ручей, но Орел опять взмахивает крыльями — и ручей превращается в широкую полноводную реку. Индига в замешательстве смотрит на водную гладь.

— Какой же это страх! — вдруг восклицает он. — Страхи, видно, позади! Переплыву!

И он уже собирается броситься вплавь. Но Орел, внимательно наблюдавший за ним, снова взмахивает могучими крыльями. И вода в реке забурлила, как в котле. Пар от нее поднимается, закрывает багровое солнце.

Индига в испуге отступает от берега.

Из кипящей реки вырываются языки пламени

Индига в страхе прячется за дерево, боится подойти к разбушевавшейся огненной реке.

Под деревом Колонок и Хорек. Они насмешливо смотрят на Индигу.

— Как был трус, так и остался, — презрительно произносит Колонок.

Прислушивается Индига.

— Напрасно Орла тревожил, — хрипит Хорек, — разве такой спасет брата?

Испуг на лице Индиги сменяется гневом. Указывая на кипящую реку, он говорит, обращаясь к животным:

— Вы очень храбрые! Попробуйте сами!

— А еще копье и лук с собой таскаешь! — прохрипел хорек и презрительно фыркнул.

— Копье... Лук... — неуверенно переспрашивает Индига, не догадываясь, как их применить для переправы.

Вдруг лицо Индиги меняет выражение — мелькает догадка. Он смотрит на лук, на копье... Переводит глаза на деревья. А затем быстро снимает с пояса моток веревок, прикрепляет один конец к стреле, натягивает лук и прицеливается в березу на другом берегу. Тетива спущена, и стрела, разматывая веревку, летит через реку и вонзается в березу. Индига веревкой наклоняет верхушку березы к себе; примостившись в ее листве, отпускает веревку. Дерево распрямляется и перебрасывает Индигу на другой берег огненной реки, на равнину с низкорослыми березками.

Индига отряхивает обгорелую одежду. Срывает мох, травы. Прикладывает к обожженному лицу. Сам себя успокаивает:

— Ничего, заживет. Мне бы только брата найти!

— Брат твой за этой скалой, — откликается парящий над Индигой Орел. Взмахивает крыльями. И перед Индигой вырастает отвесная скала.

— Спасибо, Орел! — весело кричит Индига, подняв голову. — Теперь мне никакой страх не страшен!

Индига лезет вверх, поминутно срываясь и еле удерживаясь на крутом склоне. Под ним бездонная пропасть, в которой ревет горный поток, а до вершины еще далеко.

— Назад не пойду, — решительно произносит Индига, остановившись, чтобы передохнуть. — Сердце свое заячье вырву, стыд с лица сотру, а назад не пойду!

Сказал он эти слова и как бы в ответ услышал голос брата, зовущий издалека: «Индига! Индига!»

Вздрогнул Индига, поднял голову — на отвесной горе нет ни одной складки, на которую можно опереться, чтобы продолжить подъем. Тогда он выхватывает из-за пояса нож, с силой втыкает его в скалу на уровне головы; клинок врезается и крепко застревает в камне, а рукоятка торчит наружу. Индига приседает и прыгает так, что становится ногой на рукоять ножа. А тут уже и вершина близко. Ухватившись за свисающий корень, Индига ловко взбирается на верхнюю площадку горы.

Прислонившись спиной к скале, на узком каменном карнизе стоит Соломдига с обломком копья в руке. Зверь пытается допрыгнуть до Соломдиги, но карниз слишком высок.

Появившийся из-за горы Индига кричит брату:

— Соломдига, держи! — и перебрасывает ему свое копье, которое тот легко подхватывает на лету.

Тигр с ревом оборачивается к Индиге, но Индига не отступает, как прежде, а метко пущенной стрелой встречает прыжок хищника. Копье, брошенное в тот же момент сильной рукой Соломдиги, не дает тигру завершить прыжок, и он замертво валится у ног Индиги.

Навстречу Индиге бросается Соломдига:

— Спасибо тебе, брат. Не побоялся ты тигра ради меня!

— И больше никогда ничего бояться не буду! — твердо отвечает Индига, обнимая брата.

Стоит у своего дома отец. Вглядывается вдаль. Мрачнеет его лицо.

Он снова видит Индигу, приближающегося к дому.

— Как ты посмел вернуться один? — строго окликает его отец. — Я сказал тебе: не возвращайся без Соломдиги.

Индига улыбается.

И теперь отец видит, что вслед за Индигой идет Соломдига. Братья несут на палке шкуру убитого тигра.

Отец радостно приветствует сыновей.

Братья запевают песню о храбрости, и мелодию ее подхватывает оркестр. Она ширится и нарастает. Братьев скрывает густая стена осеннего таежного леса, их провожают взглядами обитатели тайги. Вдали белеют вершины сопок, и высоко-высоко в темносинем небе парит Орел.

Братья Лю

Н. ЭРДМАН

ДАВНЫМ-ДАВНО ЖИЛИ В КИТАЕ ТРИ БРАТА: ЛЮ-ПЕРВЫЙ, ЛЮ-ВТОРОЙ, ЛЮ-ТРЕТИЙ.

На экране один за другим появляются три совершенно одинаковых мальчика.

ОНИ БЫЛИ ТАК ПОХОЖИ, ЧТО ДАЖЕ РОДНАЯ МАТЬ РАЗЛИЧАЛА ИХ ТОЛЬКО ПО ЛЕНТОЧКАМ. У ЛЮ-ПЕРВОГО — КРАСНАЯ. У ЛЮ-ВТОРОГО — СИНЯЯ. У ЛЮ-ТРЕТЬЕГО — ЖЕЛТАЯ.
НО ПОМИМО ЛЕНТОЧКИ, У КАЖДОГО ИЗ БРАТЬЕВ БЫЛА И СВОЯ ОСОБЕННОСТЬ.

Небольшое нарисованное море, такое, каким оно бывает на географических картах.

На берегу моря сидит Лю-Первый. В руках у него палочка тростника.

На синих неподвижных волнах возникает надпись:

ЛЮ-ПЕРВЫЙ МОГ ВЫПИТЬ ЦЕЛОЕ МОРЕ, А ПОТОМ ВЫПУСТИТЬ ЕГО ОБРАТНО.

Мальчик опускает один конец тростника в море, другой берет в губы и втягивает в себя все волны вместе с буквами надписи. Опустошив море, мальчик надувает щеки, и море снова наполняется водой, а буквы становятся на прежние места.

Горит костер. Подходит Лю-Второй и, взяв в руку горящую головешку, пишет, рассыпая по экрану искры, огненные слова:

ЛЮ-ВТОРОЙ НЕ БОЯЛСЯ ОГНЯ.

Потом Лю-Второй берет одно за другим огненные слова и снова бросает их в костер.

Стоит Лю-Третий. На его правое плечо садится маленькая птичка, на левое плечо — другая. Горная козочка и молодой олень приближаются к нему с разных сторон. И зверушки, произнося поочередно по одному слову, говорят:

ЛЮ-ТРЕТИЙ ПОНИМАЛ ЯЗЫК ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ.

Как-то раз Лю-Первый, Лю-Второй и Лю-Третий шли берегом моря. Идут братья берегом моря. Видят — сидит на берегу моря старик. Сидит он возле дырявой лодки, низко опустив голову, и горько плачет. Подошли братья к старику, спрашивают:

— О чем ты, старый человек, плачешь?

Поднял старик голову и говорит:

— Отвозил я сегодня богатого купца на корабль. Дал мне богатый купец монету. Затряслись у меня руки от радости, и уронил я монету в море. С чем я пойду теперь домой, на что я куплю рису для своей старухи?

И слезы еще быстрей покатились по его щекам.

— Не плачь, старик. Это дело поправимое, — говорит Лю-Первый. — Сейчас я выпью до дна все море, и ты отыщешь на дне свою монету. — С этими словами опускается Лю-Первый на колени и припадает губами к воде.

Вытер старик рукавом слезы, смотрит на море. Быстро убывает вода в море. Все больше и больше обнажаются берега. Появляются вершины подводных рифов. Они делаются все выше и выше. Вот уже то там, то здесь показываются верхушки мачт затонувших кораблей. А Лю-Первый все пьет и пьет.

Вдруг из воды высовывается огромная рыба и, уставившись на братьев большими круглыми выпученными глазами, широко раскрывает огромный рот.

— Погоди, Лю-Первый, не пей больше! — останавливает старшего брата младший. — Видишь, рыба. Она что-то кричит нам.

— Разве она кричит? Я ничего не слышу.

— Рыбий язык неслышный. Но кричит она изо всех сил, — объясняет младший.

Широко раскрывает рыба свой огромный рот, попрежнему уставившись на братьев круглыми выпученными, как будто стеклянными, глазами.

— О чем же она кричит?

— Она кричит, что если ты выпьешь всю воду, все рыбы погибнут. Долго они без воды жить не могут.

— Скажи ей, что как только мы отыщем монету, я отдам им всю воду обратно.

Лю-Третий приставляет руки ко рту и что есть силы начинает кричать рыбе на неслышном рыбьем языке слова своего брата.

Выслушала их рыба и задвигала ртом в ответ.

— Что она говорит? — спрашивает Лю-Первый.

— Отдай им воду сейчас, а монету они постараются отыскать сами.

— Хорошо, — говорит Лю-Первый, опять становится на колени и, наклонившись, припадает губами к воде.

И сразу вода начинает прибывать. Исчезают верхушки мачт затонувших кораблей, скрываются подводные рифы, покрываются водой обнаженные берега.

Тысячи разноцветных рыб, больших, маленьких, длинных, коротких, появляются на поверхности моря. И все они, уставившись немигающими глазами на Лю-Третьего, одинаково открывают и закрывают рты, повидимому, произнося какую-то одну фразу.

— Что они говорят? Что они говорят? — наперебой спрашивают у Лю-Третьего братья.

— Они спрашивают, какая была монета, — обращается он к старику.

Старик подходит к самой воде, высоко поднимает руку и, соединив большой и указательный пальцы в кружок, громко кричит:

— Вот такая!

Все рыбы разом вильнули хвостами и нырнули под воду.

Всколыхнулось море и снова стало спокойным.

Стоят братья и старик. Молча смотрят на спокойное море. Ждут.

Проходит некоторое время, и из воды у самого берега одна за одной высовываются головы множества рыб, и у каждой рыбы во рту монета. Рыбы кладут монеты на прибрежный песок и виновато смотрят на старика. А самая большая из них начинает что-то очень быстро и взволнованно говорить.

— Мы просим прощения, говорит рыба, — стал переводить Лю-Третий с рыбьего языка на человеческий. — Мы просим прощения, но на морском дне оказалось очень много монет, и все они такие же круглые, как показал старик. Какая из них его, мы не знаем. Пусть уж старый человек не погневается и выберет свою сам.

Сказав это, рыбы вильнули хвостами и нырнули под воду.

Побежал старик вдоль берега, разглядывает монеты.

— Горе мне, горе, — начинает он опять плакать. — Нет тут моей монеты. Моя была медная, а здесь все золотые. С чем я вернусь теперь домой? На что я куплю рису своей старухе?

— А зачем тебе медная, бери золотую, — говорят братья.

— Вот за это спасибо, — обрадовался старик и поднимает с земли золотую монету.

— Да ты бери все, — говорят братья.

— Вот за это еще раз спасибо. Только я все не возьму, давайте делиться поровну.

— Нет, старик, — говорят братья. — Бери все. Тебе, старому, они нужней, чем нам. Мы люди молодые, руки у нас крепкие, ноги у нас быстрые, глаза у нас зоркие, головы на плечах — мы себя как-нибудь и без них прокормим.

Идут братья дальше, подходят к опушке леса.

— Стойте, — останавливает Лю-Третий братьев и начинает к чему-то прислушиваться. — С какой-то птицей, навер-

ное, случилось несчастье. Я слышу, как она зовет: «На помощь! На помощь!»

Лю-Третий прикладывает руки ко рту и кричит:

— Чик, чи-вик, чик-чик.

Это значит на человеческом языке: «Где ты, птичка? Что с тобой случилось? Чем мы можем тебе помочь?»

И не проходит минуты, как из лесу вылетает маленькая птичка. Она садится на плечо к Лю-Третьему и в страшной тревоге говорит ему что-то в самое ухо.

— Ах, какое несчастье, — всплескивает руками Лю-Третий и объясняет братьям: — Один дровосек рубит дерево, на котором у этой птички гнездо. А в гнезде у нее дети.

— Чик, чик и вик, — говорит птичка.

— Два сына и одна дочка. Если дерево упадет, они разобьются. Бежимте скорей.

И братья, что есть духу, бегут в лес.

В лесу стоит дровосек и рубит высокое, но голое почти до самой вершины дерево.

Разлетаются во все стороны щепки.

На самой вершине маленькое гнездо. Из гнезда высовывают головы три птенчика.

При каждом ударе по дереву они вздрагивают и жалобно вскрикивают.

Бегут братья по лесу. Летит перед ними, указывая дорогу, птичка.

Вот они уже видят дровосека — он широко размахнулся топором. Дерево сильно подрублено, если дровосек ударит, оно упадет.

— Стой! Не руби это дерево! — кричит Лю-Первый и успевает схватить дровосека за руку.

— Почему же я не должен его рубить? — удивляется дровосек.

Лю-Второй показывает на вершину дерева:

— Видишь гнездо? Если дерево упадет, у этой птички погибнут дети.

— Чик, чик и вик, — щебечет птичка.

— Два сына и одна дочка, — переводит Лю-Третий.

— Уж очень много трудов положил я на это дерево, — жалуется дровосек. — А мне нужно до темноты повалить еще десять деревьев.

— Мы тебе их повалим,— говорит Лю-Третий и берет у дровосека топор.

— Вот за это спасибо, — говорит дровосек.

— Не стоит благодарности.

— Фить-фю-ить, — пищит птичка.

— Не стоит благодарности, — отвечает ей Лю-Третий.

Раннее утро. На горной лужайке, прислонившись к покрытому мхом камню, сидит Лю-Третий. Перед ним в почтительной позе внимательной ученицы стоит молоденькая горная козочка.

— Ну, что я могу сказать, — говорит Лю-Третий, — память у тебя хорошая, а вот произношение похуже. Давай повторим еще раз.

— Ме-е-е-ел, — растягивая букву «е», старательно произносит козочка.

— Хорошо!

— Ме-е-е-едь.

— Отлично.

— Ме-е-е-ед.

— Не мед, а мёд, — поправляет ее Лю. — Ё, ё.

— Мё-о-о-од, — с трудом выговаривает козочка.

— Уже лучше.

— Ме-е-е-еч.

— Прекрасно. Теперь перейдем к более трудному. Вот скажи мне, что это такое? — говорит Лю-Третий, показывая на растущее неподалеку дерево.

— Ме-е-е-е, — проблеяла козочка.

— Это по-козьему, а как оно называется по-человечьему?

Козочка молчит.

— Забыла. Ай-яй-яй,— укоризненно качает головой Лю.— А ведь мы проходили это с тобой вчера.

— Ме-е-е-ре-во, — говорит козочка после некоторого раздумья.

— Неверно.

— Бе-е-е-ре-во, — поправляется козочка.

— Не мерево и не берево, а дерево. Де, де, понимаешь?

— Де-е-е-ре-во, — повторяет козочка.

— Очень хорошо. А по-птичьему?

— Цвик.

— Прекрасно, только «и» немного протяжней. Цвик — это куст, а цви-и-ик — дерево. Ну, а как дерево по-рыбьему?

Козочка беззвучно шевелит губами.

— Молодец! Ручаюсь, что не пройдет и года, как ты будешь говорить на трех языках. А пока можешь поиграть.

Получив разрешение, козочка срывается с места и начинает скакать и прыгать.

Маленькое рисовое поле. К полю подходят молодой китаец в потрепанной соломенной шляпе и пожилая женщина.

— Посмотри, матушка, какой рис уродился у нас сегодня. Пусть порадуется твое сердце и разгладятся твои морщины, — говорит молодой человек.

— Наконец-то и нам улыбнулось счастье, сынок. Не пропали даром твои труды, — ласково глядя на сына, говорит мать.

— Ох, и накормлю же я тебя досыта, когда он совсем созреет, — мечтательно говорит юноша и, взяв мать за плечи, заглядывает ей в лицо.

Но тут раздается храп лошадей, топот копыт, собачий лай и громкие крики: «Прочь с дороги! Дорогу мандарину!». Мать и сын отбегают в сторону. А по полю, которым они только что любовались, топча и ломая молодые побеги риса, проносится группа всадников. Впереди — телохранители, размахивая дубинками и громко крича: «Дорогу мандарину», за ними сам мандарин, за мандарином вооруженные луками всадники с охотничьими собаками.

Они проскакали. Юноша и пожилая женщина смотрят на свое искалеченное поле, и у юноши сжимаются кулаки, у женщины появляются слезы.

А охотники во главе с мандарином, даже ни разу не оглянувшись, скачут дальше и, подскакав к подножью горы, спешиваются.

Горная лужайка. На лужайке, попрежнему прислонясь к замшелому камню, сидит Лю-Третий и, широко улыбаясь, смотрит на скачки и прыжки разрезвившейся козочки.

Случайно повернув голову, Лю-Третий видит, как, спрятавшись за ближайший куст, встав на одно колено, толстый, богато одетый человек метится, прищурив один глаз, в горную козочку. Это мандарин.

— Бе-бе-имба! — кричит козочке Лю-Третий.

Козочка быстро подгибает под себя все четыре ноги и прижимается к земле.

Свистящая стрела пролетает над самой ее спиной и вонзается в ствол дерева. Козочка вскакивает и исчезает в лесу.

— Разве ты не видел, что я хотел убить эту козочку? — строго спрашивает мальчика подошедший к нему мандарин.

— Видел!

— Так почему же ты закричал?

— Я потому и закричал, что видел, — смело отвечает Лю-Третий.

— Ну, погоди же... — свирепеет толстяк.

Но в этот момент на горной тропинке под высокой скалой показывается олень, и мандарин, не закончив фразы, торопливо натягивает лук.

— Хари-комба! — кричит Лю-Третий.

Олень пригибается, и стрела, ударившись о скалу, переламывается надвое. Олень вскакивает и исчезает.

— Ах, ты вот как! — в бешенстве кричит мандарин и, схватив рог, трубит три раза.

На лужайку выбегают вооруженные люди.

— Взять мальчишку.

Несколько человек хватают Лю-Третьего за руки.

— Коня!

К мандарину подводят коня. Он садится на него и, крикнув: «За мной!» — едет по горной дороге.

Вытягивая из-за скалы шею, грустными глазами провожает Лю-Третьего олень.

Выглядывая из-за куста, смотрит вслед мальчику горная козочка. В сильном волнении бросается она за Лю, но, услышав лай собак, останавливается, некоторое время в полной расте-

рянности топчется на месте, потом резко поворачивается и, перепрыгивая через расщелины и горные потоки, мчится к опушке леса, лежащего на противоположном склоне горы.

Достигнув опушки, козочка подбегает к высокому наполовину подрубленному дереву. Она задирает голову и начинает кричать по-птичьему.

Из гнезда, находящегося на самой вершине, высовывается знакомая нам птичка.

Козочка взволнованно что-то говорит ей.

Птичка вскрикивает и, не медля ни секунды, поднимается в воздух. Озираясь по сторонам, она взлетает все выше и выше.

И вот далеко-далеко внизу видит она группу всадников, уже спустившихся с горы и едущих по долине. Жалобно чирикнув, она изо всех сил замахала крылышками и полетела их догонять.

Въезжает мандарин во дворец. Окруженный стражей, идет Лю-Третий. А над ним, жалобно попискивая, кружится птичка.

Мандарин проезжает по дворцовому саду, едет мимо фонтанов, беседок и, наконец, останавливается перед клеткой, в которой спит, положа голову на вытянутые передние лапы, огромный полосатый тигр.

— Бросьте к нему мальчишку, — кричит мандарин и садится на золотое кресло, которое ему подставляют слуги.

Стража хватает Лю-Третьего и, осторожно приоткрыв железную дверь, вталкивает его в клетку. Дверь с шумом захлопывается, и Лю-Третий остается один на один с тигром. От шума закрываемой двери тигр просыпается. Он лениво открывает один глаз — и вдруг видит перед собой мальчика. Не веря одному глазу, он открывает другой. Нет, он не ошибся. В клетке мальчик. Тигр поднимается, оскаливает острые зубы и, ударив хвостом о землю, подгибает ноги, готовясь к прыжку.

В ужасе закрывает глаза птичка, пристроившаяся на дереве неподалеку от клетки.

Но тут Лю-Третий говорит что-то по-тигриному. Тигр бросается к мальчику, они быстро переговариваются, и вдруг тигр, как кошка, трется головой о подбородок Лю-Третьего.

— Или я сошел с ума, или тигр, — восклицает мандарин, раскрыв рот от удивления.

А тигр попрежнему трется о подбородок мальчика и тихо мурлычет.

Что-то ласково шепчет Лю-Третий и гладит тигра по голове.

— Это не тигр, а драная кошка, — в неистовстве кричит взбешенный мандарин.

— Выгнать его с позором из моего зверинца. А мальчишку в тюрьму. И завтра же сжечь его на костре. Утречком... после завтрака.

Высокая-превысокая башня. В ней одно маленькое окошечко. Оно прорублено на самом верху и заделано железной решеткой.

У окна за решеткой стоит Лю-Третий, он смотрит на звезды и поет песенку.

Вдруг у самого его уха раздается голос птички. Повернул Лю-Третий голову, видит: на железном пруте решетки сидит его старая знакомая.

— Здравствуй, здравствуй, — говорит Лю по-птичьи.— Ты спрашиваешь, чем ты можешь мне помочь. А чем же ты можешь мне помочь, такая маленькая? Вот возьми эту ленточку и отнеси моей матери. Пусть она знает, что и в последнюю минуту я думаю о ней.

С этими словами снимает Лю-Третий желтую ленточку со своего запястья и протягивает ее птичке. Птичка берет ее в клюв, взмахивает крыльями и улетает.

Уже поздняя ночь, а в доме никто не спит. Сидят около встревоженной матери два брата Лю и ума не приложат, куда же мог деваться третий.

— Что с ним могло случиться?

— Куда он девался?

— И случая такого не было, чтобы он не ночевал дома.

— Неужели его никто не видел?

— Неужели нам о нем никто не скажет?

Вдруг слышат они, кто-то стучит в окошко.

— Это он.

— Это он.

Вскакивают братья и мать, Лю-Второй быстрее всех подбегает к окошку и распахивает створки.

В комнату влетает маленькая птичка, подлетает к опечаленной матери и кладет ей на колени желтую ленточку.

— Это его ленточка, — тихо говорит мать. — Лю, мой маленький, Лю, любимый, где ты, что с тобой?

Она целует ленточку и плачет.

— Где он? Что с ним? — спрашивают братья птичку.

Птичка что-то говорит им по-своему.

— Вот ведь горе какое, не понимаем мы твоего языка. Что же нам теперь делать? Как мы его отыщем? Как мы ему поможем? — сокрушаются братья.

А птичка подлетает к окну и машет им крылышком, как бы говоря: «Идите, идите за мной».

— Дети, дети, это она вас зовет за собой. Ступайте, ступайте за ней скорее, — догадывается мать.

Братья выпрыгивают в окно и бросаются вслед за птичкой.

Быстро летит птичка. Быстро бегут братья.

Бегут они лесом. Бегут они полем.

Прибегают в город.

Добегают до дворцовой площади. Вся площадь оцеплена стражей, за цепью стражи стоит народ и в напряженном молчании смотрит на главного палача и его помощников, которые раскладывают на середине площади огромный костер.

Гремят барабаны, и на площадь тюремщики выводят Лю-Третьего.

— Что же нам делать? Как нам его спасти? — переговариваются шепотом братья и протискиваются к самой страже.

— Эй, палач, принимай мальчишку, — говорит старший тюремщик, грубо толкая вперед Лю-Третьего. — И не спускай с него глаз. Мальчишка хитер, как лиса, и может от тебя улизнуть.

— От меня? — возмущается палач. — Да я и смотреть-то на него не буду, а он все равно от меня не улизнет.

— Ой, палач, не хвастайся, — говорит тюремщик.

— А поспорим!

— На что?

— А на что хочешь.

— А что тебе даст наш всемилостивейший мандарин за сегодняшнюю казнь? — спрашивает тюремщик.

— Что захочет, то и даст, — отвечает палач.

— Вот давай и поспорим на половину, — предлагает тюремщик.

— Не жирно ли будет?

— Ага, испугался?

— Я испугался? — горячится палач. — Пожалуйста. Согласен. На половину, так на половину. Эй, помощники, — кричит он своим подчиненным, — накройте мальчишку вот этой бочкой.

Помощники палача поднимают огромную, выше человеческого роста, бочку и накрывают ею Лю-Третьего.

— Теперь ему не убежать, — следя за происходящим, убитым голосом говорит Лю-Первый.

— Не унывай, брат, может быть, мы что-нибудь да придумаем, — старается вселить бодрость в брата Лю-Второй.

— А ну, посадите меня на нее, — приказывает палач. И помощники подсаживают палача и усаживают его на бочку.

— Ну, что скажешь, тюремщик, смотрю я на него? Нет. А может он теперь от меня улизнуть? Тоже нет. Ловко? — И палач разражается самодовольным хохотом.

— Ай да главный палач, — заливаются его помощники.

— Эй, мальчишка, ты здесь? — стучит кулаком по стенке бочки палач.

— Зде-е-есь, — слышится голос Лю-Третьего из бочки, и хохот становится еще громче и веселее.

— От этого смеха у меня слезы выступают на глазах, — тихо говорит Лю-Первый.

— Не унывай, брат, кажется, я что-то придумал, — так же тихо говорит Лю-Второй.

Но тут зазвучали трубы, распахнулись ворота дворца, и окруженный телохранителями выехал на площадь мандарин.

— Ну, где же мальчишка? — говорит он, подъезжая к костру.

— Я здесь, — громко, на всю площадь кричит Лю-Второй и, проскользнув мимо телохранителей, останавливается перед мандарином.

— А почему ты не под стражей? — грозно сдвигая брови, спрашивает мандарин.

— Я перехитрил палача и убежал, но потом одумался и вот вернулся, — кланяясь, докладывает Лю-Второй мандарину.

— Так тебя упустил палач? — кричит вне себя от ярости мандарин. — Эй, стража! Взять палача.

А палач, сидя на бочке, обалдело смотрит на Лю-Второго— ведь он, как две капли воды, похож на Лю-Третьего — и не может притти в себя от изумления. Подбежавшая стража мгновенно стаскивает его с бочки и заламывает ему руки за спину.

Главный тюремщик смотрит на палача и хихикает.

— Дать ему сотню палок, — кричит мандарин.

— О всемилостивейший мандарин, — обращается палач,— я могу получить только пятьдесят, потому что половину я проиграл тюремщику.

— Получи сполна все сто палок, а потом отдашь долг тюремщику!.. — кивает мандарин на главного тюремщика, который стоит, недоуменно хлопая глазами.

— Назначаю тебя главным палачом, — говорит мандарин, обращаясь к одному из помощников палача, — веди на костер мальчишку.

Бьют барабаны. Ведет новый главный палач на костер Лю-Второго.

Поднимается Лю-Второй на высокую кучу хвороста, облокачивается спиной о столб, скрещивает на груди руки и насмешливо смотрит на мандарина.

Мандарин взмахивает платком.

Подбегают люди с факелами и со всех сторон поджигают сухой хворост.

Вспыхивает костер. Но пламя костра не может приблизиться к Лю-Второму. Невредимый стоит он в середине огненного кольца, и языки пламени отступают от него, не причиняя никакого вреда.

Быстро сгорают сухие вязанки хвороста, костер постепенно начинает затухать, а в середине костра, гордо подняв голову, стоит Лю-Второй и насмешливо смотрит на мандарина.

В ярости хватает мандарин свежую вязанку хвороста и бросает ее в затухающий костер. Сноп искр летит из костра. Несколько застревает в длинной бороде мандарина. Борода вспыхивает.

— Взять его, — кричит своим телохранителям разъяренный мандарин. — Если он не погиб в огне, пусть он погибнет в воде. Отвезите его на мой быстроходный корабль. Через час я прибуду сам.

Уезжает мандарин. Расходится народ. Пустеет площадь.

Только на самой середине ее сиротливо стоит одинокая бочка. К бочке подбегает Лю-Первый. С большим трудом валит ее набок. Из-под бочки выскакивает Лю-Третий и бросается в объятия брата.

— А где же Лю-Второй? — спрашивает он.

— Они хотят утопить его в море, — говорит Лю-Первый.

— Чего же мы ждем? Бежим!

И оба брата бегут к пристани.

Берег моря. У пристани стоит на якоре быстроходный корабль с поднятыми парусами.

Не спуская с корабля глаз, стоит на берегу старый китаец, которому рыбы достали со дна моря монеты, и горько вздыхает.

Запыхавшиеся появляются на берегу братья. Они подбегают к старику и спрашивают:

— Скажи нам, старый человек, не видел ли ты нашего брата?

— Его отвели вот на этот корабль и привязали к мачте. Два воина с острыми саблями стерегут его. Нет ему, бедному, спасения, утопит его мандарин в море, — сокрушенно говорит старик и снова горько вздыхает.

— Скажи нам, старый человек, не осталось ли у тебя хоть одной монетки из тех, которые мы тебе дали? — обращается к нему Лю-Первый.

— Как же не осталось?! — обрадовался старик и с готовностью вынимает из карманов полные пригоршни золота,

— Берите их все, все до последней.

— Мне и одной хватит, — говорит Лю-Первый, берет с ладони одну монету, прячет ее в рот и быстро убегает.

Вот он бежит по пристани, добегает до края, делает отчаянный прыжок и ловко хватается руками за якорную цепь. Подтягиваясь и перебирая руками, он поднимается все выше и выше. Вот он уже на самом верху и осторожно приподнимает голову над кормой. Он видит корабельную палубу, на самой середине ее — высокая мачта. К мачте привязан Лю-Второй. Его охраняют два воина огромного роста, с кривыми, острыми саблями в руках.

Лю-Первый осторожно перелезает через корму и прячется за канатами. Потом он вынимает изо рта монету и, поставив ее ребром, катит по палубе.

Золотая монета катится мимо воинов. Жадными глазами уставились они на нее. Монета катится дальше и, наконец, падает набок, зазвенев соблазнительным звоном.

Один из воинов не выдерживает и, сорвавшись с места, бросается за монетой. Но только он протягивает к ней руку, как его отталкивает другой.

— Я первый ее увидел!

— Нет, я!

И воины с яростью бросаются врукопашную. Пока они, вцепившись друг в друга, катаются по палубе, Лю-Первый отвязывает Лю-Второго. И, опутав себя веревками, сам встает на его место. А Лю-Второй, подобрав монету, перелезает через корму и быстро спускается вниз по якорной цепи.

Воины все еще продолжают кататься по палубе.

— Погоди, — задыхаясь, говорит, наконец, один из них. — Зачем ссориться? Давай разрубим золотой пополам и разделим поровну.

— Идет, — соглашается другой

И воины подбегают к месту, где лежала монета.

— Где же она? — кричит один из них. — Сознавайся, это ты ее взял.

— Нет, это ты ее взял.

— Ты!

— Нет, ты!

И воины снова вцепились друг в друга.

Но тут раздается оглушительный треск барабанов.

— Мандарин!

Воины, схватив сабли, с молниеносной быстротой встают у мачты по обе стороны хохочущего Лю-Первого.

В сопровождении свиты поднимается на корабль мандарин.

На берегу появляется Лю-Второй.

— Спасибо вам, дедушка, за монету, больше она нам не нужна, — и он возвращает старику золотой.

Радостно обнимаются братья.

Надув паруса, подгоняемый ветром уходит корабль в море.

Посреди моря он останавливается. Связанного, с привязанной к ногам гирей, подносит палач Лю-Первого к борту.

Мандарин взмахивает платком.

И палач, подняв мальчика над головой, бросает его в пенящуюся пучину.

Увлекаемый тяжелой гирей, быстро идет ко дну Лю-Первый. Но вот к нему подплывает рыба-пила и в одну секунду перепиливает веревки.

Гиря падает и зарывается в ил.

— Смотрите, смотрите! — кричат братья, показывая старику на обнажающиеся берега.

Вода в море начинает стремительно убывать.

Появляются вершины подводных рифов. Они делаются все выше и выше. Вот уже появляются мачты затонувших кораблей.

На корабле мандарин в панике мечется по палубе.

Корабль опускается все ниже и ниже. Вот он ударяется днищем о подводный камень и валится набок. Вверх тормашками летит мандарин с придворными и растягивается на илистом дне.

Со всех ног бежит к берегу Лю-Первый.

С отчаянными воплями устремляется за ним толстый мандарин. Грязный, опутанный водорослями, беспрестанно падая и

вновь поднимаясь, бежит он за мальчиком, вызывая неудержимый хохот у стоящих на берегу братьев Лю и старика.

На высокой скале, нависшей над морем, притопывая и покачивая головой, стоит горная козочка и смехом встречает каждое падение толстого мандарина.

Трепеща крылышками, четыре птички — мама, два сына и одна дочка — кружатся над задыхающимся от бега толстяком и попискивают от восторга.

Но вот Лю-Первый достигает берега и выпускает море обратно. Струя воды сбивает с ног мандарина.

Мандарин, его палач, стража и телохранители гибнут в бурлящей воде, сметающей все на своем пути.

Ликует народ на берегу. Подбрасывает молодежь высоко вверх свои соломенные шляпы. Увертываясь от них, кружатся в воздухе и весело чирикают птички.

Не зная, как выразить свой восторг, прыгает и кувыркается горная козочка.

Окруженные торжествующим народом, взявшись за руки, стоят на берегу братья Лю и радостно смотрят на вернувшееся в свои берега спокойное море, на сверкающее над ними ослепительное солнце.

Храбрый Пак

Т. КАРАВАЕВА

Солнечная горная страна. Густыми лесами покрыты склоны гор, разноцветны и затейливы их скалистые вершины. В долинах и по берегам многоводных рек — тучные поля и зеленые сады селений.

Всюду трудятся люди, всюду слышны их радостные песни. Поет крестьянин, идущий около быков, запряженных в арбу со снопами, поет охотник, возвращающийся из леса и увешанный фазанами, поет рыбак, вытаскивая невод с богатым уловом.

Старинный корейский город, обнесенный высокой каменной стеной. Красивые многоярусные пагоды загнули кверху, словно руки в веселом танце, углы своих крыш. Обильные и разнообразные товары не помещаются в лавках и красуются прямо на улице, заполненной оживленной толпой. Слышны песни кустарей, выкрики торговцев.

НАРОДНЫЕ ПРЕДАНИЯ И СКАЗКИ РАССКАЗЫВАЮТ, КАК МИРНО И СЧАСТЛИВО ЖИЛ КОРЕЙСКИЙ НАРОД.

Вдруг меняются краски панорамы, они становятся мрачными, свинцовые тучи заволакивают небо. Поднимается вихрь. В раскатах грома при отблесках молний появляется в небе огненный Дракон. Медленно пролетает он над горами и скрывается в кратере большого вулкана. И снова все заволакивают тяжелые тучи.

НО ОГНЕННЫЙ ДРАКОН, ПОСЕЛИВШИЙСЯ В КРАТЕРЕ ВУЛКАНА, НАРУШИЛ МИРНЫЙ ТРУД НАРОДА.

Рассеялись тучи, и вновь открылись горы. Нагромождения камней на их вершинах стали казаться похожими на стены и башни какого-то невиданного замка. Причудливые скалы окружили кратер вулкана. Казалось, что люди когда-то заглянули в кратер и окаменели от ужаса на краю его.

Гул и грохот шел откуда-то из глубины, и черные облака вылетали в синее небо и стояли над горой, точно стражи.

Скалисты и неприступны были горы вверху. Ниже росли травы и леса. И еще ниже карабкались по холмам скудные корейские поля.

Стояли на полях высокие гаолян и кукуруза. Кивала тяжелыми налитыми кистями чумиза. Было время уборки урожая, и люди трудились на полях.

Трудились юноши, женщины и старики. Маленькие дети были привязаны за спинами наклонившихся матерей.

Где-то внизу, в узкой, стиснутой горами долине стояли глинобитные фанзы с плоскими камышевыми крышами. Но деревня была пуста. Только аисты стояли на крышах.

Солнце клонилось к закату, и розовый отсвет вечерней зари ложился на лица людей. Торопились люди убрать урожай и с тревогой глядели на вершину вулкана: неужели снова прилетит Дракон.

И когда солнце село за зубцами гор и первые тени сумерек опустились на поля, страшный грохот потряс горы. Красное зарево вспыхнуло над кратером вулкана. Огромный огненный Дракон вылетел оттуда в облаках пара. Зеленый свет изумруда сиял у него во лбу.

Опустели поля. Люди бежали, оставив урожай. И там, где пролетал Дракон, ползли по полям языки огня. Загорались де-

ревья и травы, огненными факелами горела кукуруза. Летал над полями Дракон и превращал труд крестьян в огонь и пепел.

Какой-то юноша, закрывшись рукой от жары, в бессильной ярости метнул камень в Дракона. Старик крестьянин дернул его за рукав куртки:

— Бежим, Пак. Камнем Дракона не испугаешь.

Последними бежали Пак и крестьянин среди нестерпимого жара горевших полей.

А внизу, в деревне, плакали женщины, раскачиваясь в такт причитаниям:

— Горе нам! Горе нам!

И добрые стражи домов — аисты кричали на крышах, сочувствуя горю людей.

Стоял Пак, слушая причитания женщин, и вдруг, схватив копье, бросился в горы. Кто-то закричал ему вслед:

— Остановись, Пак! Погибнешь!

Мчался горами Пак, прыгал через пропасти, взбирался, как кошка, по скалам. Тихо и страшно было в горах. Внизу дотлевали поля. А здесь всходила луна, заливая своим холодным светом уродливые нагромождения камня. Неподвижен был кратер вулкана, куда снова укрылся Дракон, сделав злое дело. И скалы, как окаменевшие люди, охраняли его покой.

И тогда крикнул Пак:

— Скажите мне, скалы, откройте мне, горы, как вернуть потерянное счастье?

В горах откликнулось эхо, и снова стало тихо. И вдруг послышался глухой и низкий голос, точно голос горы:

— Подойди сюда, храбрец.

Огляделся Пак и подошел к скале, что была похожа на человека, склонившегося над кратером вулкана. Приложил ухо к скале и услышал:

— Посмотри на меня, храбрец. Я хотел прославить себя, победив Дракона. А он меня в камень обратил.

— Я славы не ищу и гибели не боюсь, — проговорил Пак.

— Спроси у Мудрого Старца, что на острове живет. Путь туда опасен и труден. Но тот, кто другим помогает, всегда найдет и совет и помощь.

...И пошел Пак в дальний путь. Мешок за плечами, копье в руке. Шел Пак полями, шел лесами. На копье опершись, ущелья перепрыгивал. По плетеным мосткам горные реки переходил.

В одном ущелье услыхал Пак жалобное блеяние. Оглянулся и видит: лежит среди скал красивый олень с переломанной ногой. Пожалел его Пак. Снял с головы повязку, оторвал кусок материи и перевязал ему ногу. Нащипал в расщелинах травы, перед ним положил. А олень человеческим голосом промолвил:

— Спасибо тебе, добрый человек!

И пошел Пак дальше.

В горах желтели лиственницы. Сохли травы. Кружились красные листья в воздухе. Наступала осень.

Злые осенние ветры дули Паку в лицо, гнули деревья. А потом стало тихо. Пошел мягкий густой снег и покрыл черную, выжженную землю белым покрывалом.

Утомился Пак, озяб. И вдруг видит: стоит у дороги фанза, огороженная невысокой стеной из необтесанных камней. Чахлая яблоня во дворе стоит. Старик и старуха снегом ее окапывают. Как ни устал Пак, присел на корточки, поклонился, помощь свою предложил:

— Давайте, помогу вам, добрые люди.

Взял Пак лопату и большой сугроб снега у яблони наметал. Старуха поклонилась Паку:

— Спасибо, сынок, зайди в дом, обогрейся.

В фанзе горел огонь. Перед Паком на низенький столик поставили угощение. Рядом сели на корточки старик и старуха, ласково глядели, как ловко он управлялся с едой двумя палочками.

Курил старик трубку, дым выпускал и так говорил:

— Многие пытались к Старцу ходить, да никто бурного моря не осилил.

— Волны там вздымаются, как горы, лодку в него спустить нельзя, — проговорила старуха.

— Если же ты сильнее других окажешься и море переплывешь, спроси Мудрого Старца, что нам с яблоней делать, — продолжал старик. А старуха заплакала.

— Ее наш сын посадил. Единственная память о нем осталась...

— И у нас Дракон все поля сжигал. Не стерпел сын, пошел биться с Драконом и погиб, а яблоня стала сохнуть и плодов не приносит...

— Спрошу про вашу яблоню, — ответил Пак, сел на корточки и поклонился старикам.

И снова отправился Пак в путь-дорогу. Уже стаял снег. Опять зазеленела трава.

Прошел Пак мимо старинного города. Но пустынно было вокруг, никто не ехал на базар, никто не выходил из города.

Пошел Пак в лес. На деревьях со звоном распускались почки, звеня, как хрустальные колокольчики. Прозвенит такой колокольчик, и новый листик покажется.

На озерах утки учили плавать утят. В лесу токовали тетерева. Красные фазаны из-под ног вспархивали.

Около одного куста услышал Пак птичий щебет и писк. Раздвинул ветви и видит: упал птенец из гнезда. Две птички пытаются поднять его за крылышки, но родители малы, а птенец нескладен, не осилить им такой ноши. Поднял Пак птенца и положил в гнездо, где еще три желторотых пищали. Птички над ним вьются, чирикают, и вдруг услышал Пак, как одна из них в ухо ему прощебетала: «Спасибо тебе, добрый человек».

Вышел Пак из леса на поляну и услышал жалобный женский плач.

Увидел Пак: стоит на лесной поляне одинокая фанза, а вокруг нее ходит огромный тигр, от ярости по земле хвостом бьет, рычит, встает на дыбы и мощными лапами сотрясает деревянные двери.

Поднял тут Пак свое копье и крикнул:

— Прими мое копье!

Прыгнул хозяин лесов, но копье Пака на лету его пасть пронзило. Упал тигр бездыханный у порога фанзы. Тихо стало в лесу.

Подошел Пак к фанзе, в дверь постучался:

— Кто плачет здесь в такой веселый день?

Девичий голос из-за двери послышался:

— Это я, Дю Си, плачу. Сиротой я осталась. А хозяин лесов преследует меня.

— Выходи, Дю Си, не бойся. Можешь сделать ковер из его полосатой шкуры.

Вышла Дю Си из фанзы. Не видел Пак девушки прекраснее ее. Залюбовался.

— Спасибо тебе, храбрый человек. Ты освободил меня от власти злого тигра. Как зовут тебя? Куда путь держишь?

— Зовут меня Пак, а иду я к Мудрому Старцу за советом.

— Чем отблагодарить мне тебя, Пак? Погоди, — на мгновение Дю Си исчезла в фанзе и вынесла оттуда топор. — Возьми, он достался мне от родителей. Возьми, пригодится в дороге.

Улыбнулся Пак, но взял топор, за пояс засунул. Поклонился прекрасной девушке и снова в путь отправился.

А Дю Си стоит у порога, кричит ему вслед:

— Узнай у Мудрого Старца, как мне жить дальше, где мне счастье свое найти?

Идет Пак, на Дю Си оглянулся, улыбнулся и крикнул:

— Узнаю!

А потом замурлыкал себе под нос песенку:

— Хороша Дю Си, нету девушки лучше на свете.

Тихо плескалось лазурное море. На песке чернела маленькая лодочка. А на краю лодки сидел старый ворон.

Вышел Пак из-за крутой горы, видит — море. Бросился бежать. Подбежал к лодке, остановился в раздумье. Совсем тихое море перед ним, волны чуть плещут. Пустынно вокруг, только ворон сидит. Поклонился ворону Пак, спрашивает:

— Далеко ты летаешь, ворон, не видал ли ты бурного моря?

Взмахнул ворон крыльями, кружится над Паком и хохочет:

— Ха-ха! Кар-кар-ха-ха!

Постоял, подумал Пак, вынул цыновку из своего мешка и стал прилаживать вместо паруса к лодочке. Но только столк-

нул он лодку в море, как страшная буря поднялась. Точно горы, волны вздымаются, закружили лодочку, как ореховую скорлупу.

Повернул Пак лодку обратно. И только вышел он снова на берег, успокоилось море, словно не было бури. Чуть плещут спокойные волны.

А ворон кружит над Паком, хохочет, каркает:

— Ха-ха-кар-кар!

Рассердился Пак, крикнул ворону:

— Рано смеешься, ворон!

Снова столкнул Пак лодку в море. И снова поднялась страшная буря. Ходят ходуном волны, крутят в пучине лодку Пака. А ворон над лодкой кружит, хохочет, обратно зовет. Но Пак не сдается. То веслом выгребает, то парус повернет. Захлестывают волны лодочку, обдают Пака с головы до ног. Только отряхивается Пак и снова на весло налегает.

Оглянулся, а ворон уже больше не кружит над ним. И вдруг среди бурного моря тихая дорожка открылась. По бокам волны, точно горы, стоят, а Пак по тихой дорожке плывет. Еще миг — и до острова добрался.

А на острове том гора высокая, отвесная возвышается. Ни кустика на ней, ни камушка — стоит неприступная. Поднял Пак голову и видит: на самом верху деревья растут, птицы летают. Видно, там Мудрец живет.

Начал Пак на гору взбираться — час взбирается, за минуту назад скатывается. И вспомнил тут Пак про топор, что дала ему Дю Си. Стал он в горе лестницу вырубать и медленно по ступенькам вверх подниматься. Долго трудился Пак, и одолел гору — схватился за куст, что с края свисал, и наверх выскочил.

Думал Пак чудеса на горе увидеть. А там среди яблонь и вишен бедная фанза стояла. И на заболоченном поле древний старичок рис рассаживал.

Пожалел Пак старичка, подошел к нему и сказал:

— Позвольте, я за вас рис рассажу. Мне это дело привычное.

Разулся Пак, штаны засучил, вошел в воду. Удивился старик, но место свое уступил, а сам под вишней уселся,

Протянута веревка с узелками через все поле. У каждого узелка Пак наклоняется и молодой росток риса сажает...

Вот уже и все поле засажено. Подошел к старику Пак, сел перед ним на корточки.

— Чем отблагодарить мне тебя? — спрашивает старик.

— Помогите мне Мудрого Старца найти. Ищу я его совета.

— Я отвечу на твои вопросы, — отвечает старичок.

Удивился Пак. Сидит перед ним старик — волосы белые, лицо морщинистое и одет во все белое, как простой крестьянин. Неужели он и есть Мудрый Старец? Упал на колени Пак, слушает.

И сказал ему старик тихим голосом:

— Старикам скажи: на земле то цветет, что под землей растет. Девушке скажи: пусть у сердца своего ответ спрашивает. Куда оно склонится, там и счастье найдет. И тебе скажу: сила жизни — зеленый цвет, эту силу Дракон унес.

Удивился ответам Пак, но расспрашивать больше не решился. Поклонился низко старику, и тот ему по обычаю кланяется.

Собрался Пак по отвесной горе спускаться и вдруг видит: ровная и отлогая дорожка с горы идет и море пересекает.

— Как же раньше я этой дороги не нашел, — удивился Пак.

А старик усмехается:

— Легкая дорога только тому открывается, кто по трудной прошел. Иди, торопись. На день опоздаешь — урожай потеряешь.

Идет Пак веселый в обратный путь. Идет, о Дю Си думает. А она его у дверей фанзы дожидается, от солнца рукой заслонилась.

Увидела Дю Си Пака, бросилась к нему, говорит радостно:

— Ты жив, Пак! — она робко прижалась к его плечу лицом. — Заждалась я тебя!

— Велел тебе Мудрец у своего сердца ответ спрашивать, куда оно склонится, там и счастье найдешь! — улыбаясь, говорит ей Пак.

Смелее обнимает его Дю Си и кладет голову на грудь Пака.

— Значит, ты моим мужем будешь. Оставайся, здесь никто счастью нашему не помешает.

Пак гладит ее голову:

— Нет лучше тебя на свете, Дю Си! Но пока жив Дракон, я счастливым не буду!

Погрустнела Дю Си, заплакала. И там, куда падали ее слезы, цветы расцветали. Притихла Дю Си. И вдруг рассмеялась:

— Тогда я с тобой пойду. Говорят, большая любовь и от смерти человека спасает.

И вот вдвоем идут Пак и Дю Си лесной тропинкой в обратный путь. Оба радостные, друг на друга смотрят, ничего на пути не замечают. А если бы пригляделся Пак, то заметил бы впереди на дереве желтого барса, что над тропинкой притаился.

Вокруг Пака две взволнованные птички летают, щебечут, на себя обратить внимание хотят. Вот села одна птичка Паку на плечо и чирикнула на ухо:

— Не ходи, добрый человек, этой тропинкой, там на дереве страшный барс сидит!

Взглянул Пак на птичку и узнал в ней заботливую мать, которой он птенца спас. За копье свое схватился, хотел на барса кинуться, но раздумал.

— Спасибо тебе, птичка! Пойдем, Дю Си, другой тропкой. С любимой на охоту не ходят! — сказал он.

Вышли они из леса.

Молодые всходы на полях стоят. В долинах дикие яблони и вишни цветут.

Подошли Пак и Дю Си к фанзе стариков, что на дороге стоит. Яблонька их совсем засохла. Грустные ветки к небу тянутся, ни одного листочка на них нет.

Обрадовались старики, на дорогу выбежали. Поздоровался с ними Пак, передал им слова Мудреца. Стоят они, на яблоню смотрят, слова Старца обдумывают.

— Я думаю, пересадить нам яблоню нужно, — проговорил Пак.

Старики обрадовались его догадке, закивали головами.

Стал Пак яблоню выкапывать, а Дю Си для нее на другом месте яму копать.

Копал Пак землю, и вдруг ударилась его лопата о что-то в земле зарытое. Дивный звон раздался. Вынул он яблоню, на новое место посадил. А в старой яме заржавленный меч увидел. Хотел поднять его Пак, да сил нехватило. И все вчетвером меч тащили, а сдвинуть с места не могли.

Оглянулась старуха назад и закричала:

— Смотрите, яблоня-то наша оживать начала!

И, действительно, ветки яблони начали покрываться листьями. А на вершине большой цветок расцвел. Расцвел и осыпался, а на его месте красное яблоко наливаться стало.

Все стояли, на диво это смотрели. А яблоко с ветки сорвалось, к ногам старика подкатилось. Поднял старик яблоко и Паку его протянул:

— Скушай, сынок, ты его заслужил

Съел Пак яблоко и на глазах у всех богатырем стал: и ростом выше и в плечах раздался. Подошел он к мечу, что вчетвером они поднять не могли, взялся за рукоятку и вверх поднял. Взмахнул им, и засиял, засверкал меч в воздухе, куда и ржавчина делась.

Пошли дальше Пак и Дю Си. Вызревает уже урожай на полях, нагнулся Пак, чумизу потрогал:

— Смотри, Дю Си, скоро чумиза кисти набивать начнет. Торопиться надо! Не то снова Дракон все поля сожжет.

Идут Пак и Дю Си, а тут буря поднялась, вокруг них вихри воют, столетние деревья качаются.

Идет дождь в горах. Еле двигаются Пак и Дю Си по тропинке. На головах у них снопы тростника надеты, как плащи, от дождя их укрывают. С гор потоки текут, того и гляди унесут их в пропасть.

Но вот проходить стал дождь. Солнце выглянуло, скинули они свои «плащи», дальше идут.

Подошли к ручью, где когда-то Пак по висячему мостику переходил. Вместо ручья буйный поток течет. На их глазах он мостик снес и умчал куда-то.

Ходит Пак по берегу — нигде через ручей не перебраться. Голое ущелье вокруг, нет деревьев, чтобы через поток перебросить.

И вдруг из-за скалы выглянули два оленя и безбоязненно к Паку подошли.

— Ты мне жизнь спас, добрый человек, отблагодарить тебя хочу, — сказал олень. — Для нас такой ручей не преграда, мы и вас на тот берег перенесем.

И вот уже Пак и Дю Си, сидя на рогатых скакунах, крепко держатся за их ветвистые рога. Разбежались олени и в одно мгновение через ревущий поток перемахнули. Дю Си от ужаса глаза зажмурила. А когда открыла их, уже на другом берегу была.

Поклонился оленям Пак в благодарность, а они тут же обратно перепрыгнули и скрылись в горах.

Вот и родное селение вдали виднеется. Урожай на полях стоит. Гул подземный слышится. А над кратером вулкана облака пара стоят и камни из него вылетают.

— Это Дракон в озере ворочается. Вылетать собирается.

Стоят Пак и Дю Си.

Спит селение Пака. Не горят огни в фанзах, и никто не знает, что вернулся храбрый Пак.

Стоят Пак и Дю Си. Бледнеет узкий серп луны. Рассвет начинается.

Обнял Пак Дю Си:

— Прощай, Дю Си. Вернусь, — самую веселую свадьбу справим. А не вернусь, — пусть добрым словом помянут.

Взмахнул Пак мечом, примерился. На мгновение блеснул меч в предрассветной мгле.

И ушел Пак в горы. Стоит Дю Си, вслед ему смотрит. Иногда вспыхивает меч где-то уже далеко в горах. И вдруг рванулась Дю Си, за Паком вслед побежала.

С мечом в руках пробирался Пак по обгорелому бурелому к логову Дракона. Вот он прошел мимо человека-скалы, но не сказал тот ему ни слова. С первыми лучами солнца добрался он до вершины вулкана и, пораженный, остановился. Лежит в кратере вулкана, как в чаше, спокойное зеленое озеро. Фиоле-

товые скалы, словно крепостные стены, стерегут его красоту и покой.

Схватил Пак большой камень и швырнул его на середину озера. Раздался страшный гул. Заходили волны по озеру, и из них показалась огненная голова Дракона.

— Кто осмелился нарушить мой покой?

— Я, Пак. Вызываю тебя на бой!

Поглядел Дракон: стоит на берегу маленькая фигурка человека. Захохотал Дракон. Страшным эхом смех его в горах отозвался.

Распустил свои могучие крылья Дракон и бросился на Пака. Вода на его огненной броне в пар превращается, легким облачком вверх уплывает.

Сверкнул меч в руках Пака, и отпрянул Дракон пораженный.

Но и Паку нелегко. Страшный жар от Дракона исходит. Всю одежду и волосы ему опалило.

Отдышался Пак и снова на Дракона пошел. Тот его когтями схватить пытается, но всюду сверкает меч Пака и звенят удары об огненную броню Дракона.

А Дю Си все выше по скалам взбирается. Слышит шум битвы издали. К Паку торопится, взглядом своим охранить его хочет.

Видит Дракон, что силой Пака не возьмешь, на хитрость пошел. Сделал вид, что в сторону улетает. Обрадовался Пак передышке, к скале прислонился. А Дракон облетел скалу, к которой Пак прижался, и сзади к нему приближаться стал. Пасть свою распахнул, проглотить Пака собирается.

Дю Си на скалу взобралась и отсюда увидела Пака и хитрость Дракона. Весь страх за любимого в крик свой вложила:

— Пак, оглянись скорее, Дракон проглотить тебя хочет!!!

Голос Дю Си, как живой водой, Пака взбрызнул, откуда только сила взялась. Обернулся он как раз в то мгновенье, когда голова Дракона снизу к нему поднималась. Размахнулся

Пак обеими руками и по изумруду мечом ударил. Выскочил изумруд изо лба Дракона, на мелкие кусочки рассыпался.

И сразу огненное тело Дракона потухло, черным стало и в озеро упало. В последний раз всколыхнулось озеро и навеки затихло.

А где мелкие кусочки изумруда покатились — обожженный кустарник расправился, деревья листвой стали покрываться. На каменистых скалах трава вырастала.

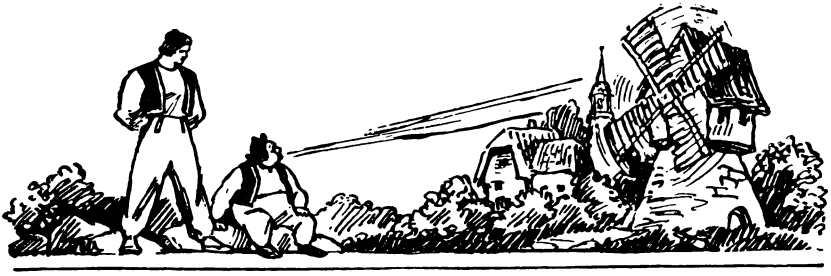
Докатились кусочки изумруда до скудных пашен крестьян. Густой стеной невиданный урожай на полях встал.

От брызг изумруда и окаменевшие люди оживать начали, камни и вековую пыль с себя сбрасывать стали. И не великаны вовсе, а простые люди оказались.

Подошел первый из них к Паку, до земли ему поклонился:

— Спасибо тебе, Пак. Не о себе одном ты думал. Помог старикам моим яблоню спасти, а она помогла тебе Дракона победить и нас к жизни вернуть.

Подбежала Дю Си к Паку. Обнял он ее, и оба радостные по полям пошли. Из селения к ним жители поднимаются, славят Пака и желают ему счастья с прекрасной Дю Си.



Валидуб

Л. ВЕПРИЦКАЯ

Весна... Прекрасный сельский пейзаж. Поля и луга зеленеют, река сверкает на солнце, вдали темный лес раскинулся. Крестьянский дом под черепичной красной крышей, окруженный садом, стоит на склоне зеленого холма.

Освещенная солнцем яблоня в цвету стоит у крыльца.

Сидят под яблоней отец и мать Янека, отдыхают после работы. Вышел на крыльцо Янек, расправил могучие плечи, огляделся. Янек — молодой крестьянский парень, во всем его облике чувствуется нетронутая сила.

ВЫРОС У ОТЦА С МАТЕРЬЮ СЫН ЯНЕК, СИЛЬНЫЙ — ВСЕМ НА УДИВЛЕНЬЕ...

Встал Янек перед родителями, сказал:

— Отпустите меня, батюшка с матушкой! Хочу свет посмотреть, силу свою показать да счастье сыскать.

Поглядели родители друг на друга, и промолвила мать:

— Силен ты, сынок, да не больно смышлен. Как бы не нажил беды...

— Ладно, Янек, иди! — решил отец. — У добрых людей ума-разума наберись, жить на свете поучись.

Поклонился Янек родителям, надел шапку, взял крепкий посох в руку и пошел.

Спускается Янек с холма по тропинке, к реке подошел.

Бурливая речка бьется на камнях, пенится, через нее мостик перекинут.

Оглянулся Янек, видит: стоят родители на холме. Не терпится Янеку удаль свою показать: разбежался да перепрыгнул через реку, как на крыльях перелетел. Обернулся лицом к родному дому, улыбнулся задорно, — вот, мол, каков я! — шапкой помахал.

Идет Янек среди цветущих лугов. Бабочки порхают над ромашками и колокольчиками. Птицы весело щебечут, радуясь весне.

Молодые елочки столпились на лесной опушке.

В лес вступил Янек, по лесной дорожке зашагал. Солнечные зайчики сквозь листву пробиваются, под ногами прыгают.

Быстрее пошел Янек, углубляясь в лес. Исчезли солнечные зайчики, все быстрее мелькают по сторонам дорожки стволы деревьев. Тонкие светлые сменились толстыми замшелыми стволами. А дорога все у́же становится, обратилась в едва приметную нехоженую тропку.

Подошел Янек к ручью. Снял шапку, стал на колени, пьет из ручья. И вдруг прислушался: ветерок по листве пробежал, песню донес, сначала тихо, затем отчетливее:

Выросла дубрава,
Свежая прохлада,
А в дубраве песню
Соловей заводит.

И поет в той песне
Соловейка малый,
Что живет в дубраве
Мое счастье, радость.

Ах, найти бы счастье,
Отыскать бы радость,
Чтобы красно солнце
Ярко мне светило!

Спел нежный девичий голос первый куплет, и ответил Янек повтором:

А в дубраве песню
Соловей заводит...

Устремился Янек в глубь леса, пошел на голос неведомой певуньи, что словно звал его. Но замолк голос, будто потерялся в чаще лесной.

Теперь Янек запел, продолжая песню:

И поет в той песне
Соловейка малый,
Что живет в дубраве...

А девичий голос ответил ему:

Мое счастье, радость...

Идет Янек на песню, как на маяк, продираясь сквозь заросли густого темного леса.

Открылась перед ним светлая поляна, озаренная солнцем. Обступили ее деревья стеной, словно охраняя от глаза недоброго.

А на поляне домик стоит. Сидит на крылечке девушка со светлыми кудрями, с милым приветливым лицом, прядет прилежно, песню поет.

Приблизился Янек к девушке, сказал ей:

— Будь счастлива, девушка! Пусть твоя работа спорится да ладится. Меня Яном звать, а тебя?

— Спасибо на добром слове. А зовут меня Маришкой, — ответила девушка и, взглянув на Янека, улыбнулась ему.

Обомлел Янек, пораженный ее красотой, ясной добротою, что на лице отражена, даже шапку уронил.

Поодаль от дома — старик, дед Маришки, пчел, домой прилетевших, в ульи принимал. Увидел он гостя, навстречу поспешил.

Подходит дед к молодым, за ним любопытные пчелы летят.

— Это Янек, дедушка, — сказала Маришка.

Поклонился Янек старику и опасливо на пчел поглядел, что, как облачко, над его головой закружились.

— Не бойся, — сказал дед, — пчелы мои умницы, добрых привечают, злых провожают...

Махнул дед рукой на пчел. Повинуясь ему, отстали они от Янека.

И спросил дед:

— Зачем пожаловал, гость нежданный?

— Хоть незван я, непрошен, хочу, чтобы Маришка невестой моей стала, — смело сказал Янек.

— Ишь, какой скорый, — усмехнулся дед.

И тотчас налетели пчелы, вьются над Янеком неотступно. Беспокойно отмахивается от них Янек.

— Пчелы узнать хотят, каков ты человек, Янек, что совершить задумал? — сказал дед и только руку поднял, как сразу послушались его пчелы, улетели.

— Скажи нам, чем любовь Маришки заслужить собираешься?

— Пошел я по белу свету, чтобы силу свою показать да счастье сыскать. Для Маришки я на любой подвиг готов. Прикажи, дедушка!

— Зачем приказывать, своим умом живи, — ответил старик. — Да помни: подвиг подвигу рознь. Сделаешь, Маришка рассудит, настоящий ли твой подвиг. Так, внучка?

— Согласна, — промолвила Маришка и улыбнулась Янеку на прощанье. — Возвращайся героем, Янек!

— Жди, Маришка, скоро вернусь, — пообещал Янек и ушел.

В дремучем лесу идет Янек и видит: зайцы в лапту на полянке играют. Лисята резвятся, в пятнашки игру затеяли. Белки по веткам прыгают, шишками, как мячами, перебрасываются. Медведица на солнышке греется, медвежата возле нее шалят, кувыркаются.

Не боятся звери Янека, кто дружески кивает, кто лапкой машет, кто заигрывает с ним.

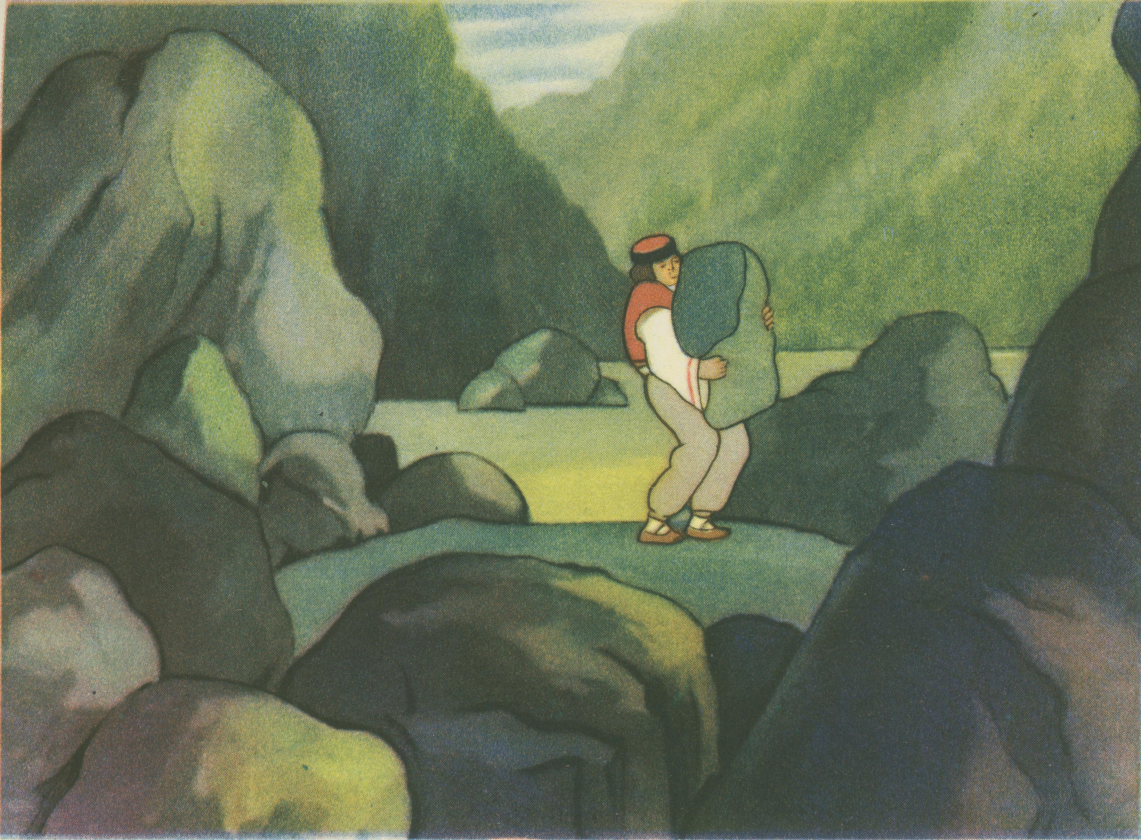
Спросил Янек у медведицы:

— Скажи, медведица, кто всех сильнее?

И ответила медведица:

— Старый дуб всех сильнее...

В долине между горами стоит старый дуб, могучий, высокий. Со скалы смотрит на него Янек.



Вдруг из ущелья буря седая вырвалась, на старый дуб накинулась.

Треплет буря ветви зеленые так, что листья, оторвавшись, запорхали в воздухе.

Один раз, два и три, разбежавшись, кидалась буря на дуб, приступом пытаясь свалить его.

Клонятся ветви, никнут под ударами бури, но не поддается старый дуб, кряжистый ствол его крепок, корни цепко в землю впились. Жмется к нему стадо белых овечек, ища под раскидистыми ветвями приюта от непогоды.

Деревья же, что вблизи росли, не выдержали натиска: вырвала их буря, в вихре своем закружила, понесла и бросила где-то.

Утомилась буря. Со старым дубом не совладав, в бессильной ярости вверх взвилась, о скалу разбилась.

— Ишь ты, — удивился Янек и устремился вниз со скалы. А могучий дуб стоит, словно и не было бури, только капли дождя, как алмазы, на листьях сверкают. Пролетавшие птицы присели на ветках, радостно защебетали.

Распрямил дуб могучие ветви, а под ними овцы спокойно пасутся.

— А ну-ка, давай поборемся, старый дуб! Поглядим, кто сильнее, ты или я? — вскричал Янек, засучивая рукава.

Ухватился за ствол дуба Янек, но нет, не поддается, не качается старик. Только птицы, испугавшись, улетели да встревоженные овцы разбежались.

Снова взялся Янек раскачивать дуб, уперся ногами в землю, все силы напряг. И вдруг, словно гром грянул, — вырвал Янек дуб из земли.

Лежит поверженный богатырь-дуб. А Янеку не терпится победой похвастать, хоть бы перед зверями, — шутка ли, с дубом совладал.

Торопится Янек обратным путем. Издали заметили его зайцы, сжались в комочки, удрали. Лисята в нору метнулись, и лиса-мать за ними, только рыжий хвост пушистый из норы высовывается.

Подошел Янек, хотел в нору заглянуть, да хвост стукнул его по лицу и в норе исчез.

Белка, увидев Янека, тревожно бельчат домой собирает. Один за другим скачут они в дупло дерева. Закинул голову Янек, чтобы к ним обратиться, «не удирайте, мол», как ловко пущенная шишка прямо в нос ему угодила.

А медведица медвежат собой прикрыла, на Янека грозно зарычала и, пятясь, в чаще скрылась.

Подходит Янек к Маришкиному дому.

Увидел девушку в окне, улыбнулся ей, посохом замахал, приветствуя.

Но Маришка невеселая сидит у окна, словно и не замечает гостя.

Вдруг пчелы вылетели. Вьются над Янеком, жужжат, ужалить норовят.

— Ой, помогите! — закричал он, отмахиваясь от пчел. — Ведь я подвиг совершил, старый дуб повалил...

Выглянула Маришка в окно и печально сказала:

— Нашел с кем силой мериться, с дубом!? Какой же это подвиг, Янек... Чем тебе старый дуб помешал?.. — и захлопнула окошко.

А дед на крылечке показался и сказал насмешливо:

— Вот ты кто — Валидуб! Беги, беги, Валидуб, не то хуже будет.

Побежал Валидуб, гонят его пчелы. Еле отбился от них.

Стоит Валидуб на перекрестке дорог, укусы свои ощупывает. И сказал он, размышляя озабоченно:

— Выходит, с дубом не надо бороться. А с кем же?

И видит Валидуб: на пригорке толстый румяный парень, упершись руками в бока, дует старательно.

Удивился Валидуб, спросил:

— Что с тобой, приятель?

Ответил парень, с трудом переводя дух:

— Нынче ветер отдыхает, а я вместо него работаю. За то и зовусь — Надуйщеки.

Видит Валидуб, вблизи ветряная мельница стоит. Когда парень дует, крылья ее равномерно кружатся.

Пока Надуйщеки Валидубу отвечал, крылья мельницы остановились. И парень снова ретиво взялся за дело, упущенное наверстывая.

Загорелся нетерпением Валидуб, нашел, наконец, себе достойного соперника — вот бы с кем побороться!

— Давай силой мериться! — предлагает он Надуйщеки.

— Недосуг, в праздник заходи, — продолжая дуть, ответил парень, по словечку роняя между делом.

И так и сяк подступает Валидуб к парню, из-за спины его пробовал дунуть — нет, не выходит. А подуть очень хочется.

— Дай-ка мне подуть, братец Надуйщеки, — пристает Валидуб.

Но парень только досадливо отмахивается, — не мешай, мол, дело делать.

— Думаешь, силенки нехватит? — обиделся на него Валидуб.

Кивнул утвердительно Надуйщеки, борясь с улыбкой, которая мешает ему дуть. И снова трудится он, и снова плавно идут по кругу крылья мельницы.

— Знай, я Валидуб! — уже сердито крикнул Янек.

Засмеялся парень, и от смеха дуть перестал.

— Ишь ты, Валидуб? Ладно, подсоби, брат...

Посторонившись, он пустил Валидуба на пригорок, а сам, присев в тени, трубочку закурил.

Обрадовался Валидуб новой забаве, начал дуть. Вначале осторожно — остановившиеся было крылья мельницы снова пришли в движение, завертелись. Старается Валидуб — движение крыльев постепенно убыстряется.

Торжествуя, поглядывает Валидуб на Надуйщеки. Тот одобрительно кивает, попыхивая трубочкой.

— Я еще не так могу! — обрадовался этому одобрению Валидуб.

Теперь он старается вовсю. Так принялся дуть, что крылья мельницы ходуном заходили, дрожит старая мельница. А возле нее воз с лошадью стоял. Мешки с мукой с воза посыпались, лошадь на колени упала.

— Тише ты! — крикнул Надуйщеки Валидубу и побежал по лугу на помощь мельнику, что выскочил из мельницы встревоженный.

Но куда там, разошелся Валидуб, в упоении дует, как мальчишка, на которого удержу нет.

Вот зашаталась мельница. Надуйщеки обернулся, грозит Валидубу кулаком — уймись, мол...

А Валидубу все игра: дунул — и плетень, на котором расписные глиняные кувшины сушились, упал. С жалобным звоном разбились кувшины.

Еще раз дунул — крыша с сарая подле мельницы вверх взлетела, как птица.

— Надуйщеки, кто сильнее — ты иль я? — крикнул Валидуб задорно.

Надуйщеки назад вернуться хочет, чтобы Валидуба от озорства удержать, да встречный вихрь не дает ему двинуться, не пускает.

А Валидуб еще раз дунул — и развалилась вдруг мельница, словно карточный домик.

Смотрит Валидуб удивленный, этого он не хотел даже в пылу озорства.

— Вот те на! — сказал он огорченно и побрел восвояси.

Снова подходит он к домику Маришки.

Вдруг, откуда ни возьмись, пчелы навстречу, яростно накинулись на Валидуба. Завопил наш герой жалким голосом.

— Ой, пчелки, голубушки, не надо? Я же подвиг совершил, Надуйщеки победил!

Подбегает он к дому, преследуемый пчелами. А Маришка, что у окна сидела пригорюнившись, промолвила печально:

— Эх ты, мельницу сломал, работу людям порушил... Какой же это подвиг, озорство одно! — И добавила, слез не утирая: — Обидно мне, Янек, что сила твоя зря пропадает, нет от нее проку никому на свете.

Захлопнулось окошко. Дед же с крыльца крикнул вслед убегающему от пчел Валидубу:

— Беги, беги, Валидуб, не то хуже будет!

Остановился Валидуб на перекрестке дорог, укусы свои ощупывает. Совсем он озабочен и сбит с толку.

— Выходит, опять оплошал, — говорит он задумчиво. — Не надо было мельницу рушить, а что же надо? Пока не узнаю, не отступлюсь.

И пошел он вперед богатырскими шагами.

Подходит Валидуб к деревне, видит у околицы высохшие кусты, дерево с желтой сухой листвой.

— Что делается? — удивился Валидуб. — Везде весна зеленая, а тут осень, что ли?

Пусто на деревенской улице, тихо. Сидит древняя старушка на лавочке, пригорюнилась, не спит, не дремлет, думу горькую думает.

Поклонился старухе Валидуб.

Взглянула на него бабушка, вздохнула:

— Путник милый, не обессудь, нечем тебя напоить-накормить.

— Не хочу я, бабушка, ни есть, ни пить, хочу подвиг совершить, — ответил ей Валидуб. — Дай совет.

— Ох, добрый человек, до подвигов ли нам. Пришла беда неминучая. Видишь, обрушилась гора, завалила реку каменьями огромными. Сохнут наши поля без воды, народ с голоду пропадает...

Стоит Валидуб на горе из причудливого нагромождения обломков скал, наваленных среди безотрадного пейзажа. Смотрит он на поникшие всходы, на выжженные солнцем поля и луга, на сады под властью засухи.

— Эх ты, гора-горушка, давай поборемся с тобой! — воскликнул Валидуб, засучивая рукава. Он богатырским движением высоко поднял и сбросил вниз гигантскую каменную глыбу.

А река, словно поняв, что пришел ей силач на помощь, бьется волнами о каменную преграду.

Ворочает Валидуб скалы, одну за другой поднимает, сбрасывает, освобождая путь реке.

И волны подступают все ближе. Вот просочился ручеек, побежал по жаждущей земле.

А Валидуб радуется, увлекшись молодецкой своей работой. Нашла, наконец, выход игравшая в нем сила! Смеется он, счастливый богатырским своим подвигом, и, поднимая глыбу, кричит собравшимся внизу крестьянам:

— Гей, не унывай, народ! Будет вода!..

И вот уже одна, последняя, самая большая скала осталась. Стоит Валидуб по пояс в воде, пытается ее сдвинуть. И как ни велика сказочная сила нашего богатыря, трудно ему приходится. Но все силы напряг Валидуб и сдвинул скалу...

Радостно забурлила река, хлынула вода. Весело зажурчали, побежали потоки к сохнущим полям.

Встают поникшие колосья, тянутся, зеленеют, растут на глазах. И стеной поднимается поле пшеницы...

Восходит солнце и радостно поднимается над зелеными лугами, над полями с тучными хлебами.

По реке пробежали волны, заискрились на солнце.

Пробежал ветер по хлебам — заволновалась золотистая пшеница.

Зашелестели сады, где наливаются спелые абрикосы, румяные яблоки.

А над полями и садами песня плывет:

Ах, найти бы счастье,
Отыскать бы радость,
Чтобы красно солнце
Ярко мне светило!..

Идет Валидуб по дороге, наигрывая на самодельной дудочке мотив Маришкиной песенки. А с холма все машут ему вслед руками и платками счастливые крестьяне.

Вот Валидуб у домика Маришки. Шапку надвинул поглубже, озирается опасливо — пчел боится.

А пчелы уже летят навстречу. Вздрогнул Валидуб, лицо закрыл от них.

Но пчелы не жалят его, а ласково вьются по сторонам дороги: как желанного гостя приглашают, жужжат приветливо, словно знают, что Валидуб в беде народу помог.

Вышла из дома Маришка, к Валидубу навстречу радостно спешит. Глядит на нее Валидуб, глазам своим не верит.

А Маришка низко поклонилась ему, как жениху любимому, поднесла воды студеной, чтобы испил, с дороги притомившись.

— Добро пожаловать, Янек, — промолвила Маришка ласково. — За подвиг твой спасибо!..

И дед приветствует гостя, лукаво говорит:

— Здорово, Янек-Валидуб! Хочешь Маришку невестой назвать иль раздумал?

— Хочу, — радостно отвечает счастливый Валидуб.

Взял он невесту за руку и повел. За ними дед пошел и пчелы гуськом полетели. Впереди матка, а за ней целая стая пчел.

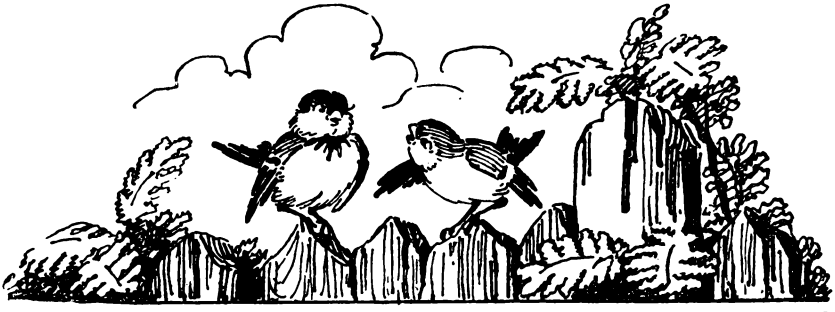
Так идут они по лесной дороге, а из-за кустов и деревьев выскакивают медвежата, лисы, зайцы и присоединяются к процессии — им тоже хочется на свадьбу попасть.

Вот уже и дом родителей Валидуба на зеленом холме. Большой стол на поляне от яств ломится...

Весело отпраздновали свадьбу Валидуб и Маришка.

В праздничных нарядных костюмах плясали они под деревьями задорную, лукавую чешскую польку. Басовые музыкальные куски вели пчелы низким своим жужжанием, а высокие по тону — птицы, рассевшиеся на ветвях деревьев.

И звери, которым довелось на свадьбе погулять, тоже отплясывали, кто как умел...



Высокая горка

Г. КОЛТУНОВ

Сад. Почти на каждом дереве воробьи хлопотливо мастерят в дуплах гнезда. Над садом стоит отрывистое торопливое чириканье занятых своим делом птиц. На одной из веток рябины сидят два сереньких воробышка — Чик и Чирика.

Чирика *(грустно)*.

Что с нами будет, Чик?
Смотри-ка,
Все дупла заняты в саду.

Чик.

Не бойся, глупая Чирика,
Со мной не попадешь в беду *.

Он озирается по сторонам, но ничего утешительного не видит. Мимо них пролетают два сероглазых воробышка — Чив и Чивика.

---

* *Стихи М. Вольпина.*

Чив *(к Чику).*

Мы тоже без дупла.
Давайте с нами вместе
Дупло для гнездышка
В другом поищем месте.

Чик и Чирика, вспорхнув с ветки, летят вслед за ними.

Воробьи перелетают изгородь, окружающую сад, и, заметив что-то впереди, с тревожным чириканьем останавливаются, как бы повисая в воздухе.

Чирика *(испуганно).*

Ой, что это?
Ой, страшное какое?

Посреди огорода стоит высокое черное растопырившее руки пугало с головой из соломы и пакли, с дырявой шляпой набекрень. Подул ветерок, и пугало зашевелило руками.

Воробьи с испугом садятся на верхнюю часть изгороди.

Чик, преодолевая испуг, устремляется вперед и быстро подлетает к пугалу.

Чирика *(всплеснув крылышками).*

Не надо, Чик!
Оставь его в покое.

Чик садится на длинный нос пугала и, оглядев его внимательно, кричит в сторону перепуганных воробьев:

Совсем не страшно, а смешно!
Смотрите, это просто чучело,
И шляпу рваную оно
На ком соломы нахлобучило.

Чирика, Чив и Чивика растерянно переглядываются.

Вдруг Чив заметил большую рябину с дуплом.

Чив *(радостно).*

Чивика, видишь?

Чивика *(также радостно).*

Ой, дупло!

Чив и Чивика быстро вспархивают и летят к дереву. Они подлетают к дуплу и, усевшись на ветку, осторожно его оглядывают.

Чивика.

Свободное?

Чив.

Свободное!
Здесь будет сухо и тепло,
Местечко превосходное.

Чив и Чивика скрываются в дупле.

Чик, сидя на носу у пугала, зовет к себе Чирику:

А ну скорей, лети сюда!
Мы не останемся без дома,
Тут все, что нужно для гнезда:
И в шляпе пух и в голове солома.

Преодолевая страх, верная Чирика летит к Чику. Нерешительно покружив над пугалом, тоже садится на его нос.

Чик быстро вспархивает на рваную шляпу, надетую на голову пугала, выдергивает несколько соломинок и начинает мастерить гнездо.

Чирика *(осторожно оглядываясь по сторонам)*.

Мы будем здесь с тобой одни.
Кругом ни близких, ни родни.

Чик *(уверенно)*.

Со мной Чирика, не робей,
Я самый храбрый воробей!

Чик и Чирика мастерят гнездо. Они с азартом дергают солому из головы пугала, высвобождая в ней местечко поуютней.

Между зелеными грядками огорода осторожно крадется рыжий котенок. Тихонько шевеля хвостом и щуря хитрые зеленые глаза, он подходит к подножию пугала и глядит вверх, туда, откуда доносятся голоса Чика и Чирики.

Котенок потягивается, выпускает когти, прыгает на пугало и карабкается вверх. От его движений плохо укрепленное основание пугала расшатывается все больше и больше.

Обеспокоенная Чирика заглядывает вниз и замечает крадущегося к ним котенка.

Чирика *(с ужасом)*.

Спасайся, Чик! Беда! Беда!
Ужасный зверь ползет сюда!

Котенок, взобравшись на голову все сильнее раскачивающегося пугала, осторожно протягивает лапу к Чику, но в это мгновение чучело, не устояв, падает на землю. Чик и Чирика во время падения успевают выпорхнуть, а котенок запутывается в соломе и накрывшей его шляпе пугала.

Пытаясь избавиться от шляпы, котенок мечется и в панике бежит прочь через огородные грядки, представляя собой удивительное зрелище скачущей по земле шляпы, из которой торчит задранный кверху рыжий хвост.

Чик и Чирика уже сидят на пыльной верхушке изгороди сада. Чик чистит перышки, вытаскивая оттуда застрявшие в них соломинки, и смотрит вслед убегающему котенку. Убедившись, что опасность миновала, Чик хвастливо заявляет:

Теперь он будет знать,
Несчастный забияка!
Я на него, как коршун,
Налетел!

Чирика *(со страхом)*.

Но он тебя чуть-чуть
Не съел, однако.

Чик *(отряхнувшись и приняв важную позу)*.

Я сам его чуть-чуть
Не съел!

Лихо приплясывая на изгороди, Чик распевает свою песенку:

Я страшный Чик, гроза котов!
С любым сразиться я готов.
Я Чик-силач! Я Чик-храбрец!
Неустрашимый удалец!
Я просто молодец!

Чирика *(останавливая Чика)*.

Чик, все же нам пора
Подумать о гнезде.
Где мы найдем дупло?

Чик *(самоуверенно)*.

Где мы найдем?.. Везде.
Возьму и прогоню сейчас
Отсюда Чива,

Он поступил со мной
Нечестно и трусливо.
Он выбирал удобные места,
Покуда я чуть-чуть
Не съел кота.

Чик решительно вспархивает и летит к дуплу, где устроились Чив и Чивика. Чирика с упреком кричит ему вслед:

Чик, погоди! Ведь так нельзя,
Они соседи и друзья!

Но Чик бросается в дупло, которое заняли Чив и Чивика. Между ними завязывается борьба. Из дупла летят солома, пух и перья. Чик выгоняет из дупла Чивику, а затем и самого Чива. Между Чиком и Чивом происходит ожесточенная драка. Услышав крик о помощи, к месту происшествия стремительно прилетает стая воробьев и усаживается на дерево, несколько выше той ветки, на которой происходит драка. Один из них спускается к Чику и Чиву и останавливает дерущихся.

Воробей *(строго)*.

Послушай, Чик, лети своей дорогой.
Тебя не трогал Чив, и ты его не
трогай.

Чик *(возбужденный дракой)*.

А вам какое дело до него?

Воробей.

У нас один за всех
И все за одного.

Чик *(заносчиво)*.

Вот я сейчас один
Со всеми вами справлюсь,
Не даром я грозой котов
И кошек славлюсь!

Чик бросается на воробья и также затевает с ним драку. Не выдержав ожесточенного натиска Чика, воробей летит обратно к ветке, на которой расположились его друзья — остальные воробьи.

Преследуя отступающего воробья, Чик стремительно врезается в самую гущу сидящих на ветке воробьев.

Все они дружно бросаются на Чика и выгоняют его из сада.

После ожесточенной и продолжительной драки в канаве, которая проходит вдоль изгороди, стая воробьев улетает обратно в сад.

На дне канавы, беспомощно распластав крылышки, лежит неподвижно побитый Чик. Возле него испуганная Чирика.

Чирика *(тревожно)*.

Ну что с тобою, милый мой,
Ты жив?

Чик *(с трудом поднимая голову)*.

Да, жив... но не совсем,
Мне очень плохо...
Ой-ой-ой!
Ой... как же я им задал всем!

Чирика *(с укором)*.

Не ты им задал, а тебе
Они изрядно задали.
О нашей будущей судьбе
Подумать нам не надо ли?..

Отряхиваясь от пыли, Чик с трудом поднимается. Оба вылетают и садятся на изгородь сада.

Чирика *(смотрит печально в сторону сада)*.

Нельзя вернуться нам назад,
Нас воробьи не пустят в сад.
И где же мы в конце концов
С тобою выведем птенцов?

Чик *(утешает ее)*.

Не беспокойся. Я всегда
Найду местечко для гнезда.
И уж во всяком случае
Не худшее, а лучшее.

Они вспархивают и улетают.

За веселой голубой лентой реки видна Высокая горка из красной глины и песка. Оттуда доносится веселое пение и щебетание живущих в норках, под самой вершиной обрыва, птиц.

У своих норок сидят или расхаживают парочками галки и рыжие соколки-пустельги. Целой стаей носятся ласточки-береговушки над обрывом. И над всем звучит песня-щебетанье о радости и счастье жить вместе, помогая один другому и охраняя друг друга от бед и опасностей.

На перилах большого моста через реку уныло сидят Чик и Чирика, наблюдая за жизнью обитателей Высокой горки.

Чирика.

Как весело у них
Тут на Высокой горке,
Давай и мы гнездо себе
Устроим в норке.

В это время Чик заметил, что на одну из веток кустарника, растущего возле мостика, уселась ласточка-береговушка.

Чик *(обращаясь к ней)*.

Послушайте, вы, кажется, Синица?

Ласточка.

Нет, Ласточка.

Чик *(пренебрежительно)*.

Ну, это все равно.
Нельзя ли нам на горке поселиться?
Жить у реки мечтаю я давно.

Ласточка *(радушно)*.

Пожалуйста, у нас свободных норок
Еще осталось тридцать или сорок
И все вполне пригодные для гнезд,
В любой из них устроитесь отлично.
Вы, если я не ошибаюсь, Дрозд?

Чик *(возмущенно)*.

Я... Воробей!

Ласточка.

Ну, это безразлично.

Чик *(задорно наступая на Ласточку)*.

Я к оскорбленьям не привык,
Я страшный Чик! Я грозный Чик!
Я Чик-силач! Я Чик-храбрец!
Неустрашимый удалец.

Ласточка *(с достоинством).*

Мы тоже не боимся никого
У нас один за всех и все за одного.

Чик *(недовольно и растерянно оглядываясь).*

М-да... все за одного...
Мне кажется, Чирика,
Тут как-то неуютно,
Слишком дико.
Обрыв... река... и облака...

(В сторону.)

Того гляди, намнут бока.

Чик и за ним Чирика улетают, оставляя Высокую горку, ее веселый гомон и счастливую песню.

Они летят над зелеными вершинами рощи. Вдали на противоположном берегу реки виднеется домик с дощатым сараем. На земле, около амбара, разбросаны зернышки и крошки.

Чик и Чирика садятся на угол крыши этого домика и оглядывают новое место.

Чик *(восторженно).*

Здесь мы гнездо себе совьем
И заживем с тобой вдвоем.

Чирика.

А сколько зернышек рассыпано
И крошек!

Перескакивая с места на место, они поспешно клюют вкусные зернышки. Вдруг Чирика, насторожившись, указывает крылышками на крыльцо домика, где, свернувшись клубком, спит большой черный кот.

Чирика.

Ой, Чик! Смотри! Смотри!

Чик.

Чего ты испугалась? Ерунда!
Ведь я гроза котов и кошек!
А это просто старый спящий кот.

Чирика

Но он, по-моему, еще страшней,
чем тот.

Чик *(заносчиво)*.

Со мной, Чирика, не робей.
Я самый храбрый воробей!

Чик взлетает и стремительно несется на кота. Он ловко выхватывает из-под его носа хлебную крошку и, возвратившись, кладет ее перед Чирикой.

Чик *(хвастливо)*.

Вот погоди, еще придет пора
И выгоню котишку со двора.

Лежащий на крыльце кот даже не шевельнулся, только медленно приоткрыл глаз и зорко поглядел на забияку.

Под навесом крыши устроено гнездо. В нем шесть маленьких яичек. Все в розовато-бурых пестринках.

Чик и Чирика любуются яичками.

Чирика *(заботливо)*.

Чик, осторожнее, скорлупки
У них еще ужасно хрупки.
Ты их, нескладный воробей,
Случайно клювом не разбей.

Чик *(гордо)*.

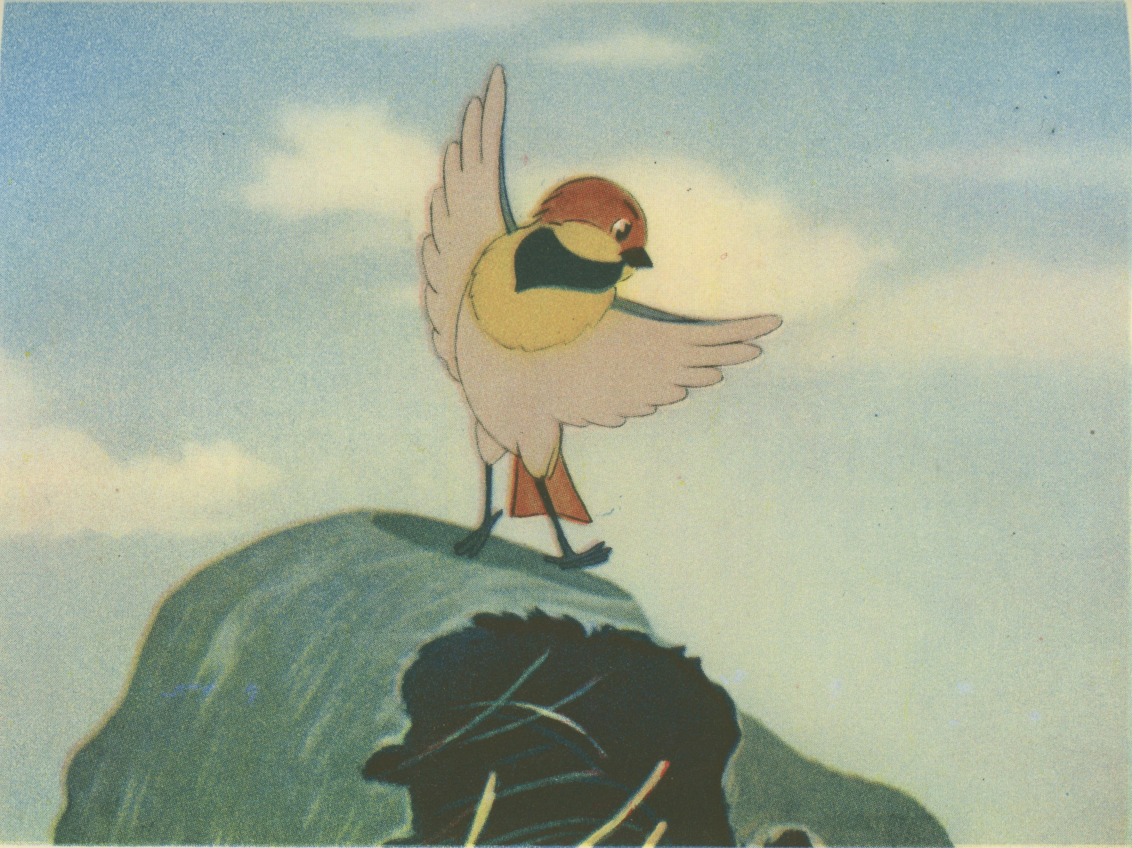
Зачем напрасно волноваться,
Могу же я в конце концов
Хоть пять минут полюбоваться
На наших будущих птенцов?..

Чик, вспорхнув, вылетает из гнезда и, усевшись на крышу амбара, радостно поет:

Скоро, скоро из яичек,
Из яичек-невеличек
Выведутся птенчики,
Птенчики-младенчики.
Принесет им папа Чик
И жучков и бабочек,
Мотыльков и мошечек,
Зернышек и крошечек...

А в это время к гнезду тихонько крадется черный кот.

Пропев свою песенку, Чик летит вниз и собирает рассыпанные на земле зернышки, чтобы накормить Чирику.



Собравшись уже лететь с зернышками к Чирике, он неожиданно замечает крадущегося кота.

Чик *(тревожно)*.

Чирика! Кот! Чирика, Кот!
Спасайся! Он к тебе идет!

Подкравшись к гнезду, кот протягивает лапу, пытаясь схватить Чирику, но она успевает выпорхнуть из гнездышка, оставив в когтях у кота пучок перьев!

Кот, проводив глазами Чирику, запускает свою черную лапу за край гнездышка и, несмотря на отчаянные крики Чика и Чирики, с аппетитом пожирает все шесть драгоценных яичек. Остались только скорлупки. Ветер шевелит пустое легкое гнездо, поднимает его и сбрасывает с крыши.

Облизнувшись, кот важно уходит и скрывается за краем крыши, а Чик и Чирика, беспомощно трепеща крылышками, вьются над разрушенным гнездом.

Сквозь пелену дождя вдали виднеется телеграфный столб с проходящими через него проводами. На одном из них, нахохлившись и понурив головы, сидят рядышком Чик и Чирика. Они изредка отряхиваются от падающих на них капель дождя.

Чик прерывает томительную паузу и с раскаянием в голосе печально обращается к Чирике:

Я со стыда сгореть готов!
Я вовсе не гроза котов!
Я просто-напросто болтун!
Я просто-напросто хвастун!
Я не сумел спасти гнезда,
Я хуже всякого дрозда...

Чирика, растроганная раскаянием Чика, утешает его:

Ты храбрый, Чик!
Ты, Чик, силач!
Не плачь, пожалуйста, не плачь!
И в нашей жизни из-за туч
Еще пробьется солнца луч...

Сквозь тяжелые облака пробиваются солнечные лучи, медленно рассеиваются, открывая голубое небо.

Дождь прекращается. Мимо Чика и Чирики стремительно пролетает Ласточка с тремя маленькими птенцами. Они усаживаются выше на один из проводов.

Чирика *(восторженно)*.

Ой, Ласточка! Та самая!
Смотри-ка!

Чик *(грустно)*.

Какие детки у нее, Чирика.

Чирика.

Давай и мы с тобой
Там на Высокой горке
Совьем себе гнездо в уютной
Теплой норке.
Там красота! Там высота!
И там, наверно, нет кота.

Чик *(опять самоуверенно)*.

А что мне кот!..

Чирика *(строго прерывая Чика)*.

Довольно, Чик, довольно!

Чик *(смущенно)*.

Ты понимаешь,
Вырвалось невольно.

Покормив своих птенчиков, Ласточка улетает. Чик и Чирика с грустью смотрят вслед.

Чирика *(встрепенувшись)*.

Так полетим?

Чик *(после небольшого раздумья)*.

Пожалуй...

Чирика *(радостно)*.

В добрый час!
И снова будут птенчики у нас!

Взмахнув крылышками, они летят на Высокую горку.

Снова звучит счастливая песня Высокой горки. Снуют над обрывом ласточки-береговушки.

В одной из норок устроено гнездо. Чик и Чирика с любовью смотрят на сидящих в гнездышке шесть маленьких птенчиков.

Чик.

Какой смешной, беспомощный и хилый.

Чирика.

И вовсе не смешной, а очень даже милый.
И весь в тебя, от клюва до хвоста.

Чик *(с умилением)*.

Действительно, какая красота!

Он выскакивает на площадку и, весело подпрыгивая, радостно поет:

Я самый счастливый
На свете отец,
Птенцы появились
У нас наконец,
Хорошенький птенчик сыночек
И несколько маленьких дочек.
Не знаю наверно
Их шесть или пять,
На радостях я не сумел сосчитать.

Услышав пение Чика, из соседней норки вылетают знакомая Ласточка и ее три птенчика. Они садятся на край выступа Высокой горки.

Ласточка *(торжественно Чику)*.

Пусть ваши детки подрастают,
А мы их выучим летать,
Летать, как ласточки летают,
И на лету жучков хватать.

Она быстро взлетает, и за ней следуют молодые ласточки, ее дети. Показав свое искусство летать, они подлетают к норке Чика.

Ласточка.

Вот так летать.

На песчаном выступе стоит старая Галка, она наставительно обращается к Чику:

Уж эти ласточки!
Уж эти стрекотуши!
А ты, отец, чего развесил уши?

Обязанность свою не нужно забывать —
Лети, голубчик, корм для деток добывать.
Тебе, конечно, интересно слушать,
А малым деткам надо кушать.

Озадаченный наставлением старой Галки, Чик быстро и торопливо подскакивает к своей норке и, услышав слабый писк птенцов, улетает добывать корм.

Чик ловко охотится за мошками, а вдоль берега реки, скрываясь в густой траве, идет знакомый большой черный кот. Хмуро прищурив глаза, он смотрит в ту сторону, куда только что улетел Чик. Добравшись до мостика, он спрыгивает на берег и поднимается вверх по крутому склону Высокой горки.

Чик возвращается в норку и кормит своих птенчиков. Проголодавшиеся, они жадно хватают жучков и мошек из клюва Чика. Каждый из них старается опередить другого. Они беспомощно машут крылышками и жалобно пищат.

Чирика *(успокаивая их)*.

Тише, тише, птенчики,
Птенчики-младенчики,
Дорогие малыши,
До чего вы хороши!

Черный кот осторожно карабкается по крутому склону Высокой горки.

Чик летит снова за добычей корма для птенчиков. Но вот он замечает крадущегося кота и, почувствовав опасность, стремительно возвращается в свою норку.

Чик *(с ужасом)*.

Беда! Беда! Беда! Беда!
Ужасный кот ползет сюда.

Чирика бросается к своим птенчикам и прикрывает их крылышками, готовясь защитить от приближающегося страшного врага. Чик стремительно вылетает из норки. Он бросается на кота, пытаясь преградить ему путь к своей норке, и наносит ему удар за ударом. Но кот невозмутимо продолжает свой путь к намеченной цели.

Над вершиной Высокой горки появляется стая ласточек. Тучей вьются они над котом.

Летят галки и сороки. Летят с криком на выручку все обитатели Высокой горки.

Кот карабкается все выше и выше. Уцепившись лапой за край норки Чика и Чирики, он пытается просунуть другую лапу за птенцом.

Прилетевшие птицы обрушиваются на кота. Они клюют его, бьют крыльями. Растерянный кот защищается от них обеими лапами, но сбитый сильными ударами птиц, он теряет равновесие и катится по обрыву вниз, падает в речку. Преследуемый большой стаей птиц, кот подплывает к берегу и в страхе убегает.

Окруженный своими друзьями — ласточками, галками и другими береговыми птицами, Чик летит обратно на Высокую горку. У входа в норку стоит Чирика и приветственно машет крылом возвращающимся друзьям.

Птицы рассаживаются на выступах крутого обрыва и на его вершине. Чик, возбужденный боем с котом и победой, садится у своего гнезда возле Чирики.

Чик *(гордо и счастливо)*.

Ты видела, как я...

Чирика *(строго)*.

Как ты?

Чик *(смущенно)*.

Как мы, Чирика!
Мы все до одного, —
От мала до велика —
Чуть не оставили разбойника-кота
Без головы и без хвоста.

Все громче звучит радостная финальная песня птиц Высокой горки.

Лесные путешественники

В. ЧАПЛИНА, Г. СКРЕБИЦКИЙ

Летнее утро в лесу. Деревья и кусты покрыты пышной листвой. На лужайках густая высокая трава. Среди нее пестреют цветы: белые ромашки, синие колокольчики, мохнатые розовые цветы клевера и множество других. Над цветами порхают пестрые бабочки.

Утренний разноголосый хор птиц.

Высокая ель. На ней большое свитое из прутиков гнездо. Оно круглое, похожее на шар. Сбоку — лазейка.

Из лазейки высовывает мордочку Белка. Вот она выпрыгивает на ближайший сучок, внимательно озирается по сторонам, смотрит вверх, вниз, потом поворачивает голову к гнезду и кричит:

— Дети, пора вставать!

Из гнезда на тот же сучок выскакивают три бельчонка. Они все трое рыженькие, один несколько крупнее других, у него на самом кончике мордочки белое пятнышко.

— Ну, давайте поскорей умываться, — говорит мать и начинает старательно тереть лапками мордочку.

Бельчата стараются в точности повторять ее движения. Они долго и с усердием трут спинку, грудку, бока.

— Умылся, — говорит сидящий с краю бельчонок.

— А шею? Ай-яй-яй, — укоризненно качает головой мать. Бельчонок сконфуженно трет шею.

— Теперь причешемся, — говорит мать и проводит лапками по своему длинному пушистому хвосту. То же самое проделывают со своими хвостами и бельчата.

— А теперь, дети, — торжественно начинает мать, — мы будем учиться прыгать с ветки на ветку. Внимание. И-и, раз!

Сильно оттолкнувшись задними лапками, Белка легко перепрыгивает на соседнюю ветку.

— Как видите, это не так трудно, — обращается она к детям, — на «и-и» вы собираетесь в комочек, на «раз» сильно отталкиваетесь задними лапками и прыгаете. Попробуем сделать. И-и-и...

Бельчата поджимают под себя задние лапки и собираются в комочек.

— Раз! — командует Белка.

Все бельчата разом отталкиваются от сучка и, пролетев по воздуху, оказываются рядом с матерью.

— Теперь вверх. И-и-и...

Белка, а за ней и бельчата перепрыгивают на верхний сучок. Решительней и лучше других проделывает это упражнение белоносый бельчонок.

— Теперь вниз. И-и-и... раз!

Белоносый бельчонок оказывается на нижнем суке в одно время с матерью. Немного помедлив, к ним присоединяется второй бельчонок. Третий же бельчонок остается на верхней ветке и растерянно смотрит вниз.

— Ну, что же ты? — спрашивает мать.

— Можно, я сделаю это упражнение, — робким голосом говорит бельчонок, — не сразу, а постепенно.

— Как это постепенно? — удивляется мать.

— И-и-и, — отвечает бельчонок, — я сделаю сегодня, а «раз» завтра. А то мне очень страшно.

— Ничего тут нет страшного, — ободряюще кричит ему Белоносый.

— Стыдно трусить, Рыжик! Прыгай, — говорит мать, — И-и-и...

— Раз, — кричит Белоносый.

Бельчонок зажмуривает от страха глаза и прыгает. Он так неловко цепляется за ветку, что не может на ней удержаться и того гляди свалится вниз. Но мать ловко хватает его за шиворот и водворяет на ветку.

— Ну, дети, попрыгайте теперь без меня, сами, а я пойду поищу вам что-нибудь к завтраку.

С этими словами Белка скрывается в ветвях соседнего дерева. Бельчата остаются одни. Некоторое время они продолжают бегать и прыгать по сучкам. Но очень скоро Белоносому это надоедает. Он самый ловкий и уже отлично усвоил заданный урок.

— Давайте прыгать на соседнее дерево, — предлагает он своим братьям.

— Что ты, что ты? Да разве туда перепрыгнешь?

— А я перепрыгну, — говорит Белоносый.

Он бесстрашно лезет на самый конец сучка. Сучок гнется, вот-вот обломится. Но в этот миг бельчонок делает прыжок и, едва допрыгнув до соседней елки, хватается лапками за ветку, повисает на ней и тут же, ловко перехватив лапками, взбирается на дерево.

— Молодец! — хвалит его, сидя на соседнем сучке, голубокрылая Сойка.

Бельчонок с удивлением смотрит на Сойку. Он раньше никогда не видел такой птицы.

— Откуда ты взялась? — спрашивает он. — Я тебя никогда раньше не видел.

— Я — нездешняя Сойка. Я к вам из другого леса прилетела.

— Как? Разве, кроме нашего леса, есть и другие? — спрашивает удивленный бельчонок.

— Конечно, есть. Вон там вниз по реке, за полем. Красивый такой, большой. И всего-то в нем много: и грибов, и шишек, и ягод.

— Ой, как интересно, — глотая слюну, говорит бельчонок.

— Ну, мне пора, — и Сойка, взмахнув крыльями, медленно летит прочь.

— Не улетайте, нездешняя Сойка, погодите минуточку, — кричит Белоносый и, перепрыгивая с дерева на дерево, пытается догнать Сойку.

— Что случилось? — спрашивает удивленная Сойка, подлетая к бельчонку.

— Расскажите еще что-нибудь, пожалуйста!

— У меня, милый, задерживаться времени нет.

— А зачем задерживаться. Я вас вон до той елочки провожу, а вы мне по дороге рассказывайте.

— А на чем я остановилась?

— На грибах.

— А грибов в том лесу, — начинает Сойка, перелетая на другое дерево, — видимо-невидимо...

Завороженный рассказом, следует за ней белоносый бельчонок.

В это время белка-мать безуспешно ищет корм для детей. Она то лазает по деревьям, то спускается вниз.

Белка берет с земли шишку, внимательно оглядывает ее и бросает. Находит вторую, третью, тоже бросает. Все шишки пустые, в них нет семян. Вот она подскакивает еще к одной шишке. Поднимает ее. Оглядывает.

— Опять пустая, — говорит совсем расстроенная Белка и в крайней досаде с силой отшвыривает далеко от себя шишку.

Шишка описывает высокую дугу и падает по другую сторону голого и сухого ствола лежащего на земле дерева.

— Ой! — раздается за деревом чей-то вскрик, и в ту же секунду на лежащем стволе появляется убеленный сединой рассерженный Белка-дед.

— Так и убить можно, — говорит он скрипучим старческим голосом, потирая лапкой ушибленное место на голове.

— Ах, это вы сосед. Поверьте, я не нарочно, — смущенно оправдывается Белка, — я так расстроена, кажется, вернусь домой без единой шишки!

— Да! А вот у меня одна уже есть по вашей милости, — с напускной ворчливостью говорит сосед, ощупывая лапкой

ушибленное место на голове. — Только, к сожалению, несъедобная.

— Ах, дедушка, вы все шутите, — обижается Белка, — а мне не до шуток. Дети даже еще не завтракали сегодня. Пойти грибов поискать, что ли?

— И не пытайтесь, соседка, — останавливает ее дед. — Я здесь вокруг все облазил, а ни одного гриба не видел.

— Не видели?

— Не видел.

— Ни одного?

— Ни одного.

— В таком случае это мой гриб, — быстро говорит Белка, одним прыжком подскакивая к дедушке, и срывает из-под самых его ног великолепный подберезовик с большой крепкой коричневой шляпкой.

— Ах, я разиня! Вот и остался без обеда! — горько произносит старик.

— Не огорчайтесь, сосед, можете откусить любой кусочек, — говорит Белка, любезно протягивая ему гриб. Дед с благодарностью берет гриб и вертит его около рта, выбирая с какого бока лучше от него откусить. Вот он открывает рот, но тут Белка внезапно хватает его за лапку и предостерегающе говорит:

— Тсс... Слышите?

Дед закрывает рот и прислушивается:

— Нет. Ничего не слышу.

— И я ничего, — испуганно говорит Белка. — Какая тревожная тишина!

— Даже птицы умолкли. — Дед тоже явно забеспокоился. — Что бы это могло значить?

В этот момент с разных сторон из-за кустов и деревьев выскакивают мыши, в панике проносятся мимо белок и скрываются в своих норках.

— Что случилось, мыши? — кричит Белка.

— Тссс... — высовывается одна из мышей из своей норки.

— А что, что такое? — спрашивает Белка.

— Тссс... — снова повторяет Мышь и манит лапкой Белку подойти ближе.

Белка подскакивает к ней, Мышь приподнимается и шепотом говорит в самое ухо: «Ку-ни-ца!» — после чего молниеносно исчезает в норе.

— Ку-ни-ца, — шепотом передает Белка соседу.

— Ку-ни-ца, — шепотом повторяет сосед, и гриб выпадает из его лапок. — Где же она?

— Где бы она ни была, я бегу к детям.

— И я с вами. Только как можно тише.

Стараясь не производить никакого шума, белки устремляются в глубь леса. Вдруг где-то неподалеку от них треснул какой-то сук. Белки пригнулись и замерли. В этот же миг мимо них, прижав к спине длинные уши, проносятся несколько зайцев. Облегченно вздохнув, белки снова устремляются вперед, но тут на них чуть не налетает еще один заяц, повидимому, отставший от первых. И заяц и белки отпрыгивают от неожиданности в стороны и в ужасе застывают. Разглядев друг друга, они несколько успокаиваются, и белки шепотом спрашивают у зайца:

— Где Куница?

— Точно не знаю, — дрожа всем телом отвечает Заяц, — но мне кажется, что она везде!

Он снова пускается наутек. А белки вскарабкиваются на дерево и несутся вперед воздушной дорогой, перескакивая с ветки на ветку. Вдруг на одном из деревьев они останавливаются, услышав какие-то странные звуки.

— Кто-то плачет, — говорит Белка.

— И как горько плачет, — подтверждает дед.

Белки забираются выше и обнаруживают маленькую птичку, которая сидит возле своего гнездышка и горько-горько плачет.

— О чем вы плачете? — участливо спрашивают белки.

— Вот посмотрите, что сделала Куница с моими детьми.

Белки заглядывают в гнездо. В гнезде разломанная скорлупа яичек.

— А что-то сейчас с моими, — тревожится Белка и еще быстрей скачет к дому. Старый сосед давно уже отстал от нее.

Промелькнуло еще несколько деревьев.

Вот и гнездо.

— Мама, мама, как ты сегодня долго, — высовываются из гнезда бельчата.

— Тссс... — машет на них лапками Белка. — Сейчас нельзя громко разговаривать. А где же Белоносый? — вдруг взволнованно вскрикивает она, не видя в гнезде третьего.

— Он перепрыгнул вон на то дерево и пропал.

— Пропал! — в ужасе повторяет мать и начинает метаться из стороны в сторону по ветке, стараясь разглядеть, нет ли на соседних деревьях пропавшего сына. Но вокруг никого не видно и ничего не слышно. Лес замер и стоит недвижимый, но настороженный.

И вдруг в этой мертвой тишине раздается далекий звонкий голос Белоносого:

— Мама, ау!

— Если его услышит Куница, он погиб, — говорит мать в отчаянии.

— Это Белоносый, почему ты ему не отвечаешь, — волнуются бельчата.

— Если я буду кричать ему в ответ, я наведу Куницу на наше гнездо.

— Мама, ау! — снова раздается голос Белоносого.

— Что же мне делать?

— Ой, мама, за мной кто-то гонится! Мама! Мама! Мама! — уже где-то совсем поблизости раздается задыхающийся голос Белоносого.

— Сюда! Сюда! — забыв обо всем, кричит мать.

Прогибаются ветки соседних деревьев, и вот на родное дерево соскакивает Белоносый.

— Скорее в гнездо, скорей, — торопит мать Белоносого, а сама, распластавшись на суку, прячется за нависшей над ним веткой.

Только что успевает Белоносый исчезнуть в гнезде, как на дереве появляется Куница. Она зорко оглядывается по сторонам, сверкая своими злобными маленькими глазками.

— Куда же он делся? — бормочет она, обнажая свои острые хищные зубы.

Ни жива ни мертва следит за ней спрятавшаяся за веткой Белка-мать.

Куница замечает гнездо. Она припадает к суку и медленно крадется вдоль него. Ее длинное узкое туловище так и извивается между веток, то скрываясь, то появляясь вновь.

Глазами, полными бесконечного страха, следит за ней Белка-мать.

Все ближе и ближе к гнезду Куница.

Белка в ужасе приподнимается.

Еще секунда, и Куница будет у самой лазейки.

«Что делать?» — в ужасе думает мать.

— Мама, ау! — вдруг звонко кричит Белка-мать и, зашумев ветками, прыгает на соседнее дерево.

— Ах, вот ты где! — И Куница бросается вслед за ней.

Ловко перепрыгивая с дерева на дерево, удирает от Куницы Белка, отводя от своих детей врага.

Куница не отстает. Она все ближе и ближе, почти нагоняет добычу. Вот-вот схватит.

И вдруг, когда кажется, Белке уже не уйти от врага, она замечает узкое отверстие дупла и мигом исчезает в нем.

Куница у дупла. В бешенстве она скребет когтями по дереву, пытается сунуть морду в дупло, но не может этого сделать — дупло слишком узко. Тогда Куница запускает в него свою страшную когтистую лапу.

А Белка вылезает через другое дупло, которое расположено выше по стволу, и бежит назад, к своему гнезду. Но Белка сильно хромает, у нее повреждена лапка.

Навстречу матери спешит белоносый бельчонок. Он подбегает к ней и, раздвигая колючие ветки ели, помогает добраться до дома.

Охая, измученная, усталая мать устраивается поудобней на ветке и говорит расположившимся вокруг нее бельчатам:

— Вот что, дети, решила я в другие леса уходить. Голодно у нас очень стало.

— А куда же это? — спрашивает один из сыновей.

— Вон в ту сторону, — показывает мать лапкой.

— А мне нездешняя Сойка говорила, что самый хороший лес совсем в другой стороне. Вот туда нужно итти, вниз по реке, через поле, — показывает в противоположную сторону Белоносый.

— Мало ли чего Сойка наболтает. Может, за полем и леса-то никакого нет, — говорит мать.

— Позвольте, я сбегаю, узнаю, — предлагает Белоносый. — Говорят, там и шишек и грибов видимо-невидимо.

— Маленький ты еще, — возражает мать.

— Маленький, да уж больно шустрый, такого и отпустить не страшно, — вступает в разговор Тетерев, сидящий на соседнем дереве.

— Да как же мне его в такую дальнюю дорогу отпустить, когда я ему на дорогу и поесть-то ничего дать не могу.

— А вот я в том лесу и наемся, — весело заявляет Белоносый.

— Ну, что с тобой станешь делать, — разводит лапками мать.

— Ура! Согласилась! — И Белоносый, выкинув какое-то замысловатое коленце, бросается к ней на шею, несколько раз крепко целует, потом быстро чмокает братьев, машет лапкой Тетереву и, легко перемахнув на другое дерево, исчезает в ветвях.

Все смотрят ему вслед.

Белка-мать утирает слезы.

— Вот ваш давешний гриб, соседка, — появляется на суку дедушка и протягивает Белке подберезовик.

— Да неужто тот самый?

— Самый тот. Я за ним с полдороги вернулся. Кушайте, поправляйтесь, а я для вас, может, и еще чего раздобуду, — с этими словами он кладет гриб перед Белкой и скрывается за деревьями.

— Тетерев, можно вас на минутку? — обращается к Тетереву Белка.

Взмахнув крыльями, Тетерев опускается на ветку рядом с ней.

— У меня к вам большая просьба, Тетерев. Догоните Белоносого и передайте ему этот гриб, только как-нибудь с хитростью передайте. Потому что, если он узнает, что это от нас, нипочем не возьмет. Скажет, им самим есть нечего.

— Все понятно, — коротко говорит Тетерев, берет клювом гриб и поднимается ввысь.

Летит над лесом Тетерев и внимательно смотрит вниз. Вот он замечает в просвете между деревьями промелькнувшую маленькую фигурку Белоносого. Увидев широкую просеку, которую неизбежно должен пересечь бельчонок, намного обогнав его, Тетерев долетает до просеки и опускается. Положив гриб на траву, Тетерев выкапывает клювом ямку, сажает в нее гриб, утрамбовывает вокруг землю и прячется за кустом. Вскоре, соскочив с дерева, на просеке появляется Белоносый. Перебегая просеку, он замечает гриб и с криком радости срывает его. Беззвучно хохочет за кустом Тетерев.

С грибом в зубах Белоносый скрывается на противоположной стороне просеки.

Не переставая смеяться, Тетерев направляется к дому.

С дерева на дерево перепрыгивает Белоносый и, наконец, добегает до опушки. Спускается вниз и, взяв гриб в лапки, с наслаждением говорит:

— Наконец-то можно и позавтракать.

Но только он раскрывает рот, как его останавливает голос подлетевшей к нему Тетерки:

— Ты как сюда попал, Белоносый?

— Путешествую. А вы куда?

— Домой, к Тетереву.

— Значит, вы увидите мою маму. Кланяйтесь ей от меня, пожалуйста. И потом вот еще что...

Хохочет, заливается Тетерев, сидя на суку перед Белкой.

— До чего же вы ловко это придумали, — восторгается Белка.

— Голова, — вторит ей присутствующий здесь же дед.

— Нет, вы только видели бы, как он обрадовался. Он, как гриб увидел, даже заплясал вокруг него. Вот таким манером, — и Тетерев показывает, каким манером плясал Белоносый, — а я за кустом сижу и от смеха разрываюсь. — И Тетерев так заразительно хохочет, что дед тоже не выдерживает и разражается тонким заливистым смехом. Белка-мать и та улыбается. В этот момент на сук садится прилетевшая Тетерка и кладет на колени Белки-матери гриб.

— Ваш сын вам кланяется и просит передать этот гриб. Он его на просеке нашел, — сообщает Тетерка и недоуменно смотрит на растерянные лица присутствующих.

Поле, покрытое низкой выжженной солнцем травой. Овражек, редкие кустарники.

По полю, осторожно перебегая от кустика к кустику, скачет бельчонок. Вот он останавливается и нерешительно оглядывается по сторонам. Он потерял дорогу и ищет, у кого бы спросить.

На краю ржаного поля подгрызает колосья Хомяк. Он перегрызает стебель, потом, когда колос падает, берет его в лапки, вынимает спелые зерна и набивает ими защечные мешки. Постепенно они раздуваются, как два больших пузыря.

Бельчонок подбегает к Хомяку.

— Здравствуйте, — говорит он. — Не знаете ли вы, как пройти к лесу, где много шишек и желудей?

Хомяк недовольно оглядывается на бельчонка. Он открывает набитый зернами рот и невнятно что-то произносит.

— Простите, я не совсем понял, повторите, пожалуйста,— вежливо говорит Белоносый.

Хомяк злится и повторяет опять столь же невнятное.

— Что, что вы сказали? Не понимаю, — опять переспрашивает его Белоносый.

С досадой махнув лапкой, Хомяк высыпает изо рта целую кучу зерен и говорит:

— Я сказал, некогда мне с тобой разговаривать. Понял теперь?

— Теперь понял. Очень вам признателен. А как мне все-таки пройти к лесу?

— Я живу в поле и никакого леса не знаю. И не приставай ко мне больше. Видишь, я занят. Я делаю запасы на зиму.

— А не дадите ли вы мне несколько зернышек? Я со вчерашнего дня ничего не ел, — просит Белоносый.

— Нет, — решительно отказывает Хомяк, быстро набивает рот высыпанными перед тем зернами и поворачивается к бельчонку спиной.

— Вы не все подобрали, — говорит Белоносый, — вот тут еще несколько зерен осталось.

Хомяк резко оборачивается, видит не подобранные им зерна и произносит что-то, что звучит примерно так:

— А-и-о.

— Что?

— А-и-о, — повторяет Хомяк.

— Как?

— А-а-а-и-и-и-о?

— Что вы говорите?

Хомяк высыпает изо рта зерна и раздраженно кричит на все поле:

— Я тебе три раза сказал «спасибо». Что тебе еще от меня нужно? Убирайся отсюда или я за себя не отвечаю!

Бельчонок испуганно отскакивает от Хомяка и пускается наутек.

Перепрыгивая через кусты и кочки, бежит по полю Белоносый. Ему преграждает дорогу довольно глубокий ров, до половины наполненный водой. Бельчонок бежит краем рва, добегает до деревянного мостика и перебегает по мостику на другую сторону. Бежит дальше.

Впереди на высоком холме виднеется силуэт одинокой березы. Добежав до березы, Белоносый забирается на ее вершину и видит вдали залитую солнцем опушку густого темного леса. Радостно вскрикнув, бельчонок соскакивает вниз и что есть духу бежит по направлению к лесу. Еще несколько минут, и цель трудного путешествия будет достигнута.

И вдруг — неожиданное препятствие. Быстрая широкая река преграждает ему дорогу у самой опушки желанного леса. Голодный, измученный бельчонок опускается без сил на прибрежный песок и с тоской смотрит на румяные еловые шишки, сплошь усеивающие огромные ели на том берегу.

Как быть? Что делать?

Внезапно он вскакивает и смотрит на реку.

По воде, не очень далеко от берега, плывет небольшое бревнышко.

Бельчонок разбегается, делает отчаянный прыжок и оказывается на бревне. Но бревно такое круглое и такое гладкое,

что на нем почти невозможно удержаться. Бельчонку приходится все время перебирать задними лапками и балансировать передними.

Быстро плывет бревно, унося бельчонка по течению.

— Эй, на бревне, — слышится вдруг с середины реки чей-то взволнованный голос.

На плотине, которая перегораживает реку, стоит Старый Бобер и кричит бельчонку:

— Держи бревно, а не то оно сломает нашу плотину!

— Как же я его удержу, когда я сам на нем не могу удержаться? — кричит в ответ Белоносый, выделывая буквально акробатические движения.

Увлекаемое течением, бревно быстрее и быстрее приближается к плотине. Оно проплывает под низко опустившейся над водой веткой дерева. Бельчонок хватается за нее передними лапами, а задними отпихивает бревно против течения. Слегка подавшись назад, оно опять устремляется вперед, но Белоносый снова отталкивает его обратно.

Перебирая ногами, бельчонок заставляет бревно вращаться на одном месте.

— Ко мне! За мной! — кричит Старый Бобер и бросается в воду. На крик появляются еще несколько бобров. Они быстро плывут к бревну и общими усилиями отводят его к берегу.

Судорожно ухватившись передними лапками за ветку, висит над водой бельчонок.

— Вылезай на берег, — кричат бобры.

Бельчонок пытается подтянуться вверх, чтобы взобраться на сук, но у него нехватает сил, и он снова беспомощно повисает над водой.

Иссякают последние силы.

— Мама, я умираю, — вскрикивает Белоносый и падает в воду.

Как один, все бобры бросаются к нему на помощь. Они ныряют под воду и вытаскивают на плотину бесчувственное тело бельчонка.

На суку, неподалеку от своего гнезда, сидит Белка-мать и тоскливо смотрит в глубину леса.

— Ты только не волнуйся, соседка, — успокаивает ее дед, — если его ястреб или куница не съели, вернется, обязательно вернется. Да ведь не утонул же он в самом деле!

Плотина. Бельчонок открывает один глаз.

— Где я? — спрашивает он слабым голосом.

— У друзей, — хором отвечают бобры.

Солнечное утро. Через плотину бежит бельчонок.

Он весело машет бобрам лапкой:

— До свиданья! Спасибо вам, бобры.

— Счастливо устроиться на новом месте, — кричат они ему вдогонку.

Перебежав по плотине на противоположный берег, бельчонок мчится по лесу.

Стоят старые сосны и ели. Сгибаются их ветви под тяжестью шишек. Из мха под деревьями то тут, то там выглядывают бархатистые шляпки грибов: и оранжевые лисички, и рыжики, и красные подосиновики.

— Здорово, приятель! — окликает Белоносого с дерева знакомая нам Сойка. — Ну, как тебе в нашем лесу нравится?

— Здравствуйте, Сойка,— радостно отвечает Белоносый.— Очень нравится. Сколько здесь шишек, грибов!

— Ну, вот и живи у нас. Смотри, вот и дом для тебя готов, — говорит Сойка, указывая на дупло. — Устроишься, приходи ко мне в гости!

Сойка улетает.

Бельчонок взбирается на дерево и лезет в дупло. Дупло чистое, новенькое.

Через секунду сияющий, довольный Белоносый вылезает обратно и торопится заготовить на зиму корм. Вот он тащит и прячет в расщелине коры еловые шишки, орехи, желуди.

— Ну, теперь скорее домой! Хватит, хватит! — говорит Белоносый, отряхивая передние лапки. Он уже собрался прыгнуть вниз, но тут ему на глаза попадается свисающая с

гроздью орехов ветка. Белоносый быстро срывает ее и прикреп ляет над входом в дупло.

— Все, все! Иду, иду!.. — говорит сам себе бельчонок и быстро спускается с дерева.

Внизу, под деревом, на задних лапках стоит добродушный ежик. Рядом с ним лежит большая куча собранных им для Белоносого грибов.

Подлетают три птички, неся в клювиках большую тяжелую ветку рябины, которую они вручают Белоносому. Он очень тронут и благодарит друзей за помощь.

— Теперь побегу в свой лес и приведу белок, — говорит он прощаясь.

Старый лес. Гнездо белки. Около гнезда на ветке сидит Белка-мать и тоскливо всматривается вдаль.

Собравшиеся в дорогу белки решили уходить, не дожидаясь Белоносого.

— Пора в путь-дорогу, соседка, — кричит снизу Белка-дед, — все уже в сборе, только вас и дожидаемся.

Белка-мать вытирает выступившие на глазах слезы и грустно спускается вниз.

Медленно двигаются белки-переселенцы. Белка-мать поминутно оглядывается назад...

По бобровой плотине скачет на другой берег бельчонок.

— Ты куда бежишь? — спрашивает его высунувший из воды голову Старый Бобер.

— За мамой, — отвечает на бегу Белоносый.

— Лучше обожди немного, видишь, какая туча идет, — говорит Бобер, показывая на небо.

— Туча-то идет, а я бегу, так что ей меня не догнать, — шутит Белоносый, и оба весело смеются.

Опушка леса. На опушке появляются белки. Впереди идет дед, сзади всех, прихрамывая и беспрестанно оглядываясь, — Белка-мать. Лес кончился, и перед белками расстилается широкое необозримое поле.

— Прибавь ходу, соседка, — говорит дед, — а то мы так и до вечера не дойдем.

— Идите, идите, — говорит Белка, — а я здесь подожду немножко. Может быть, он все-таки вернется...

И она со вздохом усаживается у подножия последнего дерева.

— И мы с тобой подождем немножко, — говорят бельчата и садятся рядом с матерью.

— Дорогая соседка! Гм... да, — торжественно начинает дед. — Выслушайте меня внимательно.

Но тут оглушительный удар грома заставляет его схватиться за голову и присесть на задние лапки.

Перепуганные белки в панике взбираются на дерево.

Неистовый ветер треплет кустарники, пригибает колосья ржаного поля, вздымает столбом пыль на протоптанных в траве дорожках.

Яркие молнии прочеркивают черное грозное небо. Раскаты грома усиливаются. Начинается ливень.

Сшибаемый ветром, исхлестанный дождем, бежит, перепрыгивая через лужи, Белоносый.

Лес. Старое гнездо Белки. Под проливным дождем при ярких вспышках молнии пробирается к гнезду Куница. Она хорошо запомнила это место и идет к гнезду с расчетом на добычу. Но гнездо пустое.

Раздосадованная Куница, спасаясь от дождя, забирается внутрь гнезда.

В это время, перепрыгивая с ветки на ветку, скачет по деревьям измокший, выбивающийся из последних сил Белоносый.

При яркой вспышке молнии он видит знакомую ель, родное гнездо.

С радостным криком: «Мама! Это я!» он бросается к гнезду. Снова молния, и, как отблеск ее, в темном гнезде вспыхивают зелеными огоньками глаза притаившейся там Куницы. Белоносый осторожно останавливается... и, вдруг увидев Куницу, бросается бежать.

Опушка. На большой ветке сидят спрятавшиеся от грозы Белка, замершие бельчата и Белка-дед.

— Мне показалось, что кто-то меня позвал, — встревоженно поворачивает голову Белка.

Дед безнадежно машет лапкой:

— Показалось...

Скачет, задыхаясь, Белоносый.

Почти касаясь мордой кончика его хвоста, мчится за ним разъяренная Куница.

Бельчонок круто сворачивает за ствол дерева. Куница по инерции проскакивает несколько вперед.

Белоносый быстро взбирается вверх по стволу, Куница вслед за ним.

Бельчонок уже на самой верхушке ели. Дальше лезть некуда. Он с ужасом смотрит вниз, на приближающуюся Куницу.

Вдруг ослепительно блеснула молния, и раздался оглушительный удар грома.

Молния попала в одно из соседних деревьев. Оно, как подпиленное, с треском и грохотом падает, ломая на своем пути сучья и ветви дерева, на верхушке которого сидит Белоносый. Вместе с ветвями оно срывает и Куницу и, гулко грохнувшись об землю, хоронит под собой хищника.

Бельчонок, не веря еще в свое спасение, смотрит вниз, потом начинает медленно спускаться.

Тяжелые, свинцовые облака бегут по небу. Но уже кое-где намечаются голубые просветы. Гром еще гремит, но дождь становится реже. Гроза проходит.

Измученный Белоносый забирается в дупло дерева, на котором нашли себе приют Белка, бельчата и дед. Бельчонок печально осматривается по сторонам, не зная, что ему делать дальше, и вдруг слышит знакомый голос деда:

— Не грусти! Кто же виноват, что Белоносый погиб?

— Я, я виновата. Не нужно мне было его отпускать. Какой он был красивый, веселый... — всхлипывая, продолжает Белка.

Белоносый, незаметно высунувшись из гнезда, слушает слова матери. Потом тихонько вылезает из дупла.

Белка продолжает:

— Бывало, подойдет ко мне сзади, закроет мне лапками глаза и молчит. Я знаю, что это он, а нарочно говорю: «Рыжик!» Он заливается, хохочет: «Ошиблась, ошиблась! Это вовсе не Рыжик, а я, Белоносый!»

Белоносый бесшумно подходит к матери сзади и закрывает ей лапками глаза.

— Не нужно, Рыжик! Мне сейчас не до шуток, — грустно говорит мать.

— Ошиблась, ошиблась! Это вовсе не Рыжик, а я, Белоносый, — хохоча, кричит бельчонок и падает в объятия смеющейся и плачущей от счастья матери.

— Гм... да! — громко сморкаясь в листочек, говорит Белка-дед. — Оч-ч-чень трогательно!..

— Мама, скорей идемте! Там такой лес, такой лес!.. — захлебываясь от восторга, кричит Белоносый.

— Идемте, идемте! — подхватывают белки и скачут за Белоносым, который показывает дорогу.

Радостное, светлое утро в новом лесу.

Дупло с висящей над входом веткой рябины.

Яркие солнечные блики играют на свежей зелени, зайчиками прыгают по стволу дерева.

Белка и один бельчонок сидят на ветке возле дупла и с аппетитом лакомятся шишками. Вдали виден дед с громадным подберезовиком в лапках и другие белки.

— С новосельем, соседка! — говорит с верхней ветки Тетерев.

— Спасибо! — благодарит Белка.

— А где же остальное семейство? — любопытствует Тетерев.

Белка поворачивает голову и негромко зовет:

— Рыжик!

— Мама, я здесь! — раздается сверху голос Рыжика. Он сидит на самой верхушке молоденькой ели.

И вдруг веточка начинает гнуться, ломается, и Рыжик падает прямо к ногам матери.

— Опять упал! — говорит он, смущенно улыбаясь.

Тетерев добродушно хохочет.

— Ну, а где же Белоносый? — спрашивает он Белку.

— Спит! — указывая в сторону дупла, говорит Белка.

В дупле виден свернувшийся клубочком Белоносый. Он сладко спит, прикрывшись своим пушистым хвостиком.

И вдруг лапки его начинают во сне делать какие-то движения. Он дрыгает ножками, дергает хвостиком.

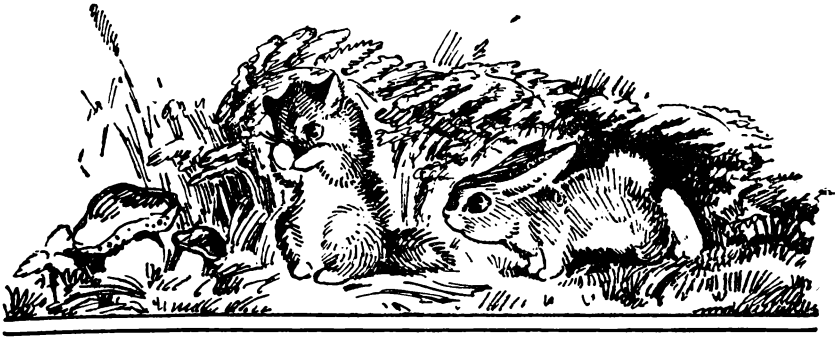
— Снится что-то, — улыбаясь счастливой улыбкой, тихо сообщает Белка Тетереву.

Все смотрят на Белоносого и знаками показывают друг другу, что нельзя шуметь.

Вдруг в наступившую тишину врывается громкое лягушечье кваканье. На камушках, у воды, сидят нахальные лягушки и кричат во все горло. Раздвинув стебли камыша, появляется Старый Бобер и хриплым шепотом грозно приказывает:

— Тихо, вы! Белоносый спит!..

Испуганные лягушки умолкают и прыгают в воду.



Непослушный котенок

М. ПАЩЕНКО

У ОДНОЙ ДЕВОЧКИ ЖИЛ МАЛЕНЬКИЙ СЕРЫЙ КОТЕНОК. ОН БЫЛ ОЧЕНЬ НЕПОСЛУШНЫЙ И ВСЕ ХОТЕЛ ДЕЛАТЬ ПО-СВОЕМУ.

С верхней полки детского шкафа с грохотом сыплются на пол катушки, пуговицы, разноцветные бусы и прочая драгоценная мелочь, которую с такой любовью собирают маленькие девочки.

Следом за всей этой пестрой лавиной прыгает на стол, потом на пол маленький котенок. Он гонится за рассыпающимися бусами, высоко подпрыгивая на своих еще недостаточно окрепших толстых лапах.

Маленькая девочка сидит у окна с большой книгой на коленях. Она оборачивается на шум и, всплеснув руками, подбегает к котенку:

— Ну, что опять натворил? Говорила тебе: не трогай ничего на полке!

Девочка берет котенка на руки и сажает его рядом с собой на диване.

— Неужели не можешь посидеть смирно, по-человечески?

Но котенок не желает сидеть «по-человечески». Как только девочка снова берется за книгу, он сейчас же соскакивает с дивана и, задрав хвост трубой, бросается в угол с игрушками.

Опрокинув на своем пути замысловато построенный из разноцветных кубиков домик, он в азарте задевает лапой ключ от большого заводного крокодила.

Крокодил неожиданно приходит в движение и с угрожающим щелканьем и шипением идет прямо на котенка.

Котенок в ужасе шарахается в сторону.

Пытаясь спастись от ужасного чудовища, котенок прыгает на маленький круглый столик и цепляется всеми четырьмя лапами за свисающий край скатерти.

Скатерть вместе с котенком скользит вниз, увлекая за собой стоящую на столике вазу с цветами и коробку с бабушкиным рукоделием.

Шум, грохот, звон.

— Бабушка! — кричит девочка. — Он чуть не разбил твою вазочку!

Из соседней комнаты раздается спокойный, добродушный голос бабушки:

— Ну, что с него возьмешь? Он ведь еще совсем маленький. Выпусти его в сад, пусть погуляет.

Девочка подбегает к двери. Открывает ее.

— Ну иди, иди, — говорит она котенку, — погуляй немного.

Но непослушный котенок все делает наоборот.

Он подходит к кукольной кроватке, забирается на нее и, сладко зевнув, растягивается.

— Бедняжка, — говорит доверчиво девочка, — оказывается, тебе спать хочется! Что ж ты мне раньше не сказал? Ну, спи, спи! Давай я тебя одеяльцем прикрою!

Она накрывает котенка одеялом, но тот сейчас же выскакивает из-под него и выбегает в приотворенную дверь на улицу.

— Какой упрямый котенок, — возмущенно говорит девочка. — Ну и иди, пожалуйста, я тебя не люблю!

Но тут же высовывается из окна и, явно раскаиваясь, кричит ему вслед:

— Не уходи далеко, потеряешься!

Но котенок лишь презрительно фыркает и, не оборачиваясь, важно шествует по садовым дорожкам, направляясь к воротам, на перекладине которых сидит важная серая ворона и, склонив голову набок, наблюдает за ним.

Победно марширует котенок.

В одном окне домика видна девочка, снова склонившаяся над книгой, в другом — вяжущая чулок бабушка.

ХОДИЛ, ХОДИЛ КОТЕНОК, ПОПАЛ В ЛЕС ДА И ЗАБЛУДИЛСЯ

Лес. Яркие краски заката.

Сгущающиеся синие тени от деревьев. Они ложатся на зеленую траву.

Тихо. Лишь вдали, в глубине леса, ухает филин.

Среди больших высоких деревьев идет крохотный по сравнению с ними Котенок.

Беспомощно оглядываясь по сторонам, жалобно мяукая, он влезает на пенек и плачет. Лапками вытирает слезы.

Зашевелились листья на кустике, из-за него высовывается Зайчонок.

Увидел Котенка, подошел и спрашивает:

— Ты чего тут сидишь?

— Я дом потерял, — отвечает Котенок.

— Вот чудак, — удивился Зайчишка. — Ты кто такой?

— Не знаю, — говорит Котенок, — я маленький.

— Вот глупый, мама-то у тебя кто?

— А у меня вместо мамы девочка, — отвечает Котенок.

Засмеялся Зайчишка, со смеху даже на траву повалился и ноги кверху задрал.

Потом поднялся, сел, захлопал ушами и думает.

Думал-думал, да и говорит:

— А ты скакать умеешь?

— Скакать я хорошо умею, — отвечает Котенок.

— Ну, тогда ты Зайчонок, — говорит ему Зайчишка, — идем, я тебя домой поведу.

Пошел Зайчонок впереди, дорогу показывает.

За ним вприпрыжку Котенок. Повеселел: вдвоем-то не так страшно!

Перепрыгнул Зайчонок канавку, обернулся, посмотрел на Котенка, сумеет ли?

Да, правду сказал Котенок. Не задумываясь присел он на все четыре лапы, подпрыгнул высоко вверх и очутился рядом с Зайчонком.

— Ловко! — восхитился Зайчишка. — А вот только почему у тебя уши маленькие?

— Вот привязался, — рассердился на него Котенок, — «почему» да «почему». Не все ли равно, у меня зато хвост длинный.

— Ну, ладно, — согласился добродушный Зайчонок. — Идем дальше, а то уж, смотри, совсем темно стало. Дома беспокоиться будут!

И как бы в подтверждение этих слов мы видим переполох в дачном домике.

Девочка, всхлипывая, надевает пальтишко, подает бабушке фонарь.

— Я же ему говорила: не ходи далеко — потеряешься. А он такой непослушный... такой упрямый...

— Ничего, внученька, не плачь! Сейчас мы его разыщем. Не мог же он, такой маленький, далеко убежать.

Бабушка зажигает фонарь и, стараясь подбодрить девочку, старческим голосом напевает шутливую песенку:

Путь наш будет недалек, недалек,
Мы засветим огонек, огонек,
Мы обыщем огород,
Мы поищем у ворот.
Кис-кис! Кис-кис!

Напевая, бабушка и девочка направляются к двери, спускаются по ступенькам в сад, освещая фонарем дорожку.

Заячий дом под высокой сосной.

Подходят Котенок и Зайчонок.

— Мама, — говорит Зайчонок, — я в лесу зайчонка нашел.

Зайчиха, занятая укладыванием в постельку из травы двух маленьких зайчат, даже не обернулась.

— Хорошо, — говорит она, — дай ему поесть и спать ложитесь, уже поздно.

Взял Зайчишка капустный лист и сует Котенку:

— На.

— Что «на»? — спрашивает Котенок.

— На, это значит бери и ешь, — говорит ему Зайчишка.

Взял Котенок капустный лист и заплакал.

— Я, — говорит, — есть его не умею, я маленький.

— Что ты все «маленький» да «маленький», — передразнил его Зайчишка, — я сам тоже маленький, а смотри, как!..

Выхватил он у Котенка капустный лист и сразу съел, только один кончик остался.

Взял Котенок кончик капустного листа и стал им слезы утирать.

Тут повернулась Зайчиха, увидела Котенка, покачала головой.

— Нет, — говорит, — ты не Зайчонок.

— Зайцы, — закричала она. — Скачите скорее сюда, посмотрите, какого зверушку мой сын в лесу нашел.

Прибежали со всех сторон зайцы, смотрят, никак не могут догадаться, что за зверь непонятный.

Вышел из орешника старый хромой Заяц.

— Отойдите, — говорит, — дайте мне посмотреть.

Осмотрел Заяц Котенка со всех сторон и спрашивает:

— А ты лазить по деревьям умеешь?

— Умею, — отвечает Котенок.

— Ну, тогда идем, я тебя домой доведу. Я знаю, кто ты. Ты бельчонок. Видите: уши маленькие, а хвост длинный, пушистый.

— Верно, верно! — хором закричали зайцы. — Как это мы раньше не догадались?

— Мама! — запищали маленькие зайчата. — Оставь его, пусть у нас живет.

— Ну, как можно, — строго сказала Зайчиха. — Раз он бельчонок, значит, его нужно к Белке отвести.

Обступили зайцы Котенка со всех сторон и повели к беличьему дому, напевая песенку:

К серой Белке мы идем
Малыша домой ведем...

Прыг да прыг, идут по полянке. Сквозь густой ельник пробираются...

Лесная опушка. На краю опушки большой, развесистый дуб.

К дубу торжественно подходят зайцы с Котенком.

Хромой Заяц сел перед дубом на задние лапы, а передними забарабанил по стволу.

Пошел гул по лесу.

А в это время по овражку в кустах серый Волк пробирался. Остановился, уши навострил, прислушался. Облизнулся и пошел на звук.

Заяц продолжает барабанить лапами по стволу.

— Кто там? — крикнула сверху Белка.

— Это мы, зайцы, бельчонка к тебе привели.

— Пусть лезет сюда, — говорит Белка. — Мне некогда: я запасы на зиму готовлю.

Стали подсаживать зайцы Котенка на дерево.

Полез Котенок по дубу.

Лез, лез, насилу добрался.

Сунулся в дупло, а белка дает ему шишку.

— На, — говорит, — бери, ешь!

Взял Котенок шишку. Укусил, да чуть зуб не поломал. Схватился лапой за щеку, заплакал и швырнул шишку далеко-далеко в сторону.

Полетела шишка да прямо подошедшему Волку по голове — стук!

Волк так и присел от неожиданности.

А Белка, рассердившись, закричала громко на Котенка:

— Как ты смеешь шишки бросать? Я тебя сейчас отшлепаю.

Замахнулась она лапой, да остановилась. Посмотрела внимательно и говорит:

— А ведь ты не бельчонок.

— Да кто же он такой, — закричали снизу зайцы. — И не зайчонок, и не бельчонок. Кому же его отдать?

Раздвинулись ветки куста на краю опушки, высунулась волчья морда и рявкнула:

— Отдайте его мне, я из него волка сделаю!

Бросились зайцы врассыпную, попрятались, и вдруг...

Что тут началось!

Туча шишек, комьев земли, палок так и посыпалась в голову волка.

Старый бродяга от неожиданности даже присел, затем повернулся и, трусливо поджав хвост, убрался восвояси.

Белка прижала к себе Котенка, на котором вся шерсть встала дыбом, и ласково погладила его по голове.

— Что же теперь с тобой делать? — сказала она.

— Не знаю, — отвечает Котенок, — я есть хочу.

— Что тебе дать? — говорит Белка. — Хочешь сушеных грибов?

— Нет, — отвечает Котенок. — Я мышку хочу.

— Вот глупый, — говорит Белка, — что же ты мне этого раньше не сказал, я бы сразу догадалась, кто ты.

— Зайцы, — закричала она сверху. — Это ежонок. Собирайся скорее, мы тебя сейчас домой отведем.

— Мама! — запищали бельчата, высунувшись из дупла. — Оставь его у нас, он такой хороший.

— Ну, что вы, как можно! Раз он ежонок, так его к Ежихе отвести надо.

И всей компанией повели Котенка к ежам.

Идут лесной тропинкой, песенку напевают:

Мы к Ежихе все идем
Малыша домой ведем...

А навстречу огонек приближается. Это бабушка с девочкой котенка ищут и не думают, что он от них так близко.

Идут, фонарем кусты и дорожку освещают.

Все ближе и ближе, вот-вот встретятся со зверушками,

— Его, наверно, волки съели, бабушка, — сквозь слезы говорит девочка.

— Ну уж, тоже выдумала, — отвечает бабушка. — Волки котят не едят.

— Почему не едят, бабушка?

— А потому, что они царапаются.

— Так куда же он девался?

— Наверно, уже дома сидит, — говорит бабушка. — Пойдем посмотрим.

И неожиданно в тот самый момент, когда уже должна произойти встреча с зайцами, белкой и котенком, бабушка и девочка поворачивают обратно.

А зайцы, не заметив их, сворачивают в боковую тропинку к ежиному дому.

Вот и ежиный дом. Нора под пеньком, а над ней гнилушка светится, вход освещает.

В лесу уже совсем темно.

Постучали зайцы по гнилому пеньку и говорят высунувшейся Ежихе:

— Вот берите вашего ежонка, в лесу нашли.

— Пусть идет к ежатам, — отвечает Ежиха, — съест мышку и спать ложится, уже поздно.

Пролез Котенок в ежиную норку и через некоторое время слышно стало, как довольно заурчал, замурлыкал.

— Ну, кажется, все в порядке, — сказал старый Заяц. — Теперь можно и по домам итти.

Поскакали зайцы обратно, а Белка к себе в дупло полезла.

Тихо стало в лесу у ежиной норы. Вышла луна из-за деревьев и осветила лесную полянку.

И вдруг как выскочит Котенок из норы, как закричит:

— Ой, не могу! Все бока исколол!

Заплакал и побежал подальше от ежиного домика.

Бежит Котенок среди деревьев, жалобно мяукает. Уж очень страшно ему.

Вдали где-то филин кричит. Тяжелые облака плывут по небу, временами луну закрывают, и тогда в лесу становится совсем темно.

А тут еще дождь вдруг хлынул как из ведра, ветер зашумел среди деревьев.

Бросился Котенок под дерево, прижался к нему, дрожит от холода и страха...

Раннее утро в лесу.

Стоит Ежиха под деревом, наклонившись к Котенку, ахает да охает.

— Ну, что с тобой станешь делать? Не зайчонок ты, не бельчонок, не ежонок. Кто же ты?

— Ап-чхи! — чихает простуженный Котенок. — Не знаю, я маленький.

— А я знаю! — вдруг раздается чей-то голос над ними. — Котенок ты, вот кто!

Посмотрели Ежиха и Котенок вверх, видят: на суку Ворона сидит.

— А ты, — спрашивает Котенок, — ап-чхи!.. не врешь?

— Вот чудак, что я котят не видела, что ли?

— Ворона, а Ворона, — говорит Ежиха, — а ты знаешь, где он живет?

— Знаю.

— Тогда доведи его, пожалуйста, домой.

— Хорошо, — каркнула Ворона и полетела, а Котенок за ней побежал.

Солнышко выглянуло из-за леса, осветив тропинку, вьющуюся между деревьями.

Над тропинкой Ворона летит, каркает, Котенка подгоняет.

А Котенок скачет вслед по тропинке, на Ворону все поглядывает, как бы не упустить из виду да снова не заблудиться.

Так и довела Ворона Котенка до самого дома.

А в домике еще спят, двери заперты, и занавески на окнах опущены.

Спит бабушка. Спит и девочка, свернувшись калачиком в кроватке. Шепчет что-то, видно и во сне не может забыть про котенка.

И вдруг тихо где-то за окном раздается:

— Мяу!..

А потом громко в окно кто-то: стук-стук!

Вскочила на кроватке девочка, кулачком глаза протирает.

Видит: снаружи к стеклу котенок носом прижался и так жалобно, еле слышно мяукает, а ворона громко клювом по стеклу стучит.

— Бабушка! Вернулся, вернулся! — закричала девочка, подбежала к окну, раскрыла его и схватила котенка на руки.

Прижимает его к себе, целует.

Отворилась дверь, вошла в комнату бабушка. Руки за спиной держит и говорит нарочито сердитым голосом:

— Не знаю уж, пускать ли его обратно или нет. Ты спроси-ка у него, будет ли он попрежнему таким же непослушным. Нам упрямых не надо.

Наклоняется девочка к котенку, спрашивает:

— Будешь упрямым да непослушным?

Котенок отрицательно мотает головой и виновато мяучит.

Девочка продолжает:

— Ты знаешь, что упрямым быть очень нехорошо?

Котенок трижды кивает утвердительно головой.

— Ну вот, теперь умница! — улыбаясь, говорит бабушка и вытаскивает из-за спины разноцветную мисочку с налитым в нее молоком. Ставит ее на пол перед носом котенка.

Котенок, смешно причмокивая, жадно пьет молочко — проголодался.

А бабушка и девочка на корточки возле него присели, друг на друга поглядывают и улыбаются.

КОТЕНОК ВЫРОС И СТАЛ БОЛЬШИМ И УМНЫМ КОТОМ, ЛОВИЛ МЫШЕЙ, МУРЛЫКАЛ ПЕСЕНКИ, И ВСЕ БЫЛИ ОЧЕНЬ ДОВОЛЬНЫ.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ»

(2 части)

Художественный мультипликационный цветной кинофильм. Производство киностудии «Союзмультфильм», 1951 год.

Автор сценария Лев Кассиль; стихотворный текст Л. Позднеева; режиссер В. Громов; художник-постановщик В. Дегтярев; композитор А. Муравлев; ассистент режиссера И. Подгорский; ассистенты художника-постановщика Е. Алитовский и Г. Брашишките; операторы А. Астафьев и Н. Соколова; звукооператор Б. Фильчиков; художники-мультипликаторы: В. Арбеков, М. Ботов, В. Данилевич, В. Долгих, Е. Комова, Л. Позднеев, Л. Попов, Ю. Прытков, Л. Резцова, Ф. Хитрук; художник-прорисовщик О. Сысоева; художники-декораторы: Д. Анпилов, Г. Невзорова, И. Светлица.

Роли исполняют: Надя Уколова, Люся Пирогова, Вова Феоктистов, Коля Устинов, Толя Керби.

«ВОЛШЕБНЫЙ МАГАЗИН»

(3 части)

Художественный мультипликационный цветной кинофильм. Производство киностудии «Союзмультфильм», фильм находится в производстве.

Автор сценария В. Сутеев; режиссеры Л. Амальрик и В. Полковников; художник-постановщик Е. Мигунов; ассистент художника-постановщика Т. Сазонова; композитор В. Оранский; оператор М. Друян; ассистент оператора Е. Ризо; звукооператор Н. Прилуцкий; художники-мультипликаторы: М. Ботов, Б. Дежкин, Ф. Епифанова, В. Котеночкин, Б. Меерович, Р. Миренкова, Л. Попов, Н. Привалова, Л. Резцова, Т. Таранович, Ф. Хитрук; технический ассистент И. Кульнева.

Роли исполняют: Г. Вицин, И. Потоцкая, Ю. Юльская, Л. Пирогов, С. Розенблюм, А. Зуева, В. Феоктистов, К. Коренева.

«ЗОЛОТЫЕ РУКИ»

(2 части)

Художественный мультипликационный цветной кинофильм. Производство киностудии «Союзмультфильм», фильм находится в производстве.

Автор сценария Н. Рожков; режиссер В. Громов; художники-постановщики Г. Филиппов и И. Светлица; композитор А. Новиков; ассистент художника-постановщика М. Алексеев; операторы А. Астафьев и Н. Соколова; звукооператор Н. Прилуцкий.

«ВОЛК И ОЛЕНЬ»

(1 часть)

Художественный мультипликационный цветной кинофильм. Производство киностудии «Союзмультфильм», 1950 год.

Автор сценария Аугуст Якобсон; режиссер Д. Бабиченко; художники-постановщики К. Зотов и Г. Козлов; композитор Ю. Левитин; оператор Н. Соколова; звукооператор Б. Фильчиков; ассистент режиссера Е. Трунов; ассистент художника-постановщика Б. Петин; художники-мультипликаторы: М. Ботов, В. Котеночкин, Р. Давыдов, В. Арбеков, Е. Казанцева, Д. Белов, И. Подгорский, Н. Привалова, Ю. Прытков, Г. Филиппов; художники-декораторы: Д. Анпилов, Г. Невзорова, К. Малышев.

Роли исполняют: В. Грибков, А. Ржанов.

«СЕРДЦЕ ХРАБРЕЦА»

(2 части)

Художественный мультипликационный цветной кинофильм. Производство киностудии «Союзмультфильм», 1951 год.

Автор сценария О. Леонидов; режиссеры Б. Дежкин и Г. Филиппов; художники-постановщики В. Дегтярев и В. Весельчакова; композитор К. Хачатурян; оператор М. Друян; второй оператор Н. Соколова; звукооператоры Б. Фильчиков и Н. Прилуцкий; ассистент художника Г. Брайшиште; технический ассистент Е. Новосельская; ассистент по монтажу В. Иванова, художники-мультипликаторы Д. Белов, В. Лалаянц, Р. Давыдов, В. Долгих, Б. Чани, Ф. Епифанова, Л. Попов, Л. Резцова; художники-декораторы: В. Валерьянова, О. Геммерлинг, В. Роджеро.

Роли исполняют: Л. Пирогов, Н. Горлов, Ю. Любимов, Н. Зорская, В. Мясникова-Скопина, А. Щукин.

«БРАТЬЯ ЛЮ»

(3 части)

Художественный мультипликационный цветной кинофильм. Производство киностудии «Союзмультфильм», фильм находится в производстве.

Автор сценария Н. Эрдман; режиссер Д. Бабиченко; художник-постановщик А. Трусов; ассистент режиссера Б. Петин; ассистент художника-постановщика И. Курапова; оператор Н. Воинов; звукооператор Н. Прилуцкий.

«ХРАБРЫЙ ПАК»

(2 части)

Художественный мультипликационный цветной кинофильм. Производство киностудии «Союзмультфильм», фильм находится в производстве.

Автор сценария Т. Караваева; режиссеры Е. Райковский и В. Дегтярев; художники-постановщики Б. Саркисян и Г. Брашишките; оператор А. Астафьев; звукооператор Г. Мартынюк.

«ВАЛИДУБ»

(2 части)

Художественный мультипликационный цветной кинофильм. Производство киностудии «Союзмультфильм», 1952 год.

Автор сценария Л. Веприцкая; режиссер Д. Бабиченко; художник-постановщик А. Трусов; оператор Н. Воинов; звукооператор Н. Прилуцкий; музыкальное оформление В. Смирнова; художники-декораторы: В. Валерианова, В. Роджеро, И. Светлица; художники-мультипликаторы: В. Арбеков, М. Ботов, Б. Бутаков, Р. Давыдов, В. Данилевич, В. Лалаянц, В. Лихачев, Б. Меерович, К. Никифоров, Н. Привалова, Г. Филиппов, Ф. Хитрук; эскизы костюмов И. Кеша; ассистент режиссера Б. Петин.

Роли исполняют: Б. Андреев, И. Гошева, Г. Шпигель, В. Трояновский.

«ВЫСОКАЯ ГОРКА»

(2 части)

Художественный мультипликационный цветной кинофильм. Производство киностудии «Союзмультфильм», 1951 год.

Автор сценария Г. Колтунов; стихотворный текст М. Вольпина; режиссеры Л. Амальрик и В. Полковников; художник-постановщик А. Трусов; композитор В. Оранский; оператор М. Друян; звукооператор Н. Прилуцкий; художники-мультипликаторы: Ф. Хитрук, Р. Миренкова, В. Котеночкин, Б. Савков, В. Данилевич, Н. Привалова, Т. Таранович, М. Ботов, Л. Попов, М. Купрач; художники-декораторы: В. Роджеро, Д. Анпилов, Н. Светлица, К. Малышев, Е. Танненберг.

Роли исполняют: А. Зуева, И. Гошева, Г. Вицин, К. Ростовцева.

«ЛЕСНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ»

(2 части)

Художественный мультипликационный цветной кинофильм. Производство киностудии «Союзмультфильм», 1951 год.

Авторы сценария Г. Скребицкий и В. Чаплина; режиссер М. Пащенко; композитор Карэн Хачатурян; художник-постановщик Е. Мигунов; асси-

стент режиссера Е. Трунов; ассистенты художника-постановщика А. Модель и В. Василенко; оператор М. Друян; ассистент оператора Е. Ризо; звукооператор Н. Прилуцкий; художники-декораторы: В. Никитин, В. Роджеро, Е. Танненберг, И. Светлица; художники-мультипликаторы: М. Ботов, Ф. Хитрук, Б. Меерович, Г. Козлов, Н. Привалова, В. Арбеков, В. Котеночкин, Р. Миренкова, Р. Давыдов, Ю. Прытков, Л. Попов, Г. Филиппов.

Роли исполняют: В. Ратомский, Ю. Юльская, М. Докторова, Ю. Хржановский, А. Панова, В. Иванова, Т. Барышева, Г. Белов.

«НЕПОСЛУШНЫЙ КОТЕНОК»

(1 часть)

Художественный мультипликационный цветной кинофильм. Производство киностудии «Союзмультфильм», 1952 год.

Автор сценария и режиссер М. Пащенко; композитор Карэн Хачатурян; художники-постановщики Б. Дежкин и В. Василенко; ассистент художника Г. Брашишките; ассистент режиссера А. Бирюлин; оператор А. Астафьев; звукооператор Н. Прилуцкий; художники-мультипликаторы: М. Ботов, Б. Чани, Б. Дежкин, Н. Привалова, Е. Комова, Ф. Епифанова, Д. Белов, Л. Резцова, Б. Меерович.

Роли исполняют: В. Ратомский, Ю. Юльская, В. Иванова, А. Панова, М. Докторова, М. Яроцкая, Н. Чкуасели.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Лев Кассиль
ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ 7

Владимир Сутеев
ВОЛШЕБНЫЙ МАГАЗИН 29

М. Ерзинкян, В. Данилов
ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ (по мотивам рассказа С. Гансовского «Ниагара») 49

Николай Рожков
ЗОЛОТЫЕ РУКИ (по мотивам русской народной сказки) 67

Аугуст Якобсон
ВОЛК И ОЛЕНЬ (по мотивам эстонской народной сказки) 78

Олег Леонидов
СЕРДЦЕ ХРАБРЕЦА (по мотивам сказки Д. Нагишкина) 85

Н. Эрдман
БРАТЬЯ ЛЮ (по мотивам китайской народной сказки) 95

Т. Караваева
ХРАБРЫЙ ПАК (по мотивам корейской народной сказки) 112

Л. Веприцкая
ВАЛИДУБ (по мотивам чешской народной сказки) 125

Г. Колтунов
ВЫСОКАЯ ГОРКА (по рассказу В. Бианки «Красная горка») 136

В. Чаплина, Г. Скребицкий
ЛЕСНЫЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ 150

М. Пащенко
НЕПОСЛУШНЫЙ КОТЕНОК (по сказке И. Бельшева) 169

Приложение 179

Редактор
М. Лакштовская

Художественный редактор
А. Кобрин

Технический редактор
Л. Гориловская

Корректор
С. Каган

*

А 05970. Подписано к печати 17/IX 1952 г. Бумага 60×92 1/16. Бумажных листов 5,75. Печатных листов 11,5 + 1,25 л. вклеек. Учетно-изд. листов 9,424. Изд. № 409. Тираж 45 000 экз. Зак. № 1435.
Цена 6 р. 70 к.

*

3-я типография «Красный пролетарий»
Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

2

6 р. 70 к.